

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1886.

№ 6.

МАРТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	345—380
Представители догматико-полемиической проповѣди въ IV вѣкѣ на Востокѣ. Профессора С.-Петербургской духовной академіи Н. Варсова	381—413
Протестантское ученіе о церковной іерархіи (окончаніе). Н. Малюновскаго	414—424

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Метафизическій анализъ эмпирическаго познанія (продолженіе) Профессора Московской духовной академіи В. Жудрявцева	277—295
Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи П. Линицкаго	296—313
М. Т. Цицерона „Тускуланскія бесѣды“ къ М. Бруту (кн. 1-я) (продолженіе). Ѳ. Садова	314—326

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Опрежденія Святейшаго Синода.—Отъ Правленія Харьковской духовной семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Некрологъ.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НЕМЕНСКАЯ № 26.

1886.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ общирномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полные экземпляры ея изданій за прошлые 1884 и 1885 годы, по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за
экземпляръ съ пересылкою

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Апрѣля 1 дня 1886 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА.

— — —
(Продолженіе *).

XVII.

Политика исключительно національная имѣла и въ 1812 году не мало представителей въ средѣ высшаго Петербургскаго общества. Сюда принадлежали всѣ люди, порицавшіе съ самаго начала вмѣшательство императора Александра I въ дѣла европейскаго Запада. По мнѣнію такихъ людей, Россіи не было ни малѣйшей надобности вовлекаться въ борьбу, кипѣвшую въ Европѣ, становиться за или противъ Наполеона. Мы испытали, говорили они, и ту и другую систему и убѣдились въ ихъ одинаковой непригодности для насъ. Мы заключили союзъ съ Наполеономъ и навязали себѣ разорительную континентальную систему; мы разорвали союзъ съ Наполеономъ и подверглись страшному, чуть не погубившему насъ нашествію. Не слѣдуетъ повторять теперь вновь старыхъ ошибокъ. Наполеонъ изгнанъ изъ предѣловъ Россіи, и мы должны довольствоваться этимъ великимъ результатомъ. Намъ слѣдуетъ остановиться на нашихъ границахъ и предоставить Наполеона и Европу ихъ собственной участи. Нѣтъ основанія опасаться, что французскій импера-

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 2.

торъ отважится повторить свое нашествіе. „Довольно и одного раза быть такъ отпотчивану“ ¹⁾. Да и на какіе шансы, можемъ мы разсчитывать, перенося войну за границы имперіи? На какихъ союзниковъ можемъ мы надѣяться? На Пруссію? но она безсильна и поработчена, въ городахъ и крѣпостяхъ ея стоятъ французскія войска. На Австрію? но Наполеонъ женатъ на дочери австрійскаго императора и имѣетъ отъ нея сына. На мелкихъ нѣмецкихъ государей? но они давно уже продали себя безвозвратно Наполеону. На Англію? но она преслѣдуетъ свои корыстныя, опасныя для насъ цѣли, да и не можетъ оказать намъ иной помощи, кромѣ денежной. Продолжая борьбу съ Наполеономъ, мы рискуемъ подвергнуть себя новымъ пораженіямъ. Что будетъ съ нами, если мы возвратимся назадъ, прогнанные и съ потерями? Мы опять поднимемъ Наполеона и утратимъ всѣ полученныя нами до сихъ поръ преимущества. Не скажетъ-ли Европа: они сразились, прогнали взаимно другъ друга и кто изъ нихъ одержитъ верхъ подъ конецъ,—неизвѣстно? И въ виду такой перспективы, мы должны идти впередъ, оставлять безъ призрѣнія сожженную Москву, разгромленный Смоленскъ и окровавленную Россію, продолжать войну и требовать отъ нашего изнуреннаго народа и новыхъ армій и средствъ для ихъ содержанія! Не лучше-ли, не безопаснѣе-ли оставаться у себя дома и предложить угнетеннымъ державамъ, чтобы они воспользовались сами удобнымъ случаемъ для освобожденія себя изъ-подъ ига Франціи? Мы можемъ даже обѣщать имъ вспомошествованіе частью нашихъ силъ, но мы отнюдь не должны ставить на карту еще разъ и нашу народную честь, и наше національное существованіе ²⁾.

¹⁾ Слова Кутузова въ приводимомъ нами ниже разговорѣ его съ А. С. Шишковымъ.

²⁾ Большинство приведенныхъ здѣсь доводовъ заимствовано изъ бесѣды А. С. Шишкова съ княземъ Кутузовымъ, происходившей въ Вильнѣ въ декабрѣ 1812 года. Вотъ эта замѣчательная бесѣда, въ томъ видѣ, какъ передаетъ ее Шишковъ въ своихъ запискахъ:

Шишковъ. „Разрѣшите мое сомнѣніе, зачѣмъ идемъ мы за границу?”

Кутузовъ. Для продолженія войны.

Ш. Зачѣмъ продолжать ее, когда она кончена? Можно-ли предполагать, что

Такъ разсуждали люди, считавшіе себя настоящими русскими патріотами, но хотя въ ихъ средѣ встрѣчались даже такія выдающіяся лица, какъ самъ престарѣлый фельдмаршалъ Кутузовъ, какъ государственный секретарь Шишковъ, можно было однако-же сказать напередъ, что императоръ Александръ ни въ какомъ случаѣ не согласится стать на ихъ точку зрѣнія. Александръ слишкомъ хорошо зналъ характеръ Наполеона, его положеніе въ Европѣ, его колоссальныя средства. Онъ справедливо полагалъ, что оставиваться на границахъ Россіи значило дать Наполеону возможность собрать новыя громадныя силы, возстановить свое потрясенное владычество на Западѣ и повторить нашествіе на Россію съ большими шансами на успѣхъ. Но и помимо

Наполеонъ, пришедшій сюда со всѣми своими и европейскими силами, и самъ, по истребленіи всѣхъ его полчищъ и снарядовъ, насилу отселъ ускокавшій, можетъ покуситься вторично сюда придти?

К. Я думаю, что не придетъ. Довольно и одного раза быть такъ опотчевану.

Ш. А сидя въ своемъ Парижѣ, какое можетъ онъ сдѣлать намъ зло?

К. Намъ конечно нѣтъ; но господство его надъ другими державами, Австрією, Пруссією, Саксонією и проч. останется тоже, какое доселѣ было.

Ш. Если мы идемъ освобождать ихъ, то цѣль войны должна быть та, чтобъ Наполеона свергнуть съ престола, ибо если въ нихъ самихъ не будетъ твердости, то онъ, и по замиреніи, рано или поздно снова возобладаетъ надъ ними: честолюбивыя намѣренія его не престанутъ въ немъ пылать. Буде-же предполагается вырвать изъ рукъ его Францію, то это, по многимъ причинамъ, не такъ легко: 1-е, Пруссія безсильна, поработена; во многихъ ея городахъ и крѣпостяхъ сидятъ французы. 2-е, Наполеонъ женатъ на дочери австрійскаго императора и уже имѣетъ отъ нея сына. 3-е, саксонскій король, по расчетамъ своимъ, или отъ страха, преданъ совершенно французскому двору. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, можетъ быть и самыя побѣды наши не ободрятъ ихъ столько, чтобъ поднять оружіе и вступить съ нами въ союзъ. И такъ, не будучи въ нихъ увѣрены, мы идемъ единственно для нихъ, оставляя сторѣвшую Москву, разгромленный Смоленскъ и окровавленную Россію безъ приарфінія, съ повными надобностями требовать отъ ней и войскъ и содержанія ихъ.

К. Да! признаться должно, что этотъ великодушный нашъ поступокъ и ожидаемая отъ того слава сопряжены съ немалымъ пожертвованіемъ и великою отважностью.

Ш. Хорошо, если предпріятіе наше увѣнчается успѣхами, но ежели, паче чаянія, мы, зашедши далеко, прогнанные и съ потерями возвратимся назадъ, то, поднявъ опять Наполеона, не лишимся-ли мы тѣхъ преимуществъ, какія теперь надъ нимъ имѣемъ? Не скажетъ-ли Европа: они сражались, прогнали взаимно другъ друга, и кто изъ нихъ сдержитъ верхъ — неизвѣстно.

К. Да! это правда, будущаго нельзя знать.

этихъ чисто практическихъ соображеній, Александръ не могъ примириться съ мыслью о прекращеніи войны въ силу тѣхъ новыхъ убѣжденій, которыя овладѣли его душою въ теченіи великой борьбы. Религіозное одушевленіе, охватившее императора во всемъ его существѣ и превратившее его, по его собственнымъ словамъ, въ иного человѣка, не измѣнило, однакоже, одной основной черты его убѣжденій, именно, — его идеальныхъ космополитическихъ стремленій. Стремленія эти, насажденные въ душѣ императора еще съ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста, развитыя до энтузіазма послѣдующими событіями, должны были даже окрѣпнуть и развиться въ немъ подъ вліяніемъ религіозной идеи, такъ внезапно озарившей его внутренней міръ. Мы видѣли, что идея эта зародилась

Ш. Для чего-бы не остаться намъ у себя въ Россіи, предлагая утѣсеннымъ державамъ, чтобъ они воспользовались удобностью случая освободить себя изъ-подъ ига Франціи. Можно, если онѣ ополчатся, обѣщать имъ вспомошествованіе частію нашихъ войскъ, какъ Павелъ помогалъ Австріи, пославъ къ ней Суворова съ войсками, но не участвуя въ томъ всѣмъ своимъ царствомъ. Тогда, если-бъ и послѣдовали какіе неуспѣхи, уваженіе другихъ державъ къ могуществу Россіи особливо-же низложеніемъ исполнскихъ Наполеоновскихъ силъ пріобрѣтенное, ни мало-бы чрезъ то не уменьшилось.

К. Я самъ такъ думаю, но государь предполагаетъ иначе, и мы пойдемъ далѣе.

Ш. Если и вы такъ думаете, то отчего-же не настояте въ томъ предъ государемъ? Онъ, по вашему сану и знаменитымъ подвигамъ, конечно уважилъ-бы вашъ совѣтъ.

К. Я представлялъ ему объ этомъ; но первое, онъ смотритъ на это съ другой стороны, которую также совсѣмъ опровергнуть не можно; и другое, скажу тебѣ про себя откровенно и чистосердечно: когда онъ доказательствъ моихъ оспорить не можетъ, то обниметъ меня и подалуетъ; тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ“.

Таковы были воззрѣнія, коихъ держались въ концѣ 1812 г. такія выдающіяся лица, какъ главнокомандующій русскою арміею и государственный секретарь. Шишковъ такъ оправдывалъ въ послѣдствіи свои тогдашніе взгляды: „Что-жъ принадлежатъ до мнѣнія моего, изложеннаго въ семъ разговорѣ, то хотя послѣдующія событія и опровергли оное, однакожь и теперь не стыжусь я тогдашнихъ моихъ мнѣній. Мнѣ внушала ихъ опасность, чтобъ Россія, жертвуя собою для другихъ и ратоборствуя больше для славы, нежели для пользы своей, не подверглась, съ ущербомъ благоденствія своего, какимъ-либо новымъ злключеніямъ“. (Почтенный адмиралъ не подозрѣвалъ, что политика, которую онъ предлагалъ, скорѣе всего могла привести Россію къ новымъ злключеніямъ). „Человѣкъ судитъ по обстоятельствамъ, ему представляющимся, не зная Божескихъ, сокрытыхъ отъ него предопредѣленій. Я и понынѣ въ толь ско-

и развилась не на народной почвѣ, что она проникла въ душу императора не изъ лона національной Церкви, а изъ общаго источника всѣхъ христіанскихъ исповѣданій—Библии. Просвѣтителями Александра явились не представители православной Церкви, а люди нетвердые въ смыслѣ религіознаго образованія, къ тому-же люди, проникнутые восторженнымъ духомъ мистицизма. Религіозность, брошенная ими въ душу Александра, чужда была поэтому всякаго національнаго оттѣнка. Религіозность эта не придавала никакого значенія догматическимъ разноствямъ исповѣданій; она преслѣдовала лишь одну задачу внутренняго просвѣщенія человѣка, произвольно понимаемаго и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, такъ-же безъ посредства Церкви достигаемаго, его единенія съ Божествомъ ¹⁾. Такая религіозность уживалась, какъ нельзя

ромъ паденіи возросшей до высочайшей степени силы Наполеоновои не иное что вижу, какъ особенное произволеніе Творца вселенной. Властолюбіе, соединясь съ безвѣріемъ, достигло до такой степени кровопійственнаго буйства, что возмутило спокойствіе всѣхъ народовъ и навлекло на себя гнѣвъ Божій. Его, а не человѣческая рука поразила сіе чудовище. Она, безъ всякаго насилія и принужденія, соединила всѣхъ разнодержавныхъ и разномыслящихъ людей въ одну душу, воздвигла справедливую сторону противъ несправедливой и всѣ ея, даже иногда несогласныя, или необдуманныя, или противныя успѣхамъ начинанія и предпріятія, неисповѣдимыми путями своими, обращала ей въ пользу и торжество. Многія, видимыя мною въ продолженія сей брани, дѣйствія совершенно меня въ томъ удостовѣрили“.

Такъ разсуждалъ Шишковъ послѣ событій совершившихся, такъ поздно позналъ онъ волю Всемогущаго. Императоръ Александръ съ самаго начала вѣрилъ въ эту волю и возложилъ на нее всѣ свои упованія. Выше всѣхъ политическихъ разсчетовъ и соображеній человѣческихъ стояло для него неизблемое убѣжденіе, что Господь, осѣнившій несокрушимымъ щитомъ Своимъ Россію, доведетъ до побѣдопоснаго конца тяжелое, но святое дѣло освобожденія человечества, подъятое имъ. Александръ понималъ также, что побѣда Россіи можетъ обратиться въ постыдное пораженіе, если она остановится на половинѣ пути. Въ этой вѣрѣ, въ этомъ пониманіи истинныхъ интересовъ Россіи и заключается безсмертная заслуга Александра.

1) Что Александръ и послѣ своего религіознаго возрожденія стоялъ именно на этой общехристіанской почвѣ, доказывается, между прочимъ, словами, сказанными имъ въ Вильнѣ въ декабрѣ 1812 года графинѣ Тизенгаузенъ: „Для Бога, я думаю, безразлично — призываютъ-ли его люди на греческомъ или на латинскомъ языкѣ, лишь-бы только они исполняли свои обязанности въ отношенія къ Нему, да были-бы честны“. См. записки Шуазель-Гуфье. „Русская Старина“ 1877 г. Т. XX, стр. 603.

лучше, съ прежними космополитическими идеями императора и придавала имъ новый, болѣе, повидимому, широкій смыслъ. Она, казалось, превращала отвлеченныя идеи свободы, равенства, братства въ практическое единеніе всѣхъ вѣрующихъ и освященныхъ свѣтомъ Божественной благодати съ ихъ Небеснымъ Отцемъ. Она освящала любовь къ человѣчеству стремленіемъ не только къ его временному освобожденію и матеріальному преуспѣянію, но и къ его духовному вѣчному освобожденію и спасенію. Она осуждала эгоизмъ во всѣхъ его проявленіяхъ, она отрицала всякія исповѣдныя различія, не придавала ни малѣйшаго значенія внѣшности и обрядамъ. Эта новая религіозная идея должна была явиться самою могущественною силою, двигавшею Александра на продолженіе борьбы съ Наполеономъ. Всѣ люди, всѣ народы—братья во Христѣ, всѣ одинаково нуждаются во внѣшнемъ и внутреннемъ освобожденіи и просвѣщеніи. Само Провидѣніе избрало его, Александра, и его вѣрную Россію для освобожденія измученнаго человѣчества изъ тяжелыхъ оковъ рабства, изъ мрака невѣрія и эгоизма; подымая такъ высоко Александра, эта новая религіозность отрывала его, однако-же, вновь отъ національной почвы и могла при извѣстныхъ обстоятельствахъ заставить его опять служить чуждымъ, даже гибельнымъ для Россіи цѣлямъ.

Такая опасность не могла-бы, впрочемъ, и возникнуть, если-бы Александръ, отвергая совѣты людей, стоявшихъ на чисто русской точкѣ зрѣнія, задался одною только мыслью установить по сверженіи Наполеона такой порядокъ вещей въ Европѣ, который основанъ-бы былъ исключительно на вѣчныхъ законахъ справедливости и соотвѣтствовалъ-бы въ то же время нуждамъ и интересамъ европейскихъ народовъ. Были люди, которые старались поставить Александра именно на эту идеальную почву,—которые говорили ему, что Россія, не нуждаясь ни въ какихъ завоеваніяхъ, великая и побѣдоносная, можетъ выступить именно въ этотъ моментъ всеобщимъ и безпристрастнымъ миротворцемъ и приобрѣсти себѣ тѣмъ самымъ не только неувядаемую славу, но и преимущества чисто нравственныя, болѣе прочныя и существен-

ныя, нежели выгоды матеріальныя. Въ такомъ смыслѣ говорили Александру не только иностранцы, которыхъ можно-бы было заподозрить въ заднихъ мысляхъ, но и люди несомнѣнно русскіе и по происхожденію и по убѣжденіямъ. По свидѣтельству Штейна, образовалась даже цѣлая партія, впрочемъ немногочисленная, которая старалась доказать императору, что ея мнѣніе одно можетъ принести желанный миръ и что ея широкіе и истинно христіанскіе совѣты одни лишь могутъ соотвѣтствовать благородному и свободному образу мыслей Александра ¹⁾.

Но императоръ, внимательно выслушивая эти совѣты и подавая видъ, что онъ намѣренъ послѣдовать имъ, въ то же время не въ силахъ былъ оттолкнуть отъ себя и другихъ людей, смотрѣвшихъ, повидимому, на дѣло съ не менѣе высокой и христіанской точки зрѣнія. Эти люди принадлежали къ польскому лагерю. Не трудно было, казалось, понять, что совѣты этихъ людей вытекаютъ изъ самаго мутнаго и крайне эгоистическаго источника, что вся сумма ихъ политическихъ стремленій и идеаловъ сводится къ возстановленію аристократической польской республики, что она идетъ, слѣдовательно, въ разрѣзъ и съ интересами русскаго народа, и съ интересами закрѣпощенной польской массы. Горькіе опыты столь недавняго прошлаго и настоящаго должны были удержатъ Александра отъ всякаго сближенія съ поляками, убить въ немъ разъ навсегда всякую вѣру въ ихъ обѣщанія. Для Александра не могло оставаться неизвѣстнымъ ни поведеніе польскаго дворянства и духовенства въ западномъ краѣ, ни образъ дѣйствій польскихъ солдатъ и офицеровъ внутри Россіи. Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что

---

¹⁾ „Успѣхи русскаго оружія вліяютъ самымъ различнымъ образомъ на общественное мнѣніе. Одни надѣются, что Россія заключитъ миръ послѣ изгнанія непріятеля и предоставитъ Европу ея собственнымъ движеніямъ; другіе требуютъ расширенія имперіи по крайней мѣрѣ до Вислы и гегемоніи Россіи на материкѣ; третьи хотятъ установить такой общественный порядокъ въ Европѣ, который основывался-бы на справедливости и на истинныхъ интересахъ народовъ. Само собою понятно, что эта третья партія самая слабая“... Такъ характеризуетъ Штейнъ различныя теченія общественнаго мнѣнія въ Петербургѣ. См. Пердцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 205; письмо къ графу Мюнстеру.

громадное большинство польской интеллигенціи встрѣтило Наполеона съ отверзстыми объятіями; что поляки въ теченіи всей войны являлись злѣйшими врагами Россіи. Александръ зналъ все это не хуже кого-либо другаго, но все это не въ состояніи было заставить его отречься отъ польскихъ симпатій и идеаловъ своей молодости и заставить взглянуть на польскій вопросъ съ чисто русской точки зрѣнія. Какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ этомъ, Александръ продолжалъ оставаться неисправимымъ идеалистомъ.

Новыя религіозныя убѣжденія, возникшія и развившіяся на основѣ чисто космополитической, могли только укрѣпить и освятить въ его сознаніи его прежнія польскія утопіи. Если прежде онъ стремился возстановить Польшу во имя отвлеченной идеи справедливости, то теперь это возстановленіе казалось ему обязательнымъ по чувству вновь сознаннаго имъ христіанскаго долга. Вѣчная Божественная правда, какъ ему казалось, требовала удовлетворенія и искупленія прежней великой неправды, совершенной его предшественниками и союзниками ихъ, разрушившими самостоятельную жизнь польскаго народа. Безспорно, что поляки явились въ послѣднюю войну озлобленными врагами Россіи и преданными слугами французскаго императора, но развѣ можно ставить имъ въ вину такой ихъ образъ дѣйствій? Развѣ они не имѣли повода мстить за нанесенную имъ смертельную обиду, развѣ они не имѣли основанія усматривать въ Наполеонѣ единственную опору своей національной идеи? Если и можно ихъ упрекнуть въ чемъ-либо, то развѣ въ слишкомъ большой довѣрчивости къ Наполеону. Несправедливымъ казалось ему также утверждать, что возстановленіе Польши можетъ въ чемъ-либо повредить истиннымъ интересамъ Россіи. Напротивъ, возстановляя Польшу, платя добромъ за зло, Россія не только совершитъ великій христіанскій подвигъ, не только завершитъ достойнымъ образомъ подъятую ею священную войну, не только заложитъ первый краеугольный камень новаго порядка вещей въ Европѣ,—порядка, основаннаго на идеяхъ христіанской любви и божественной правды, но и извлечетъ для себя изъ этого акта несомнѣнныя и великія политиче-

скія выгоды. Возстановленная Польша,—Польша, соединенная притомъ съ Россіею властью одного государя, явится для Россіи самымъ твердымъ оплотомъ съ западной стороны, ея вѣрнымъ и вѣчнымъ союзникомъ въ будущихъ европейскихъ осложненіяхъ и столкновеніяхъ. Этого мало. Поляки могутъ оказать Россіи великія услуги и въ настоящей, далеко не оконченной еще борьбѣ. Правда, они держались до сихъ поръ Наполеона и несли ему охотно въ жертву свое достоиніе и свою кровь; но стоитъ лишь открыть имъ глаза, убѣдить ихъ окончательно, отъ кого должны они ожидать возстановленія своего униженнаго и раздробленнаго отечества,—и они совершенно и навсегда измѣнятъ свои симпатіи, перейдутъ душою и тѣломъ подъ побѣдоносныя знамена Россіи.

Такъ разсуждалъ императоръ Александръ ¹⁾, и его польскіе приближенные старались убѣдить его всѣми силами въ вѣрности его взглядовъ и сужденій. Ничего не стоило, по видимому, разрушить эту систему лжесплетеній; стоило лишь посмотрѣть на вопросъ съ иной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія интересовъ русскихъ и общеевропейскихъ. Эту задачу принялъ на себя, между прочимъ, Штейнъ, пользовавшійся такимъ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ на императора Александра. Неоднократно пытался онъ доказать государю, что возстановленіе Польши въ ея прежнихъ размѣрахъ не только можетъ возстановить противъ Россіи ея западныхъ сосѣдей, но что оно противорѣчитъ истиннымъ интересамъ самой Россіи. Допустимъ, говорилъ онъ, что возстановленная Польша получитъ отъ русскаго императора свободную конституцію. Въ такомъ случаѣ произойдетъ неизбежно одно изъ двухъ: или русскіе государи будутъ уважать и охранять конституцію, или-же нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, духъ недовольства, всегда существующій въ Польшѣ, найдетъ для себя новую пищу, новый и законный предлогъ къ возстанію, къ отторженію отъ Россіи, къ возстановленію независимости.

¹⁾ Само собою понятно, что всѣ приведенныя здѣсь разсужденія не находятся въ полномъ видѣ ни въ одномъ официальномъ или частномъ документѣ; но тѣмъ не менѣе каждое изъ нихъ можетъ быть подтверждено словами и дѣйствіями Александра и его польскихъ приближенныхъ.

Въ первомъ-же случаѣ трудно будетъ самодержавному русскому монарху проявлять неограниченную власть въ своемъ собственномъ народѣ, во всей разноплеменной Россіи, и въ то же время быть конституціоннымъ королемъ въ одной Польшѣ, соблюдать непарушимо разъ, хотя-бы и искусно, проведенныя линіи ограниченія верховной власти. Но допустимъ, доказывалъ онъ далѣе, что разъ дарованная конституція будетъ соблюдаема свято и непарушимо, что она будетъ распространена на всѣ земли, входившія въ составъ старой Рѣчи Посполитой до Днѣпра и Двины: что станется тогда съ русскимъ самодержавіемъ и, — могъ-бы прибавить Штейнъ, — съ русскою народностью? Не будутъ-ли они въ скоромъ времени поглощены польскимъ республиканизмомъ и анархіею, или же, отстаивая свое существованіе, не поглотятъ-ли они ихъ въ свою очередь? ¹⁾

Штейнъ указывалъ Александру и на другое чрезвычайно важное обстоятельство. Возстановленіе Польши, говорилъ онъ, идетъ въ разрѣзъ съ желаніями и стремленіями громаднаго большинства русскаго народа: Русскіе презираютъ поляковъ, они ненавидятъ ихъ за ихъ легкомысліе и измѣнчивость, за ихъ коварство и вѣроломство ²⁾. Такіе доводы Штейна встрѣчали, безъ сомнѣнія, полное одобреніе со стороны тѣхъ русскихъ государственныхъ людей, съ которыми говорилъ императоръ о своихъ польскихъ планахъ. По крайней мѣрѣ, въ послѣдствіи въ Вѣнѣ, ни одинъ изъ русскихъ министровъ, спрошенныхъ государемъ, не одобрилъ его польскихъ плановъ. Но всѣ эти доводы и доказательства не произвели ни

¹⁾ См. Церцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 206—208. Партія, замѣчаетъ Штейнъ, стремящаяся къ расширенію имперіи, поддерживается всѣми поляками. Они желаютъ возстановить Польшу, какъ особое конституціонное государство, соединенное съ Россіею лишь личною властью государя. Наибольшимъ вліяніемъ пользуются находящіеся здѣсь (въ Петербургѣ) поляки: Огинскій, Сапѣга, Любомірскій, зять гофмаршала Толстаго (этотъ послѣдній поддерживаетъ также польскія идеи). Армфельдтъ съ своею обычною суетливостью, хитростью и поверхностностью принимаетъ дѣятельное участіе во всемъ этомъ.— „Способенъ-ли“, задастъ Штейнъ вопросъ, „пользоваться разумно свободою народъ, состоящій изъ дворянъ, жидовъ и забитыхъ крѣпостныхъ, — народъ, извращенный кромѣ того двухсотъ-лѣтнею анархіею“

²⁾ Церцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 208.

тогда, ни теперь желаннаго дѣйствія на Александра. Гдѣ же слѣдуетъ искать причинъ такого страннаго явленія? Неужели, государь, только что убѣдившійся во-очію въ непоколебимой преданности своего народа, могъ отнестись такъ равнодушно, даже враждебно къ интересамъ и стремленіямъ этого самаго народа? Мы полагаемъ, что Александръ лишь потому не поддался увѣщаніямъ Штейна и русскихъ государственныхъ людей, что онъ понималъ интересы Россіи совершенно иначе, нежели они. Онъ твердо вѣрилъ въ возможность примиренія русскихъ съ поляками, онъ смотрѣлъ на свободныя учрежденія, проектируемыя имъ для Польши, какъ на школу для самой Россіи; онъ полагалъ, что самолюбіе русскаго народа получитъ полное удовлетвореніе, когда Самодержецъ Россійскій соединитъ подъ своею властью Россію и Польшу и раздвинетъ предѣлы имперіи далеко на западъ. И что самое главное, никто изъ противниковъ польской идеи императора не постарался взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія высшей нравственности и справедливости; никто не попытался доказать ему, что возстановленіе такого уродливаго политическаго организма, какимъ была покойная Рѣчь Посполитая, никоимъ образомъ не можетъ соответствовать требованіямъ Божественной правды, и что аристократическая республика польскихъ магнатовъ и шляхтичей пала не вслѣдствіе коварства и злонамѣренности своихъ сосѣдей, а вслѣдствіе своего собственнаго полнѣйшаго извращенія и страшнаго противорѣчія вѣчнымъ и неприложнымъ законамъ справедливости.

Не разъяснивши эту сторону вопроса, Штейпъ и русскіе совѣтники императора сдѣлали большую ошибку и отдали благороднѣйшаго и глубоко религіознаго Монарха на жертву польской интригѣ. Огинскій, Сапѣга, Любомирскій и другіе поляки, окружавшіе Александра, и ихъ русскіе и не русскіе сторонники (въ числѣ таковыхъ можно указать на гофмаршала Толстаго, зятя его Любомирскаго и на хорошо извѣстнаго намъ шведскаго графа Армфельда) не упускали изъ виду ни одной изъ тѣхъ сторонъ въ характерѣ и міровоззрѣніи императора Александра, которыя дѣлали его доступ-

нымъ и воспримчивымъ къ ихъ совѣтамъ и внушеніямъ. Они чрезвычайно искусно обращали въ свою пользу и его высокій гуманнѣйшій образъ мыслей, и его либеральныя убѣжденія, и его христіанскій энтузіазмъ. Шагъ за шагомъ, неуклонно и вѣрно стремились они къ своей цѣли. То, чего не могъ, или не хотѣлъ дать имъ Наполеонъ, долженъ былъ дать имъ великодушный Монархъ Россіи. Они сумѣли поддержать Александра въ его иллюзіяхъ, они сумѣли убѣдить его окончательно, что возстановленіе Польши доставитъ ему громадныя выгоды въ продолжающейся борьбѣ съ Наполеономъ, увѣнчаетъ его безсмертною славою, что оно не будетъ противорѣчить истиннымъ интересамъ Россіи, и что оно будетъ угодно Всеблагому и Всеправедному Богу, могучая рука Котораго только что спасла Россію отъ паденія и конечной гибели.

Уже въ концѣ сентября мѣсяца 1812 г., въ тотъ моментъ, когда счастье видимо начало измѣнять Наполеону, императоръ Александръ поспѣшилъ заявить своимъ польскимъ приближеннымъ, что приближающееся торжество Россіи не должно вселять въ нихъ тревожныхъ опасеній, не должно подрывать ихъ надеждъ на возстановленіе отечества. 10 октября графъ Огинскій, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ польскихъ агитаторовъ, былъ потребованъ во дворецъ. Онъ засталъ государя въ возбужденномъ, поднятомъ настроеніи духа. Александръ сообщилъ графу о поѣздкѣ Лористона въ русскій лагерь, о своихъ военныхъ планахъ, о своей твердой увѣренности въ побѣдѣ Россіи ¹⁾. „Надѣюсь, сказалъ онъ, что съ помощью

¹⁾ „И такъ, сказалъ Александръ графу, вы видите, что уже стараются начать съ нами переговоры... Лористонъ былъ посланъ въ лагерь Кутузова и къ моему сожалѣнію имѣлъ разговоръ съ фельдмаршаломъ... Кутузовъ человекъ тонкій; онъ не позволитъ обмануть себя увѣреніями Наполеона о его дружественномъ расположеніи ко мнѣ; но я не хотѣлъ-бы, чтобы кто-нибудь могъ повѣрить даже въ возможность мирныхъ переговоровъ. При теперешнемъ положеніи невозможно и думать о какомъ-бы то ни было сближеніи, пока непріятель не выйдетъ изъ предѣловъ Россіи... Я надѣюсь, что съ помощью Провидѣнія мы принудимъ его къ отступленію, и если мои планы исполнятся, то Наполеону будетъ не легко добратъся назадъ во Францію; во всякомъ случаѣ, это будетъ стоить ему большихъ жертвъ. Мой планъ начертанъ... Кутузовъ будетъ дѣйствовать соображаясь съ движеніями непріятели въ Москвѣ; Витгенштейну и Штейнгейму я предписалъ дѣйствовать наступательно. Въ этотъ моментъ Чичаговъ съ Дунай-

Божіею, мы принудимъ непріятеля очистить не только мои русскія провинціи, но и Бѣлоруссію и Литву. Я призвалъ васъ сюда, чтобы объявить вамъ, что я намѣренъ обратиться съ прокламаціею къ польскимъ подданнымъ моей имперіи. Я не хочу, чтобы отчаяніе и ужасъ сопровождали возвращеніе моихъ армій въ Литву. Я знаю, что не всѣ вели себя тамъ, какъ слѣдуетъ, но большинство вашихъ земляковъ не потеряло своихъ правъ на мое покровительство и на мое довѣріе, и я хочу, чтобы прокламація убѣдила ихъ въ этомъ. Я не потерплю какихъ бы то ни было преслѣдованій, я не упустилъ изъ виду тѣхъ плановъ, которые обсуждали мы съ вами въ началѣ кампаніи“ ¹⁾).

„Это сообщеніе императора, говоритъ графъ, глубоко тронуло меня, тѣмъ болѣе, что послѣ возвращенія своего въ Петербургъ, онъ не упомянулъ ни однимъ словомъ о нашихъ планахъ. Я былъ убѣжденъ, что онъ твердо намѣренъ продолжать войну и не принимать никакихъ мирныхъ предложеній; но не смотря на все довѣріе, внушаемое мнѣ имъ, мнѣ трудно было вѣрить, что очищеніе Москвы и отступленіе Наполеона воспослѣдуютъ такъ скоро. Я не могъ хорошо понять, какимъ образомъ вслѣдствіе инструкцій, посланныхъ императоромъ начальникамъ армій, Наполеонъ будетъ такъ отрѣзанъ на пути своего отступленія, что лишь съ трудомъ успѣетъ достигнуть вновь границъ Франціи. Я не былъ посвященъ въ операціонные планы; я не зналъ, какія силы могутъ быть противопоставлены непріятелю, я не имѣлъ даже точнаго представленія о состояніи главной арміи, бывшей подъ начальствомъ Кутузова. Да и кто могъ предвидѣть тогда тѣ сверхъестественныя событія, посредствомъ коихъ спасло тогда Провидѣніе Россію отъ ея враговъ“ ²⁾. „Я слушалъ

скою арміею находится уже на Волыни и принялъ начальство надъ войсками, дѣйствующими противъ Шварценберга. Принудивъ къ отступленію сего послѣдняго, онъ оставитъ противъ него наблюдательный корпусъ, а самъ двинется на Минскъ и прибудетъ туда съ 80,000 ч., по моему разсчету, черезъ три недѣли“...
M. O g i n s k i 's, Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 169.

¹⁾ M. Oginski's, Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 169 и 170.

²⁾ „Und wer konnte damals die übernatürlichen Ereignisse voraussehen, welche die Vorsehung vorbehalten hatte, um Russland von seinen Feinden zu befreien?“

императора, не пытаюсь проникнуть въ его планы, не позволяя себѣ никакихъ разсужденій и думалъ лишь объ одномъ, какъ бы поскорѣе исполнить приказанія Его Величества. Такъ какъ я не зналъ, въ какомъ родѣ должна быть составлена прокламація къ полякамъ, то я позволилъ себѣ предложить нѣкоторые вопросы и просить разъясненій по этому предмету. Императоръ отвѣчалъ мнѣ: „Въ этотъ моментъ я не могу имѣть иного намѣренія кромѣ того, чтобы успокоить поляковъ и дать имъ увѣренность, что въ провинціяхъ, куда собираются возвратиться мои войска, не совершено будетъ никакого акта возмездія. Эта прокламація не только должна дать имъ новый знакъ моего благоволенія, но и служить инструкціею для моихъ генераловъ, предписать имъ тотъ образъ дѣйствій, которому они должны слѣдовать“.

Этотъ отвѣтъ императора смутилъ пламеннаго польскаго патріота. Онъ понялъ, что дѣло идетъ пока не о возстановленіи Польши и не о какихъ бы то ни было политическихъ обѣщаніяхъ его землякамъ, а просто объ амнистіи, о прощеніи тѣхъ польскихъ подданныхъ русскаго императора, которые въ моментъ нашествія Наполеона отважились нарушить долгъ присяги. Огинскій осмѣлился замѣтить государю, что если дѣло идетъ лишь объ амнистіи, то достаточно послать особья инструкціи на этотъ счетъ главнокомандующимъ; но что, если императоръ желаетъ ободрить поляковъ въ провинціяхъ, занятыхъ нынѣ непріателемъ и распространить свои благосклонныя намѣренія и на предѣлы герцогства Варшавскаго, тогда, по его мнѣнію, слѣдовало-бы возбудить этою прокламаціею надежды на возстановленіе Польши, какъ только успѣхи русскаго оружія представятъ къ этому возможность.

Императоръ отвѣчалъ: „Да, это разумѣется само собою. Вы знаете образъ мыслей, который питалъ я всегда по отношенію къ вашимъ землякамъ. Ожесточеніе, съ которымъ боролись поляки въ этой кампаніи противъ моихъ армій, показываетъ, что не всѣ они отплатили мнѣ добромъ, но я ограничиваюсь лишь сожалѣніемъ о тѣхъ изъ нихъ, кои позволили Наполеону увлечь себя обманчивыми обѣщаніями.“

Я съ своей стороны не измѣнилъ моего намѣренія и сдержу свое слово, какъ только настанетъ для того время. Вы поймете, что я не могу думать объ организаціонныхъ планахъ, пока дѣло идетъ объ изгнаніи и истребленіи непріятели, все еще сильнаго, не смотря на всѣ его ошибки и потери. Но я прошу васъ составить упомянутую прокламацію къ полякамъ, и такъ какъ она появится лишь тогда, когда обстоятельства рѣшительно склонятся въ нашу пользу, то я уполномочиваю васъ объявить въ ней, что я намѣренъ возстановить Польшу и что я рассчитываю при этомъ на довѣріе поляковъ“ 1).

Польскій графъ не удовольствовался, однакоже, и такимъ рѣшительнымъ заявленіемъ русскаго императора 2). Спустя нѣсколько дней, онъ рѣшился обратиться къ государю съ письмомъ, въ которомъ старался доказать, что для возбужденія поляковъ и привлеченія ихъ на сторону Россіи недостаточно одной амнистіи, что необходимо дать имъ болѣе точныя и опредѣленныя обѣщанія на счетъ ихъ національной будущности 3). Графъ начинаетъ съ того, что высказываетъ сомнѣнія въ возможности слишкомъ скорою и рѣшительной побѣды надъ Наполеономъ. Онъ полагаетъ, что Наполеонъ успѣетъ пробиться или въ южныя провинціи— въ Украину, Подолю и Волинію, или-же въ Литву, гдѣ онъ присоединитъ къ себѣ войска Виктора, Сенъ-Сира и Макдональда. И въ томъ и въ другомъ случаѣ поляки могутъ приобрѣсти, по мнѣнію графа, громадное, чуть не рѣшающее вліяніе на дальнѣйшій ходъ войны. Наполеонъ найдетъ въ польскихъ областяхъ, если только жители отнесутся къ нему сочувственно, не только хорошія зимнія квартиры и матері-

1) М. Oginski's Denkwürdigkeiten. Т. III, стр. 170—172.

2) Само собою понятно, что за отсутствіемъ другихъ источниковъ, мы никакъ образомъ не можемъ провѣрить, было-ли таковое заявленіе произнесено императоромъ въ дѣйствительности, или нѣтъ. Только событія, происшедшія впоследствии, доказываютъ, что Огинскій говорилъ сущую правду.

3) Мы приводимъ только содержаніе письма и выдержки изъ него, важныя для нашей цѣли. Полный текстъ письма читатели найдутъ въ мемуарахъ Огинскаго (Т. III, стр. 172—178), а переводъ его напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1874 г. Т. I. стр. 686—691.

альныя средства для продолженія войны, но можетъ организовать противъ Россіи, съ помощью поляковъ, чрезвычайно опасную партизанскую войну. Поляки показали и во время Барской конфедераціи, и во время послѣдняго возстанія въ 1794 г., насколько они искусны и страшны въ подобнаго родѣ войнѣ. Нельзя пренебрегать такою выгодною для Наполеона возможностью, необходимо во-время принять противъ нея рѣшительныя мѣры. Въ чемъ-же должны заключаться эти мѣры? Необходимо во что-бы то ни стало привлечь на свою сторону симпатіи поляковъ. „И вообще почему-же не дать благородной націи, возлагающей всѣ свои надежды на Ваше Императорское Величество, хотя какое-нибудь утѣшеніе? ¹⁾ Почему не поставить ее въ извѣстность о Вашихъ благосклонныхъ намѣреніяхъ, Государь? Почему не утвердить ее въ ея надеждахъ?“ Всего лучше было-бы, по мнѣнію графа, если-бы императоръ провозгласилъ себя безъ дальнѣйшихъ околичностей королемъ польскимъ ²⁾, или если-бы онъ заявилъ объ этомъ своемъ намѣреніи въ письмѣ къ князю Кутузову, которое должно быть, разумѣется, обнародовано. Подобное заявленіе имѣло-бы, по мнѣнію графа, магическое дѣйствіе. „Съ какимъ одушевленіемъ сражались-бы поляки, служащіе въ арміяхъ Вашего Величества, за государя, который возвратилъ имъ ихъ отчизну! Съ какимъ рвеніемъ поспѣшили-бы подъ Ваши знамена тысячи другихъ! Съ какимъ энтузіазмомъ принята была-бы эта вѣсть во всѣхъ польскихъ провинціяхъ, не занятыхъ непріателемъ? Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали-бы поляки въ Литвѣ и въ герцогствѣ Варшавскомъ возвращенія Вашихъ армій! Повсемѣстно поляки оставили-бы того, кто возбуждалъ въ нихъ лишь тщетныя надежды и поспѣшили-бы броситься къ ногамъ истиннаго благодѣтеля и возстановителя Польши. И если

¹⁾ Буквально: „Die von Ew. Kaiserlichen Majestät alles erwartet“. Сочиняя эту фразу, графъ вѣроятно забылъ, что земляки его ожидали въ этотъ моментъ всѣхъ благъ отъ одного Наполеона.

²⁾ „Вашему Императорскому Величеству подобаетъ извлечь пользу изъ войны, утвердивъ политическую систему Европы и предначертавъ границы имперіи, кои сдѣлаются неприступными съ той поры, какъ Польша будетъ служить имъ валомъ и укрѣпленіемъ“. M. Oginski's Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 173—174.

польскіе солдаты не дезертировали-бы изъ армій Наполеона, (ибо они неспособны безчестить себя и пятнать національный характеръ) ¹⁾, то во всякомъ случаѣ ихъ сопротивление ослабѣло-бы, ихъ воодушевленіе угасло-бы и они ждали-бы лишь удобнаго случая, чтобы покинуть службу и возвратиться въ отечество“.

Графъ убѣжденъ, между прочимъ, что проектъ возстановленія Польши будетъ безусловно одобренъ каждымъ просвѣщеннымъ министромъ, всякимъ разумнымъ и мыслящимъ человекомъ ²⁾. Союзники Россіи станутъ помогать ей съ удвоеннымъ рвеніемъ, такъ какъ рѣшительный шагъ провозглашенія императора русскаго польскимъ королемъ, докажетъ имъ, что Россія не намѣрена отступать и передъ самыми энергическими средствами для продолженія войны съ Наполеономъ ³⁾. Англія одобритъ возстановленіе Польши уже потому, что усмотритъ въ немъ для себя важныя торговыя выгоды ⁴⁾. Вся Европа, страдающая теперь подъ игомъ Наполеона и боящаяся въ тоже время подпасть подъ иго торжествующей Россіи, посмотритъ съ удовольствіемъ на возстановленіе Польши, какъ на преграду, воздвигаемую между Россіею и остальнымъ материкомъ. Лишь одинъ Ав-

---

¹⁾ Честь и національный характеръ нисколько не мѣшали полякамъ дезертировать изъ русской арміи, или служить шпионами у Наполеона.

²⁾ Любопытно, что графъ противопоставляетъ этимъ мудрымъ министрамъ и мыслящимъ людямъ—Петербургскую публику, которая не можетъ одобрить и понять его планы вслѣдствіе своего легкомыслія. Не мѣшало-ли, замѣтимъ мы съ своей стороны, этому пониманію то обстоятельство, что Петербургское общество было все-таки общество русское?

³⁾ Кого понимаетъ графъ подъ этими союзниками Россіи? Если только Швецію и Испанію, то не говоря уже о томъ, что эти союзники не имѣли особеннаго значенія для Россіи, у нихъ не было ни малѣйшей причины удвоить своего рвенія, вслѣдствіе провозглашенія Александра королемъ польскимъ. Швеція и Испанія и безъ того не сомнѣвались въ твердомъ намѣреніи русскаго государя продолжать борьбу съ Наполеономъ до конца, и пожаръ Москвы былъ для нихъ лучшимъ ручательствомъ, нежели возстановленіе Польши.

⁴⁾ Торговые интересы Англіи были ровно ни при чемъ при возстановленіи Польши. Эта фраза имѣла-бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если-бы Александръ намѣревался дать англичанамъ право беспошлинной торговли въ Польшѣ. Въ дѣйствительности, какъ оказалось это на Вѣнскомъ конгрессѣ, Англія была противъ возстановленія Польскаго королевства подъ властью русскаго императора.

стрийскій домъ можетъ быть обезпокоенъ чрезвычайнымъ усиленіемъ Россіи вслѣдствіе возстановленія Польши; но развѣ нельзя сблизиться съ этимъ домомъ, развѣ нельзя будетъ открыть ему глаза на его собственные интересы, развѣ нельзя будетъ побудить его возвратить Галицію, обеспечивъ ему иное вознагражденіе при заключеніи всеобщаго міра? Наконецъ, и всѣ истинные русскіе патріоты, понимающіе настоящіе интересы Россіи, свободные отъ предрасудковъ и ненависти, должны усмотрѣть въ возстановленіи Польши могущественное средство для славнаго окончанія этой войны и предупрежденія будущихъ войнъ. Русскіе помѣщики, потерявшіе въ послѣднее время богатые имѣнія въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, должны быть лично заинтересованы въ возстановленіи Польши ¹⁾.

„Наконецъ этотъ актъ долженъ показать всѣмъ тѣмъ, которые полагаютъ, что Ваше Величество способны купить миръ цѣною новыхъ жертвъ ²⁾, что Вы заняты въ настоящее время такимъ проектомъ, который долженъ увѣнчать Вашу славу, расширить предѣлы Вашей имперіи и навсегда обезпечить безопасность и спокойствіе Вашихъ подданныхъ“.

Графъ не удовольствовался и этимъ посланіемъ къ императору. Полагая, что надо ковать желѣзо, пока оно горячо, и очевидно считая императора Александра способнымъ заявить теперь-же передъ лицомъ всего свѣта о своихъ безграничныхъ симпатіяхъ къ полякамъ, онъ составилъ и письмо императора къ князю Кутузову и отправилъ его къ государю. Письмо это показываетъ ясно, до какой степени считали Огинскій съ компаніею русскаго государя своимъ орудіемъ, обреченнымъ служить польскимъ національнымъ цѣлямъ.

„Когда вы вступите въ Польшу“ ³⁾, заставляеть Огинскій

¹⁾ Интересы этихъ помѣщиковъ не имѣли ровно ничего общаго съ возстановленіемъ Польши. Они должны были получить обратно свои имѣнія и безъ того, тотчасъ-же послѣ занятія нашими войсками западнаго края.

²⁾ Число людей, думавшихъ такимъ образомъ, не могло быть особенно велико осенью 1812 года, и Александру не было ни малѣйшей надобности заботиться о ихъ скорѣйшемъ разубѣжденіи.

³⁾ И изъ этого любопытнаго документа мы приводимъ лишь отдѣльныя мѣ-

говорить императора Александра въ этомъ письмѣ ¹⁾, „то скажите полякамъ, что я всегда умѣлъ цѣнить ихъ храбрость, ихъ любовь и вѣрность отечеству и государю. Скажите имъ, что я твердо намѣренъ возстановить королевство Польское и провозгласить себя королемъ польскимъ, какъ только войска мои очистятъ страну отъ непріятеля. Скажите имъ, что соединенные навсегда съ Россією мною и моими преемниками, они сохранятъ вѣру своихъ отцевъ, отдѣльное управленіе и національные законы, основанные на столь дорогой для нихъ конституціи 3-го мая 1791 года. Скажите имъ, наконецъ, что добродѣтельный энтузіазмъ, одушевлявшій ихъ и заставлявшій желать возстановленія отечества, могъ только возвысить мое уваженіе къ нимъ, что я далекъ отъ всякой мысли порицать или преслѣдовать ихъ за прошлое и что я буду довѣрять преимущественно тѣмъ изъ нихъ, кои, одушевленные чистѣйшимъ гражданскимъ духомъ, дали наибольшія доказательства своей преданности и привязанности къ отечеству“ ²⁾.

Но едва-ли не любопытнѣе всего заключеніе письма. Вотъ какимъ образомъ долженъ былъ опредѣлять въ немъ русскій главнокомандующій результаты и плоды гигантской борьбы русскаго народа за свое самобытное существованіе и вѣру отцевъ: „Соединеніе двѣнадцати милліоновъ людей, жаждущихъ возстановленія отечества, подъ однимъ знаменемъ, возвращеніе потеряннаго ими 16 лѣтъ тому назадъ политическаго строя, соединеніе королевства Польскаго съ Россій-

---

ста. Подлинный текстъ см. въ мемуарахъ Огинскаго (Т. III, стр. 178 — 182), переводъ „въ Русскомъ Архивѣ“ за 1874 г. кн. I, стр. 692—695.

¹⁾ Письмо начинается громкими фразами объ отступленіи Наполеоновыхъ полчищъ. „Но недостаточно, говорится въ немъ далѣе, что Наполеонъ отступаетъ за наши границы; необходимо отнять у его ненасытнаго честолюбія всякую возможность нарушать и впредь наше спокойствіе. Надо подать руку государямъ, силою принужденнымъ слѣдовать его повелѣніямъ. Надо освободить націи, поработенныя имъ. Надо открыть глаза слабымъ, ослѣвленнымъ его счастьемъ и разсѣять призракъ его непобѣдимости“. И т. д. въ томъ-же родѣ.

²⁾ Другими словами, русскій императоръ долженъ довѣрять преимущественно тѣмъ полякамъ, которые, изъ любви къ ойчизинѣ, являлись самыми злыми врагами Россіи и яркими сторонниками Наполеона. Наглость, по истинѣ небывалая въ исторіи!

скою имперіею, сочетаніе двухъ храбрыхъ націй, гордящихся одинаковымъ происхожденіемъ, неразрывными узами братства и взаимной защиты,—таковы должны быть славные результаты вашихъ побѣдъ въ странѣ, существованіе которой столь необходимо для нашей славы и для интересовъ нашей имперіи“¹⁾).

Краснорѣчивое посланіе къ фельдмаршалу Кутузову, казалось, однакоже, еще недостаточнымъ пылкому польскому патриоту. Надо, думалъ онъ, связать какъ можно скорѣе великодушнаго, но недальновиднаго русскаго государя еще болѣе официальными и торжественными заявленіями и обѣщаніями. Пусть письмо къ главнокомандующему русскими арміями подготовитъ лишь умы къ манифесту, исходящему непосредственно отъ Самодержца Всероссійскаго. Пусть Александръ обратится въ этомъ манифестѣ съ такими словами къ полякамъ²⁾): „Свершилось! Богъ благословилъ наше оружіе! Храбрая русская нація доказала свое мужество. Посягательство непріятели оказалось безуспѣшнымъ. Возстановленіе Польши должно быть однимъ изъ великихъ результатовъ войны. Его требуетъ интересъ имперіи, отъ него зависитъ счастье двѣнадцати милліоновъ людей! Поляки! какъ глава націи, которая, подобно вамъ, ведетъ свою родословную отъ храбрыхъ славянъ,—націи, которая поклялась бороться до послѣдней кап-

¹⁾ Графъ не счелъ, разумѣется, нужнымъ объяснять, почему самостоятельное существованіе Польши было такъ необходимо для славы и для интересовъ Россіи.

²⁾ Мы приводимъ только послѣднюю часть манифеста. Не менѣе курьезна, впрочемъ, и первая часть. Въ ней императоръ напоминаетъ полякамъ о своихъ всегдашнихъ симпатіяхъ къ ихъ націи, о своихъ заботахъ о ихъ языкѣ, законахъ и правахъ, и говоритъ о своемъ исконномъ твердомъ намѣреніи возстановить Польшу. Если императоръ не могъ исполнить до сихъ поръ этого плана, то виною этому былъ Наполеонъ. Затѣмъ Огинскій заставляеть русскаго императора утверждать, что поляки сражались неохотно за Наполеона въ Испаніи. Поляки увлекались и ошибались, но они руководились самыми благородными побужденіями. „Я далекъ отъ мысли осуждать ваше воодушевленіе; я воздаю ему должную справедливость и умѣю цѣнить его. Куда-бы ни влекла васъ судьба, надежда возстановить ваше отечество одушевляетъ васъ и направляетъ ваши шаги. Для достиженія этой цѣли жертвовали вы достояніемъ, кровью, жизнью. Эта стойкость, это постоянство, съ которыми вы охраняли вашъ національный духъ, пріобрѣли вамъ всеобщее уваженіе и навсегда привлекли меня къ вамъ“. См. текстъ манифеста въ мемуарахъ Огинскаго (Т. III, стр. 183—187), переводъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1874 г. ч. I, стр. 695—699.

ли крови за неприкосновенность своихъ границъ, за свою независимость и славу, во главѣ арміи, извѣстной своей храбростью, рѣшимостью и геройскою преданностью;—связанный интересами и дружбою съ Великобританією, Швецією, Испанією, Португалією, Турцією, одушевляемый желаніемъ обезпечить вашу судьбу и навсегда предохранить Россію отъ нападений, подобныхъ теперешнему, создавая изъ Польши важнѣйшій оплотъ для имперіи, объявляю передъ лицомъ неба и земли, что я возобновлю и восстановлю королевство Польшу, понимая подъ этимъ именемъ всѣ польскія воеводства и области, доставшіяся по тремъ раздѣламъ 1772, 1793 и 1796 г.г. Россіи, а равно округа Бѣлостокскій и Тарнопольскій и все герцогство Варшавское. Возлагая на мою главу корону Польши, отдѣльную по праву господства, но соединенную моимъ лицомъ съ Русскою имперією, я принимаю эту корону для меня и для моихъ потомковъ. Я смотрю на конституцію 3 мая 1791 г., какъ на основной законъ польской націи, я буду властвовать, управлять вами и заботиться объ утвржденіи вашего благосостоянія, примѣняясь къ ея положеніямъ. До заключенія мира, или по крайней мѣрѣ, до окончательнаго изгнанія непріятели изъ предѣловъ царства Польскаго, составлено будетъ изъ поляковъ особое временное правительство“.

Затѣмъ слѣдуетъ обѣщаніе всеобщей амнистіи ¹⁾, обѣщаніе вознаградить жителей Польши за всѣ убытки и потери, которые могутъ быть причинены имъ русскими войсками, во время прохода ихъ черезъ Польшу, или пребыванія въ оной, и торжественное заявленіе, что императоръ не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока Россіи не будетъ обезпечена независимость ея правительства и свобода торговли, „а мнѣ самому и вамъ, поляки, восстановленіе королевства Польскаго съ національнымъ и конституціоннымъ правительствомъ“.

---

¹⁾ Здѣсь вновь повторяется, что особенно тѣ поляки имѣютъ право рассчитывать на благоволеніе и покровительство русскаго государя, кои показали себя добрыми и вѣрными дѣлу своего отечества поляками и предалися Наполеону не изъ интереса или честолюбія. См. Oginski's Denkwürdigkeiten. Т. III, стр. 187.

Закончивъ это замѣчательное произведеніе и превративъ съ истинно польскою наглостью русскаго самодержавнаго царя въ конституціоннаго польскаго короля, графъ Огинскій отправилъ всѣ состряпанныя имъ бумаги къ государю и въ теченіи нѣсколькихъ дней съ нетерпѣніемъ ожидалъ новаго призыва во дворець. Прошло, однако-же, нѣсколько дней, а графа все не приглашали. Безпокойство начало овладѣвать душою польскаго патріота. Не подпалъ-ли государь какому-нибудь иному вліянію? не показались-ли ему проекты прокламацій уже черезъ-чуръ польскими и не совсѣмъ удобными для подписи русскаго императора? Эти мысли видимо беспокоили Огинскаго, хотя онъ и умалчиваетъ объ нихъ въ своихъ мемуарахъ ¹⁾. У графа была и еще одна основательная причина тревожиться и сердиться. Окружающее его русское общество не скрывало своихъ антипатій къ полякамъ, своего негодованія на ихъ варварскіе поступки въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи. Между прочимъ, графу попался первый номеръ новаго русскаго журнала „Сынъ Отечества“. „Я былъ непріятно пораженъ, говоритъ онъ, найдя въ концѣ этого нумера плохую солдатскую пѣсню, наполненную самыми оскорбительными выраженіями и нападками на поляковъ, угрозами наказать ихъ и отомстить имъ въ самой Варшавѣ“ ²⁾. Что-же сдѣлалъ благородный польскій графъ, этотъ

¹⁾ Графъ говоритъ только, что онъ былъ погруженъ въ глубокое раздумье о впечатлѣніи, которое могли произвести на Александра его сочиненія. Ogin-ski's Denkwürdigkeiten. Т. III, стр. 187.

²⁾ Приводимъ подлинный текстъ этой пѣсенки; изъ него читатель легко убѣдится, что угрозы относятся вовсе не къ полякамъ, а къ французамъ. Поляки являются въ пѣснѣ лишь какъ историческое воспоминаніе, какъ memento mori для французовъ.

„Хоть Москва въ рукахъ французовъ—
Это, право, не бѣда:
Нашъ фельдмаршалъ князь Кутузовъ
Ихъ на смерть пустилъ туда.

* * *

Вспомнимъ, братцы, что поляки
Встарь бывали также въ ней;
Но не жирны кулебяки—
Ѣли кошекъ и мышей.

* * *

ярый защитникъ конституціи, столь настойчиво требовавшій для Польши всевозможныхъ вольностей, въ томъ числѣ и безусловной свободы печатнаго слова, прочитавъ это въ сущности невинное и вполнѣ естественное стихотворное изліяніе русскаго патріота? Онъ преисполнился великимъ гнѣвомъ и рѣшилъ требовать строгой, неумолимой кары за дерзкое покушеніе на безнаказанность великой польской націи. Очевидно, у графа были два совершенно различныхъ масштаба для поляковъ и для русскихъ... То, что онъ считалъ вполнѣ дозволеннымъ, естественнымъ и неизбѣжнымъ по отношенію къ первымъ, казалось ему рѣшительно невозволительнымъ, возмутительнымъ и преступнымъ по отношенію ко вторымъ. Графъ не сомнѣвался, что, точно также, какъ онъ, долженъ будетъ посмотрѣть на дѣло и императоръ Александръ. Не думая долго, онъ сѣлъ и настрочилъ на имя государя такое письмо: „Государь! Я понимаю, что ненависть, питаемая русскими къ французамъ, можетъ распространиться и на иностранныя войска, сражающіяся подъ знаменами Наполеона, и что поляки менѣе всего могутъ рассчитывать быть свободными отъ нея. Но, Государь, болѣе ста тысячъ поляковъ ¹⁾ сражаются также въ рядахъ вашихъ ар-

На послѣдокъ мертвечину
Земляковъ пришлось имъ жрать;
А потомъ предъ русскимъ спину
Въ крокъ по-польски изгибать.

* * *

Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги,
И теперь получать честно
За Москву платежъ враги.

* * *

Побывать въ столицѣ слава—
Но умѣемъ мы отщщать:
Знаетъ крѣпко то Варшава,
И Парижъ то будетъ знать“.

Авторъ пѣсни Шв. Кованько. См. „Сынъ Отечества“ 1812 г. № 1.

1) Откуда взялъ гр. Огинскій эту невѣроятную цифру— сказать трудно. Вѣроятно, онъ причислилъ къ полякамъ всѣхъ литовцевъ, бѣлоруссовъ и малоруссовъ.

мій за дѣло Россіи и многіе милліоны поляковъ не перестали быть вѣрноподданными Вашего Величества. Къ чему же послѣ этого оскорблять всю польскую націю и грозить ей жестокою местию, въ новомъ журналѣ, являющемся въ свѣтъ съ разрѣшенія правительства ¹⁾. Стихи, напечатанные на послѣдней страницѣ этого листка, крайне неприличны, и я полагаю, что никогда не было такъ непоэтично оскорблять поляковъ, какъ въ этотъ моментъ, когда дѣло идетъ не о возбужденіи старой ненависти между обѣими націями, а о ея окончательномъ погашеніи“ ²⁾.

Отправляя свое письмо, графъ ни на минуту не сомнѣвался, что императоръ не только не прогнѣвается на него за его откровенность и смѣлость, но и распорядится дать строгій выговоръ какъ редакторамъ журнала, такъ и его цензорамъ, и онъ не совсѣмъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Императоръ Александръ придавалъ дѣйствительно въ этотъ моментъ большое значеніе польскимъ симпатіямъ, а его душа, полная самаго восторженнаго и широкаго религіознаго настроенія, неспособна была тогда одобрять какой бы то ни было ненависти или чувства мести. Уже черезъ день Огинскій потребованъ былъ въ дворецъ.

„1-го ноября, говоритъ онъ, никогда не изгладится изъ моей памяти. Я былъ убѣжденъ, что государь будетъ говорить со мною. Нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я этой минуты, равнялось безпокойству и возбужденію, съ какими думалъ я о вѣроятномъ впечатлѣніи, произведенномъ моими проек-

¹⁾ Въ подлинникѣ сказано, „in dem neuen Journal, welches unter den Auspicien der Regierung erscheint“.

²⁾ См. „Oginski's Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 188. Любопытно, что г. А. Подвисинскій, напечатавшій въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1874 г. статью подъ заглавіемъ: „Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру Павловичу“, и помѣстившій въ ней всѣ письма и докладныя записки, поданныя Огинскимъ государю, счелъ почему-то нужнымъ пропустить наглуго жалобу польскаго графа на русскую печать—и не упомянулъ ни однимъ словомъ этотъ характерный эпизодъ изъ исторіи польской интриги. Чѣмъ руководился авторъ при этомъ пропускѣ—неизвѣстно; быть можетъ, особеннымъ деликатнымъ чувствомъ по отношенію къ шляхетской націи, примиренія съ которою добиваются такъ настойчиво нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ.

тами на императора. Насъ было всего десять за столомъ¹⁾, и я не замѣтилъ ни одного министра съ портфелемъ, который могъ-бы отвлечь отъ меня вниманіе государя. Надежды мои росли. Сначала дана была короткая аудіенція герцогу Ольденбургскому, затѣмъ позванъ былъ въ кабинетъ я и оставался въ немъ съ глазу на-глазъ съ государемъ въ теченіи двухъ часовъ²⁾.

„Я получилъ оба ваши письма“, началъ императоръ: „въ одномъ изъ нихъ вы жалуетесь на одно мѣсто поваго русскаго журнала „Сынъ Отечества“. Вы совершенно правы. Я вполне раздѣляю мнѣніе, что никогда не слѣдуетъ нападать на націю въ ея совокупности и что необходимо избѣгать всякаго возбужденія національной вражды. Я нахожу, что статья, указанная вами, крайне неприлична, и я распорядился, чтобы ничего подобнаго не случилось впередъ“.

„Что касается до вашего втораго письма и до приложенныхъ къ нему проектовъ письма къ князю Кутузову и прокламаціи къ полякамъ, то я прочелъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Ваши замѣчанія совершенно вѣрны. Я раздѣляю ваше мнѣніе, что мы будемъ дѣйствовать отнынѣ успѣшно и принудимъ непріятеля очистить наши границы. Наполеонъ сдѣлалъ ошибки и мы извлечемъ изъ нихъ пользу. Провидѣніе прежде всего, а затѣмъ суровый климатъ, храбрость моихъ войскъ, любовь къ отечеству и энергическія усилія націи, доставятъ намъ торжество. Но я согласенъ съ вами и въ томъ, что мы не должны взмѣрять наши успѣхи и неудачи непріятеля масштабомъ Петербургской публики. Я не раздѣляю заблужденій тѣхъ лицъ, которыя полагаютъ, что намъ нечего опасаться чего-либо, такъ какъ Наполеонъ очистилъ Москву. Нельзя забывать неизмѣримыхъ средствъ, которыя находятся въ его распоряженіи, выдающихся талантовъ его генераловъ, неустрашимости его солдатъ, воспитап-

1) Такъ въ подлинникѣ. Вѣроятно—въ пріемной.

2) Огинскій придавалъ такое значеніе бесѣдѣ, происходившей въ этотъ день между нимъ и государемъ, что, возвратившись домой, тотчасъ же залезъ на бумагу все содержаніе разговора и записалъ, по возможности, буквально слова и выраженія Александра. См. Oginski's Denkwürdigkeiten, T. III., стр. 189.

ныхъ для войны въ столькихъ славныхъ походахъ. Провидѣніе пришло къ намъ на помощь. Результаты этого похода не заставляютъ желать ничего лучшаго. Но и съ нашей стороны было сдѣлано не мало ошибокъ“.

Сказавъ затѣмъ нѣсколько словъ объ этихъ ошибкахъ ¹⁾, императоръ продолжалъ такимъ образомъ: „Вы знаете лучше кого-либо другаго мои благосклонныя намѣренія по отношенію къ полякамъ. Ваши земляки пострадали не мало въ этой войнѣ. Я желалъ-бы заставитьъ ихъ забыть тѣ многоразличныя несчастія, которымъ подвергались они въ теченіи столь долгаго времени. Я никогда не упустилъ изъ виду плана возстановленія Польши. Я поручилъ вамъ составить прокламацію къ полякамъ, но не находите-ли вы, что издать теперь же эту прокламацію, или написать письмо къ князю Кутузову, которое, разумѣется, будетъ тотчасъ же опубликовано,—сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами? Не полагаете ли вы, что моментъ для такого шага еще не наступилъ, что послѣдствіе можетъ помѣшать намъ въ данномъ случаѣ достигнуть предначертанной цѣли? Не покажется-ли неумѣстнымъ хвастовствомъ, если я провозглашу себя польскимъ королемъ въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ стоитъ съ своими арміями въ окрестностяхъ Калуги; не подумаютъ-ли по-

¹⁾ „Тутъ императоръ указалъ мнѣ на главнѣйшія изъ этихъ ошибокъ. Онѣ были для меня совершенно неизвѣстны; ибо въ Петербургѣ ближайшія обстоятельства военныхъ операцій оставались неизвѣстными и всѣ судили о причинахъ отступленія русской арміи и о необходимости отдать нѣсколько провинцій имперіи на жертву опустошенію, лишь на основаніи однихъ слуховъ. Все, что услышалъ я теперь изъ устъ Александра, было для меня столь же ново, какъ и интересно. Онъ обнаружилъ передо мною весь объемъ своихъ военныхъ свѣдѣній, онъ объяснилъ мнѣ планы, которымъ онъ былъ намѣренъ слѣдовать въ этой кампаніи, сопровождалъ все это такими вѣрными замѣчаніями и обнаружилъ при этомъ такую рѣдкую у государей скромность, что я долженъ былъ воздать ему на этотъ разъ еще большее удивленіе, нежели послѣ всѣхъ нашихъ прежнихъ бесѣдъ. Кто часто бывалъ у императора и слышалъ его разговоры о предметахъ высочайшей важности, не найдетъ въ этомъ ничего изумительнаго. Какъ часто слышалъ я отъ иноземцевъ всѣхъ странъ, отъ ученыхъ, государственныхъ людей, выдающихся военныхъ—заявленія, что они никогда не встрѣчали государя, который соединялъ бы въ себѣ очаровательную прелесть краснорѣчія съ талантомъ внушать довѣріе и высокое представленіе о своихъ занятіяхъ во всѣхъ отрасляхъ“. M. Oginski's Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 191.

ляки, что, стѣсненный обстоятельствами, я боюсь и заискиваю ихъ изъ политическихъ расчетовъ? Съ другой стороны, если и найдутся поляки, въ чемъ я убѣжденъ, которые преданы мнѣ и не желаютъ видѣть кого-либо иного, кромѣ меня на польскомъ престолѣ, то не компрометируютъ-ли они себя выраженіемъ своего образа мыслей и не сдѣлаются-ли несчастными жертвами преслѣдованій Наполеона во время его отступленія черезъ Польшу. Я не говорю вамъ, что я измѣняю мое намѣреніе, что я отказываюсь отъ возстановленія Польши, но я спрашиваю васъ: основательны или нѣтъ мои замѣчанія?“

„Послѣ всего, что случилось, не можетъ быть и рѣчи о примиреніи между мною и Наполеономъ. Эта война не можетъ кончиться такъ скоро. Одинъ изъ насъ долженъ пасть, онъ или я... Когда я доведу его до края гибели, до невозможности вредить полякамъ, тогда я возстановлю Польшу... Я возстановлю ее, такъ какъ это согласуется и съ моимъ убѣжденіемъ, и съ моимъ искреннѣйшимъ чувствомъ, и даже съ интересами моей имперіи. Я знаю, что я встрѣчу при исполненіи моего плана не мало затрудненій и препятствій, но если я останусь живъ, то я осуществлю его“.

Слова государя исполнили графа самыми восторженными надеждами. Всякое сомнѣніе въ искренности намѣреній Александра исчезло въ немъ окончательно ¹⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ возросли непомерно его назойливость и требовательность. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что императоръ обязанъ прощать полякамъ все, не исключая и самой явной, тяжелой измѣны; на самого-же себя онъ началъ смотрѣть, какъ на

---

¹⁾ „Легко себѣ представить, какъ глубоко должны были тронуть меня эти послѣднія слова императора. Теперь, сказалъ я самому себѣ, никто не можетъ обвинять меня, что я позволилъ убаюкать себя пустыми обѣщаніями, что я легко повѣрилъ тому, чего желалъ. Могъ-ли я, дѣйствительно, сомнѣваться и теперь въ намѣреніяхъ Александра? Не долженъ-ли я былъ отнестись съ слѣпымъ довѣріемъ къ точно высказанному заявленію государя, честность и сердечная доброта котораго стояли вѣсь всякихъ сомнѣній? Къ чему сталъ-бы онъ говорить мнѣ вещи, которымъ не придавалъ самъ серьезнаго значенія. Къ чему сталъ-бы онъ сообщать свои идеи одному изъ подданныхъ, и при томъ соблюдать еще извѣстную политичку?“ М. Oginski's Denkwürdigkeiten. Т. 3, стр. 193.

естественнаго защитника и ходатая за тѣхъ изъ своихъ земляковъ, которые не задумались при первомъ-же удобномъ случаѣ нарушить свою присягу и перейти на сторону Наполеона. 21-го ноября 1812 г. графъ узналъ, что Витгенштейнъ, занявъ Витебскъ, приказалъ арестовать графа Борха, пана Щита и нѣсколько польскихъ чиновниковъ и что всѣ эти господа препровождаются въ Петрозаводскъ. Огинскій зналъ отлично, что всѣ эти лица скомпрометировали себя самымъ тяжелымъ образомъ, что они первые привѣтствовали Наполеона при его вступленіи въ Витебскъ въ качествѣ депутатовъ отъ всего польскаго населенія, но онъ смотрѣлъ на ихъ вину, какъ на самую ничтожную и отважился выступить за нихъ ходатаемъ передъ государемъ.

Огинскій писалъ императору: „Государь! Вашему Императорскому Величеству извѣстно, безъ сомнѣнія, все, что случилось при вступленіи французскихъ войскъ въ Витебскъ; тѣмъ не менѣе я считаю своимъ долгомъ донести вамъ все, что удалось узнать мнѣ объ этомъ предметѣ. Непрiятель не принуждалъ никого къ присягѣ, но онъ потребовалъ отъ жителей, оставшихся въ городѣ, исполненія различныхъ обязанностей. Тѣ, которые не оставили своихъ жилищъ, такъ какъ не имѣли на это ни времени, ни возможности, надѣялись предупредить своимъ присутствіемъ то несчастье, которое могло постигнуть городъ, если-бы французы нашли его оставленнымъ. Они порѣшили отправить депутацію на встрѣчу Наполеону, но имъ было объявлено отъ его имени, что онъ не приметъ въ качествѣ депутатовъ такихъ лицъ, которыя не присоединились къ Варшавской конфедераціи. Возвращеніе русскихъ армій въ Витебскъ положило конецъ тѣмъ страданіямъ, которымъ подвергались жители города и его окрестностей. Ваше состраданіе, Государь, заставитъ, чиновниковъ этой губерніи, изъ которыхъ навѣрное ни одинъ не дѣйствовалъ съ обдуманномъ намѣреніемъ противъ Вашего Величества, вступая на службу къ непріятелю, ибо всѣ они были захвачены въ расплохъ и не успѣли оставить города, вслѣдствіе неожиданнаго отступленія русскихъ войскъ, — забыть все горе и четырехъ-мѣсячныя страданія, причи-

ненныя имъ войною. Не сомнѣваюсь, что защита Вашего Императорскаго Величества послужитъ покровомъ для тѣхъ изъ чиновниковъ, ошибки которыхъ выставлены доносами въ самомъ тяжеломъ видѣ. Бросаюсь къ ногамъ вашимъ, Государь, не ради участи отдѣльныхъ лицъ, а для того, чтобы умолять Васъ о прощеніи и амнистіи всѣмъ тѣмъ моимъ землякамъ, которые провинились, быть можетъ, передъ Вами. Сердце Вашего Императорскаго Величества, съ которымъ по добротѣ не можетъ сравниться ни чье другое, всегда склонно выслушивать просьбы, приносимыя за несчастныхъ. Развѣ-бы я отважился, Государь, обратиться къ Вамъ, не питая такой глубокой увѣренности?“ ¹⁾

Графъ, безъ сомнѣнія, ожидалъ и отъ этого письма такого-же магическаго дѣйствія, какъ отъ прежнихъ. Прошло нѣсколько дней, графъ Борхъ и его товарищи препровождены были въ Петрозаводскъ, а отъ императора все еще не было отвѣта. Огинскій былъ принужденъ выслушивать рѣзкіе упреки отъ своихъ земляковъ, онъ защищался, какъ могъ и объявилъ, что онъ предоставляетъ времени и событіямъ и свое оправданіе и доказательство сердечной доброты государя ²⁾. Быть можетъ, Огинскій и понималъ то крайне затруднительное положеніе, въ которомъ находился императоръ Александръ. Онъ долженъ былъ знать, что покровительствуя полякамъ, государь дѣйствуетъ въ разрѣзъ настроенію и ожиданію громаднаго большинства своихъ подданныхъ, тѣхъ самыхъ русскихъ, которые доказали и доказывали на дѣлѣ такъ блистательно свою безграничную предан-

¹⁾ См. М. Oginski's Denkwürdigkeiten. Т. 3, стр. 194—195.

²⁾ „Какую печальную будущность предсказывали тогда полякамъ! Какіе упреки дѣлали мнѣ за мое довѣріе къ великодушію Александра. Быть можетъ, нашлись люди, обвинявшіе меня въ недостаткѣ рвенія и доброй воли въ хлопотахъ по дѣлу моихъ земляковъ. Я предоставилъ времени и событіямъ защищать меня отъ этихъ обвиненій и обнаружить въ полномъ свѣтѣ всю сердечную доброту Александра. Что касается до меня лично, хорошо знавшаго его намѣренія и мысли, то хотя мнѣ было и тяжело видѣть преслѣдованіе, которому подверглись мои земляки и отъ котораго я старался ихъ избавить; но въ отношеніи къ будущему я не питалъ никакихъ сомнѣній, ибо я полагался на обѣщаніе императора объявить всеобщую амнистію. Мое ожиданіе не было обмануто“. М. Oginski's Denkwürdigkeiten. Т. III, стр. 196.

ность Царю и Отечеству. Прощать полякамъ всѣ ихъ измѣны и злодѣянія,—не значило-ли это оскорблять тысячи и миллионы тѣхъ несчастныхъ, которые лишились всего своего состоянія и жизни близкихъ себѣ, быть можетъ, при содѣйствіи этихъ самыхъ измѣнниковъ; не значило-ли это наносить тяжкую рану самолюбію всего русскаго народа, на глазахъ котораго поляки грабили и оскорбляли свирѣпѣе самихъ французовъ московскую святыню? Уже во многихъ губерніяхъ слышался глухой ропотъ по поводу снисхожденія, оказываемаго правительствомъ къ ссыльнымъ и арестованнымъ полякамъ ¹⁾,—и спрашивалось невольно: можно-ли было пренебрегать этимъ грознымъ симптомомъ въ виду небывалаго возбужденія, охватившаго всѣ массы русскаго населенія; не слѣдовало-ли, напротивъ, считаться съ нимъ въ интересахъ самихъ поляковъ? Александръ могъ-бы дать полную волю своимъ симпатіямъ къ полякамъ лишь въ томъ случаѣ, если-бы онъ былъ плохимъ политикомъ и если-бы въ его сердцѣ не было мѣста для иныхъ чувствъ, кромѣ польскихъ. Но Александръ былъ прежде всего русскій государь, и его сердце, не смотря на весь космополитизмъ, проникшій его съ самаго дѣтства, хорошо знавало свои обязанности по отношенію къ русскому народу. Обдумавъ и взвѣсивъ тщательно все положеніе дѣлъ, Александръ отказался отъ мысли провозглашать себя такъ преждевременно королемъ польскимъ и подписывать странныя прокламаціи, подсунутыя ему графомъ Огинскимъ. Но желая съ другой стороны дать волю своимъ великодушнымъ порывамъ, сдержать слово, данное Огинскому и ободрить и привлечь поляковъ на свою сторону, онъ рѣшился тѣмъ не менѣе обнародовать актъ амнистіи полякамъ. Составленіе этого важнаго акта императоръ возложилъ на того самого че-

¹⁾ См. Воспоминанія Вигеля. Говоря объ энтузіазмѣ, охватившемъ всѣхъ русскихъ въ концѣ 1812 г., Вигель замѣчаетъ: „одно только смущало меня: это было явное пристрастіе, которое оказывалось враждовавшимъ противъ насъ полякамъ во время послѣдняго похода, болѣе чѣмъ когда ознаменовавшимъ себя жестокостями противъ русскаго народа. Это не было прощеніе, христіанское забвеніе зла, а скорѣе походило на любовь, на награду“. Воспоминанія, часть 4-я, стр. 89.

ловѣка, одно имя котораго должно было разсѣять всѣ опасенія и подозрѣнія русскихъ. Человѣкъ этотъ былъ тотъ самый Шишковъ, который составилъ всѣ манифесты и акты этой знаменательной эпохи. Шишковъ не могъ, разумѣется, говорить въ своей прокламаціи языкомъ польскаго конфедерата, онъ не могъ связывать своего императора указаніями на священную конституцію 1791 г., но онъ могъ выразить сильно, просто и ясно сущность дѣла и подобающимъ образомъ возвѣстить полякамъ великодушное намѣреніе русскаго Монарха. Шишковъ долженъ былъ, впрочемъ, принять во вниманіе при составленіи прокламаціи желанія и воззрѣнія поляковъ. Ему были даже указаны три лица: Огинскій, Ваврецкій и князь Любецкій, съ которыми онъ долженъ былъ посоветоваться при составленіи манифеста ¹⁾.

Повинуясь волѣ своего государя, Шишковъ пригласилъ всѣхъ трехъ названныхъ лицъ и просилъ ихъ высказать свое мнѣніе о предполагаемомъ манифестѣ. Огинскій заговорилъ первый. Онъ просилъ Шишкова выразить государю императору благодарность его и его товарищей за столь почетное для нихъ довѣріе, но добавилъ, что не зная ничего относительно объема и цѣли предполагаемой амнистіи, они не могутъ предложить съ своей стороны никакого мнѣнія, а просятъ лишь милости и дарованія генеральнаго пардона всѣмъ своимъ землякамъ. Шишковъ отвѣчалъ графу, что Его Величество намѣренъ даровать полякамъ амнистію въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, но, что онъ, Шишковъ, полагаетъ, что нельзя ставить всѣхъ обвиняемыхъ на одну линію и что не будетъ-ли болѣе цѣлесообразно—исключить изъ генеральнаго пардона, по крайней мѣрѣ, такихъ лицъ, которыя распространяли непріятельскія прокламаціи и произносили оскорбительныя рѣчи противъ императора Александра и русскаго правительства. Шишковъ напомнилъ при этомъ

---

¹⁾ Такъ свидѣтельствуется, по крайней мѣрѣ, графъ М. Огинскій въ своихъ мемуарахъ (см. *Denkwürdigkeiten*. Т. III, стр. 196—197). Къ сожалѣнію, самъ Шишковъ не сообщаетъ намъ никакихъ подробностей о составленіи амнистіи; въ своихъ запискахъ онъ говоритъ только, что манифестъ объ амнистіи написанъ былъ имъ по приказанію государя.

польскимъ магнатамъ, что даже нѣкоторые профессора Виленскаго университета и, прежде всѣхъ, ректоръ Снядецкій, открыто передались Наполеону, получали отъ него званія и должности, превозносили императора французовъ и злословили Россію. Огинскій, въ отвѣтъ государственному секретарю, поблагодарилъ его за откровенное признаніе, что мысль объ исключеніи отдѣльныхъ лицъ изъ амнистіи принадлежитъ лично ему, а не государю. „Въ противномъ случаѣ, добавилъ онъ, мы были-бы крайне огорчены, что составили себѣ невѣрное понятіе объ императорѣ, ибо его необычайная сердечная доброта никогда не позволяла намъ сомнѣваться въ его великодушіи“. Огинскій началъ говорить вслѣдъ затѣмъ о поведеніи литовцевъ до начала войны. Онъ напомнилъ Шишкову о ихъ непоколебимой вѣрности русскому правительству, не смотря на вымогательство русскихъ чиновниковъ съ одной стороны, обѣщанія и интриги французскихъ эмиссаровъ съ другой, объ ихъ привязанности и преданности особѣ императора Александра, о жертвахъ, возложенныхъ на нихъ передъ началомъ кампаніи, о томъ, что они добровольно взяли на себя заботы о всѣхъ потребностяхъ арміи, а равно и о томъ, какимъ страданіямъ подвергло ихъ отступление русскихъ войскъ, которыя, желая лишить непріятеля всѣхъ средствъ существованія, не только уничтожили магазины, но и забрали съ собою лошадей, рогатый скотъ и провіантъ. „И такъ, продолжалъ онъ, литовцы, сдѣлавшіе все, что требовали отъ нихъ долгъ и привязанность къ государю, не могли смотрѣть иначе, какъ съ удивленіемъ и огорченіемъ, на отступление тѣхъ армій, которыя должны были защищать ихъ, тѣмъ болѣе, что они не могли знать, что все это совершилось вслѣдствіе хорошо обдуманнаго операціоннаго плана. Вслѣдъ затѣмъ, когда нахлынула на ихъ страну страшная сила непріятеля и не встрѣчая даже никакого сопротивленія, проникла до старыхъ границъ имперіи, у нихъ естественно должна была родиться мысль, что императоръ Александръ отрекается отъ нихъ окончательно и что они могутъ, слѣдовательно, предаться нѣкоторой надеждѣ на возстановленіе своего отечества Наполеономъ (!). „Я могу увѣ-

рить положительно, что ни одинъ польскій подданный Россіи не жалуется на императора Александра, что, напротивъ, всѣ любятъ его и не питаютъ высшаго желанія кромѣ того, чтобы онъ провозгласилъ себя королемъ польскимъ, что никто не отважился взяться за оружіе, или даже говорить противъ него, что изъ всего, что случилось со времени занятія Литвы французскими войсками, ничто не можетъ дать основаній для обвиненій противъ ея жителей, которые должны были, вопреки своей волѣ, подчиниться данной имъ непріателемъ организаціи, ибо они были оставлены безъ помощи своимъ государемъ, на котораго возлагали они всѣ свои надежды. При такомъ положеніи дѣлъ трудно доказать, чтобы въ провинціяхъ, занятыхъ Наполеономъ, совершены были дѣйствительно государственныя преступленія, что, впрочемъ, по моему мнѣнію, человѣкъ, декламировавшій, говорившій или писавшій противъ русскаго правительства, не можетъ подлежать большей отвѣтственности, какъ тотъ, который силою или лживыми обѣщаніями увлеченъ былъ взяться за оружіе. Не мое дѣло защищать отдѣльныхъ лицъ, но мое убѣжденіе и любовь къ правдѣ заставляютъ меня увѣрить васъ, что г-нъ Снядецкій подвергся клеветѣ, что этотъ человѣкъ, извѣстный какъ своею ученостью, такъ и своимъ осторожнымъ и умнымъ образомъ дѣйствій, никогда не позволялъ себѣ никакихъ неприличныхъ выраженій противъ императора, тѣмъ болѣе, что онъ лучше кого-либо умѣетъ цѣнить какъ благодѣянія, оказанныя Александромъ Виленскому университету, такъ и его отеческія заботы о національномъ воспитаніи вообще. Въ заключеніе я прошу, говоритъ Огинскій, г-на государственнаго секретаря довести мое заявленіе до свѣдѣнія Его Величества и увѣрить императора, что мы возлагаемъ слишкомъ большое довѣріе на него и не хотимъ вѣрить въ возможность полумѣръ съ его стороны въ такихъ обстоятельствахъ, когда онъ можетъ доказать передъ глазами всей Европы свое великодушіе и милость“ ¹⁾).

¹⁾ См. М. Oginski's Denkwürdigkeiten. Т. III, стр. 197—199. Читатели наши уже достаточно знакомы съ поведеніемъ поляковъ въ Литвѣ (такъ какъ только о нихъ, а не о литовской массѣ идетъ въ данномъ случаѣ рѣчь), и могутъ судить, насколько вѣренъ былъ графъ истинѣ въ своей защитительной рѣчи.

Огинскій увѣряетъ насъ, что его рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на Шишкова, что онъ слушалъ его не только съ большимъ вниманіемъ, но и съ видимымъ участіемъ. „Я не сомнѣваюсь, говоритъ онъ, что государственный секретарь донесъ о нашемъ разговорѣ императору, не только согласно съ истиною, но и въ благопріятномъ для насъ смыслѣ“¹⁾. Шишковъ же съ своей стороны замѣчаетъ лишь слѣдующее: „Кроткій, не мстительный Александръ, лишь только предсталъ я передъ него, приказалъ мнѣ написать всепростительный манифестъ. Я исполнилъ это и въ тотъ-же день поднесъ оный къ подписанію его“²⁾. Любопытно, однако-же, что въ манифестѣ, вышедшемъ изъ-подъ пера Шишкова, нѣтъ ни малѣйшаго намека на польскіе планы императора Александра. Государь говоритъ въ немъ языкомъ, подобающимъ русскому самодержцу. Онъ даруетъ прощеніе и милость своимъ подданнымъ польскаго происхожденія не изъ какихъ-либо политическихъ расчетовъ или симпатій, а единственно отъ полноты своего отеческаго сердца, преисполненнаго великодушія и благодарности къ Божественному промыслу.

„Большинство жителей въ прежде бывшихъ польскихъ, а нынѣ русскихъ областяхъ“, говорится въ манифестѣ, „были вѣрны присягѣ, но нашлись между ними и такіе, которые забыли свой долгъ и навлекли на себя праведный гнѣвъ своего государя. Одни, устрасаясь насилія непріятели, принимали возлагаемыя на нихъ званія и должности; другіе, преступленіе которыхъ несравненно больше, присоединились къ пришельцамъ и поднимали оружіе вмѣстѣ съ ними противъ своего государя. Сихъ послѣднихъ долженствовалъ-бы наказать мечъ правосудія, но видя излившійся на нихъ гнѣвъ Божій, поразившій ихъ вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ владычеству они вѣроломно покорились, и уступая вопіющему въ

¹⁾ Огинскій былъ тѣмъ болѣе увѣренъ въ этомъ, что Шишковъ былъ, по его мнѣнію, „столь-же просвѣщеннымъ, сколько сердечнымъ человекомъ и всегда старался творить доброе, по мѣрѣ силъ своихъ“. См. *Denkwürdigkeiten*. Т. 3, стр. 200.

²⁾ Изъ словъ Шишкова можно-бы было вывести заключеніе, что манифестъ былъ составленъ и подписанъ только въ Вильнѣ по пріѣздѣ туда государя; но этому рѣшительно противорѣчитъ подробный рассказъ Огинскаго. См. Шишковъ. „Записки“. Т. I, стр. 167.

насъ гласу милосердія и жалости, объявляемъ наше всемилостивѣйшее общее и частное прощеніе, предавая все прошедшее вѣчному забвенію и глубокому молчанію и запрещаая впредь чинить какое-либо по дѣламъ симъ притязаніе или взысканіе, въ полной увѣренности, что сіи отпавшіе отъ насъ почувствуютъ кротость сихъ съ ними поступковъ и черезъ два мѣсяца отъ сего числа возвратятся въ свои области. Когда-же и послѣ сего останется кто-либо изъ нихъ въ службѣ нашихъ непріятелей, не желая воспользоваться сею нашею милостью и продолжая и послѣ прощенія пребывать въ томъ-же преступленіи, таковыхъ, яко совершенныхъ отступниковъ, Россія не приметъ уже въ свои нѣдра, и всѣ имущества ихъ будутъ конфискованы. Плѣнные, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, хотя не изъемяются изъ сего всеобщаго прощенія, но безъ нарушенія справедливости не можемъ мы послѣдовать движеніямъ нашего сердца, доколѣ плѣнъ ихъ не разрѣшится окончаніемъ настоящей войны. Впрочемъ и они вступятъ въ свое время въ право сего нашего всѣмъ и каждому прощенія. Тако да участвуетъ всякъ во всеобщей радости о совершенномъ истребленіи и разрушеніи силъ всенародныхъ враговъ, и да приноситъ съ неугнетеннымъ сердцемъ чистѣйшее Севышнему благодареніе. Между тѣмъ надѣемся, что сіе наше чадолюбивое и по единому подвигу милосердія содѣянное прощеніе приведетъ въ чистосердечное раскаяніе виновныхъ, и всѣмъ вообще областей сихъ жителямъ докажетъ, что они, яко народъ издревле единоплеменный и единоплеменный съ Россіянами, нигдѣ и никогда не могутъ быть только счастливы и безопасны, какъ въ совершенно во едино тѣлосліянніи съ могущественною и великодушною Россією“¹⁾.

Огинскій замѣчаетъ, что манифестъ объ амнистіи вполне удовлетворилъ его, но мы сомнѣваемся, чтобы въ данномъ случаѣ онъ говорилъ сущую правду. Мы видѣли, что графъ и его земляки добивались отъ императора гораздо большаго,

¹⁾ Въ послѣднихъ словахъ манифеста выражается даже мысль, явно противоположная идеѣ возстановленія Польши; трудно, по-крайней мѣрѣ, видѣть въ словахъ: „совершенно во едино тѣлосліянніе“, указаніе лишь на одну личную унію. Текстъ манифеста см. Шишковъ. Записки, т. I, приложение XXXIV.

нежели одного прощенія и забвенія. Они желали, чтобы Александръ, не ожидая исхода борьбы съ Наполеономъ, провозгласилъ себя королемъ польскимъ, чтобы онъ торжественно и передъ лицомъ всего свѣта гарантировалъ полякамъ и восстановление старыхъ предѣловъ ихъ государства, и ихъ конституціонныхъ вольностей. Но добрый геній Александра удержалъ его на этотъ разъ отъ этого необдуманнаго и роковаго шага. Слѣдую, быть можетъ, совѣтамъ истинно русскихъ патріотовъ ¹⁾ и Штейна, государь воздержался отъ всякихъ политическихъ заявленій и обѣщаній и придалъ акту амнистіи единственно подобающій ему чисто христіанскій и строго нравственный характеръ. Могли-ли быть довольны поляки подобнымъ манифестомъ? Разумѣется, нѣтъ! Не одинъ только Огинскій думалъ и мечталъ въ эту пору совершенно объ иномъ, но и бывший другъ молодости императора Александра, князь Адамъ Чарторыжскій, покончившій было уже совсѣмъ счеты съ Россіею и ея императоромъ, вспомнилъ вдругъ объ нихъ при внезапномъ поворотѣ счастья.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ Взглядъ русскихъ людей того времени на польскій проектъ Александра высказался въ слѣдующемъ характерномъ мѣстѣ воспоминаній Вигеля: „Но какъ назвать восстановление свободной Польши Самодержцемъ Всероссійскимъ? Не извѣстно, кто въ малолѣтствѣ еще успѣлъ увѣрить Александра, будто возвращеніе Россіи отторженныхъ отъ нея западныхъ областей должно почитаться преступленіемъ его бабки. Привязанность къ нему польскихъ его подданныхъ полякомъ Чарторыжскимъ представлена была ему, какъ невольное сердечное влеченіе, а русская добродушная преданность казалась ему простымъ исполненіемъ обязанности. Когда, на пути въ Берлинъ въ 1805 году, проѣзжалъ онъ черезъ Варшаву, то съ трудомъ могъ скрыться отъ нескромныхъ изъясненій энтузіазма ея жителей. Ничто не могло изгладить сихъ воспоминаній: ни вражда поляковъ, съ новою силою обнаружившаяся противъ Россіи, слѣдственно противъ него, если бы по дѣлу своему онъ не захотѣлъ отдѣлять себя отъ нея, ни ужасы и опустошенія, которыя ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ произвели они въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Онъ старался увѣрить себя, что будучи внукомъ Екатерины, онъ обязанъ загладить ея несправедливости. Никто въ Петербургѣ, ни даже настоящіе или мнимые друзья свободы, никто не скрывалъ неодобренія и прискорбія при видѣ сихъ новыхъ опасностей, которыя добровольно создавались для Россіи“. Вигель, Воспоминанія, часть пятая, стр. 5.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДОГМАТИКО - ПОЛЕМИЧЕСКОЙ ПРОПОВѢДИ

ВЪ IV ВѢКѢ НА ВОСТОКѢ.

Въ своемъ отношеніи къ религіозному ученію человекъ проходитъ три ступени: первоначальное *увѣрованіе* или принятіе и признаніе ученія сердцемъ (Римл. X, 10: сердцемъ вѣруетъ); *разумніе* вѣруемаго, по мѣрѣ дарованной отъ Бога силы разумѣнія (вѣра разумѣвающая) и большая или меньшая степень *осуществленія* и примѣненія ученія къ жизни и практической дѣятельности, иначе — жизнь по вѣрѣ. Соответственно этому и проповѣдь имѣетъ три главныхъ вида. Въ Церкви первенствующей такими видами были: *глаголанія* — проповѣдь огласительная, требовавшая „вѣры во евангеліе“, т. е. предварительнаго признанія Божественнаго происхожденія и истинности проповѣди евангельской, прежде и помимо изученія и изслѣдованія самаго ученія; *дидаскалія* — проповѣдь, сообщавшая познаніе и возможное разумѣніе ученія христіанскаго; и *маѳитія*, иначе профитія — проповѣдь, научавшая осуществленію ученія Христова въ жизни (Мѳ. XXVIII, 20: учаще — μαθητεύσατε — блюсти вся елика заповѣдахъ) ¹⁾. Эти три главныхъ направленія или вида проповѣди проходятъ чрезъ всю исторію христіанскаго учительства, видоизмѣняясь лишь и осложняясь въ

---

¹⁾ Подробнѣе см. объ этомъ въ сочиненіи: „Исторія первобытной христіанской проповѣди (до IV вѣка)“ Н. Барсова. Спб. 1885, а также въ дополнительной къ этому сочиненію его-же статьѣ: „Спорные вопросы изъ исторіи первобытной христіанской проповѣди“ („Странникъ“, за февраль 1886 г.).

самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ. Тѣже, въ сущности, три вида проповѣди находимъ мы и въ четвертомъ вѣкѣ, самомъ блестящемъ и славномъ періодѣ христіанской проповѣди. Проповѣди глоссогалійной перваго вѣка соотвѣтствуетъ здѣсь *нравственно-аскетическое* учительство св. отцовъ—аввъ египетскихъ: Автонія Великаго, Макарія Великаго, препод. Исаи и другихъ. Проповѣдь дидакалійную въ этомъ вѣкѣ представляетъ *догматико-полемическое* церковное учительство, составляющее спеціальнѣйшій родъ проповѣди нѣкоторыхъ знаменитыхъ церковныхъ пастырей и большую или меньшую составную часть учительства почти всѣхъ извѣстныхъ проповѣдниковъ IV вѣка; наконецъ первобытной маѳитіи или профитіи соотвѣтствуетъ *ораторски-практическое* направленіе проповѣди величайшихъ церковныхъ учителей всѣхъ зременъ, каковы были: Василій Великій, Григорій Нисскій, Григорій Богословъ, Астерій Амаційскій и другіе.

Какъ аскетизмъ св. отшельниковъ египетскихъ былъ плодомъ религіознаго энтузіазма и въ значительной степени характеризуется тѣми чрезвычайными благодатными дарованіями, какія присущи были Церкви первобытной—даромъ прозорливости, чудотвореній, откровеній и видѣній (о чемъ единогласно свидѣлствуютъ историки IV вѣка), такъ и учительство св. отцовъ—аввъ, подобно проповѣди первобытной, направляется въ сторону религіознаго чувства, духовнаго созерцанія, такъ называемаго на аскетическомъ языкѣ, „умнаго или духовнаго дѣланія“, больше, чѣмъ въ сторону логической рефлексіи. Ея главные предметы: жизнь души въ Богѣ, благодать въ ея внутреннемъ дѣйствіи на душу и въ соотношеніяхъ къ личной самодѣятельности и свободѣ человѣка, внутренніе таинственные процессы духовно-нравственнаго бытія разумно свободной человѣческой личности, такъ называемые падежи совѣсти, способности нравственнаго самоисправленія и самоусовершенія. Независимо отъ тѣхъ внутреннихъ психическихъ основаній, которыя сообщали такой характеръ проповѣди, истекая изъ условій и характера аскетизма, немало способствовали этому характеру проповѣди св. отцовъ—аввъ и условія внѣшнія. Въ удаленіи отъ міра, отъ всѣхъ обычныхъ условій общественно-

сти гражданской, не было повода и основанія трактовать церковнымъ учителямъ этой категоріи о чемъ-либо другомъ, какъ только о внутреннемъ психическомъ состояніи вѣрованія, духовныхъ и внѣшнихъ его проявленій: монашество жило еще въ большей отрѣшенности отъ условій жизни общественно-гражданской, чѣмъ въ какой жила болѣе или менѣе Церковь первобытная среди окружающаго ее міра языческаго.

Другой характеръ должна была имѣть въ IV вѣкѣ дѣятельность тѣхъ проповѣдниковъ, которые обращались съ своимъ учительнымъ словомъ къ гражданскому обществу имъ современному. Въ это время, когда христіанство стало религіей государственной, въ составъ Церкви вошли болѣе или менѣе всѣ чины государства и люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ профессій, обладавшіе болѣе или менѣе всѣмъ образованіемъ своего времени. Для Церкви возникла прежде всего потребность *выяснить* религіозное ученіе свое по возможности до уровня интеллектуальнаго развитія классически образованнаго общества; наступило время научнаго истолкованія истинъ вѣры. Теперь „еллины премудрости ищутъ“ и требуютъ ея отъ христіанства уже не какъ внѣшніе, по отношенію къ Церкви пререкатели и совопросники, но какъ вѣрующія чада Церкви, желающія, однако, возможнаго пониманія истинъ вѣры. Поэтому проповѣдникамъ недостаточно было излагать вѣру Церкви, но нужно было и изъяснять ея ученіе, какъ міровоззрѣніе, имѣющее все право стать на мѣсто античнаго міровоззрѣнія философскаго. Христіанство самими отцами Церкви начинаетъ называться „нашей *философіей*“ (или, какъ передаютъ это слово въ святоотеческихъ твореніяхъ русскіе переводчики—*любомудріемъ*). Затѣмъ древній лжеименный гносисъ возродился въ это время въ новой формѣ ереси, имѣвшей тотъ-же рационалистическій характеръ спекулятивнаго мышленія о предметахъ вѣры. Съ нимъ приходилось вѣдаться и въ проповѣди и, конечно, бороться съ нимъ болѣе или менѣе его-же оружіемъ, т. е. оружіемъ разума и знанія. Церковь сознала, что, какъ выражается Василій Великій, „*діалектика—стѣна и ограда для догматовъ*“. Такъ возникла вторая разновидность проповѣди IV вѣка—проповѣдь догматико-полемиическая.

Третій видъ проповѣди IV вѣка—проповѣдь ораторски-практическая. Съ внѣшнимъ принятіемъ христіанства всѣмъ греко-римскимъ обществомъ отнюдь не упразднился античный строй частныхъ и общественныхъ нравовъ и бытовыхъ и гражданскихъ отношеній. Гармонія между вѣрованіемъ и жизнію, которой требовало христіанское ученіе, и между самими чадми Церкви не могла установиться легко и скоро, и могла быть достигнута въ возможной мѣрѣ лишь постоянными и настойчивыми обличеніями, увѣщаніями и руководственными практическими совѣтами церковныхъ учителей. Такого рода учительство было тѣмъ необходимѣе, что кромѣ давняго навыка къ языческому строю жизни, быта и отношеній, въ самой природѣ людей не переставалъ, какъ и всегда, дѣйствовать инъ законъ, противовоющъ законамъ нравоученія христіанскаго. Для болѣе успѣшнаго дѣйствованія въ этомъ направленіи, проповѣдники IV вѣка усвоиваютъ своему учительству ораторскій способъ рѣчи, отчасти принимая къ свѣдѣнію и исполненію наставленія античной науки объ ораторствѣ, и такимъ образомъ паренетическая или увѣщательная проповѣдь IV вѣка получаетъ характеръ практически-ораторскій.

Въ настоящій разъ мы займемся представителями въ IV вѣкѣ проповѣди догматико-полемиической, къ числу которыхъ принадлежатъ: Евсевій—епископъ Кесарійскій, св. Аѳанасій Великій, Евсевій—епископъ Эмесскій, святые Евстаѳій и Мелетій—епископы Антиохійскіе, Титъ—еп. Бострійскій, Маркъ Діадохъ, св. Іаковъ—еп. Низибійскій, св. Кириллъ—еп. Іерусалимскій и Геласій—еп. Кесарійскій. Догматическія проповѣди другихъ св. отцовъ-проповѣдниковъ IV вѣка, которыхъ мы считаемъ, по преобладающему характеру ихъ проповѣдей, представителями нравственно-аскетическаго и ораторски-практическаго типовъ проповѣди, и къ числу которыхъ принадлежатъ знаменитѣйшіе изъ церковныхъ учителей IV вѣка,—въ настоящій разъ не будутъ предметомъ нашего изученія, такъ какъ могутъ быть должнымъ образомъ оцѣнены, а потому и должны быть разсматриваемы въ общемъ составѣ проповѣднической дѣятельности этихъ учителей. Мы имѣемъ въ виду въ настоящій разъ не спеціальное изученіе проповѣднической дѣятельности каждаго изъ нихъ,

которое потребовало бы ряда монографій, а лишь такое, которое могло бы, при совершенномъ отсутствіи въ нашей литературѣ исторіи проповѣди IV вѣка, ориентировать читателя въ этой малоизвѣстной у насъ доселѣ области ¹⁾.

Евсевій, епископъ Кесарійскій ²⁾.

Ни происхожденіе, ни мѣсто и время его рожденія съ точностію не извѣстны. Одни относятъ время его рожденія къ

¹⁾ Для желающихъ изучить спеціально каждаго проповѣдника, мы для каждаго изъ нихъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ указываемъ всю настоящую литературу о немъ. Для всего-же вообще этого отдѣла рекомендуемъ въ особенности *Histoire generale des auteurs ecclesiastiques, par Ceiller, ed. 1860—1861 г.*

²⁾ *Источники и пособія для изученія его жизни и твореній.* Сочиненія его самого; *Аванасія Великаго*: „о постановленіяхъ собора Никейскаго“ § 3; *его-же*—„о соборахъ“ §§ 13 и 17; *его-же* „апологія противъ Аріана“ § 77 и 78; *Иеронимъ*: каталогъ гл. 81 (по русс. изд. твор. Иеронима, т. V стр. 330), также въ „посланіяхъ“ и въ „апологіи противъ Руфина“ кн. I, §§ 8, 9, 11; въ дѣяніяхъ собора Никейскаго II—дѣян. 5; *Внифанія* Кипр. haeres 68, § 7; *Сократа* Цер. Ист. кн. I, гл. 8, 23, 24, кн. II, гл. 4, 20, 21, кн. III, гл. 23; *Созомена* Ц. Ист. I, 1, II, 18. *Теодорита* Ц. Ист. I, 11, 20, 21. *Филосторія* Церк. Ист. I, 2; *Фотія* bibliotheca, cod. 9—13, 27, 38, 118, 127, 144; *Suidas* in artic. *Ἐυσεβίος*. *Hanke—de Busant. rer. script. graec. p. 1—130*; *Du-Pin* biblioth. des antiqu. ecclesiast. t. II, p. 159 sq. *Tillemont* memoires eccles. t. VIII p. 39. *Cave* histor. litter. t. 1, p. 846; *Ceiller*, histoire gener. des auteurs, t. IV, p. 202 (по изд. 1860 г. t. III, p. 168); *Oudin* descript. ecclesiast. t. 1, p. 846; *Fabricii* bibl. graec. t. VII, p. 335.—*Aug. Closs*: des Eusebius, Bischofs von Caesarea Kirchengeschichte. Stuttgart und Leipzig, 1840. *D-r Stein*: Eusebius, Bischof v. Caesarea, Würzburg, 1859. На русскомъ языкѣ: *Розанова*: „Евсевій, епископъ Кесарія Палестинской“ (въ Читеніяхъ Москов. общества любителей Духовн. Просвѣщенія и отдѣльно.—Москва 1881 г.). *Цепткова*: „Обзоръ апологетическихъ трудовъ восточныхъ отцовъ Церкви IV и V вв.“ (въ прибавлен. къ Твор. Св. Отцовъ въ русс. переводѣ, 1873 г. кн. 2). Краткое свѣдѣніе о Евсевіи—при русск. переводѣ его твореній. СПб. 1848. т. 1. Сочиненія Евсевія изданы Мшнемъ въ 6 т. (*Migne*, Patrologiae cursus completus, series graeca t. XXII и слѣд.). Гомилетическія его сочиненія: *Opuscula XIV* (на лат. яз.) изданы *Сирмондомъ*, Paris 1643 г., перепечатаны Галландомъ въ *bibliotheca Patrum* t. IV, p. 461 sq.—*Oratio in diem Parasceven e duobus codicibus vind. edidit et observationibus illustravit J. C. W. Augusti*, Bonn, 1820. Другія изданія его сочиненій исчислены у Мниа и у Преосв. Филарета въ „Истор. ученіи объ Отцахъ Церкви“. Слово при освященіи храма въ Тирѣ помѣщено имъ въ своей исторіи. На русскомъ языкѣ изданы лишь нѣкоторыя его сочиненія С.-Петербургской духовной академіей въ 1848 г. въ двухъ томахъ. Изъ проповѣдей—на русскомъ языкѣ лишь слово на освященіе храма въ Тирѣ въ названномъ изданіи его сочиненій, т. I.

254 году ¹⁾, другіе къ 260—270 гг. ²⁾. Самъ Евсевій называетъ себя ³⁾ современникомъ Діонисія Александрійскаго, который умеръ въ 269 г., слѣдовательно первое предположеніе слѣдуетъ признать болѣе вѣроятнымъ. Одни считаютъ его урожденцемъ если не самой Кесаріи, то Палестины, основываясь на постоянно усвояемомъ ему названіи Кесарійскаго и Палестинскаго, а также на преданіи, которое Θεοδωρὸς Μετοχίτης выразилъ въ замѣчаніи: καὶ τοῦ Παμφίλου Εὐσεβίου ἐκ Παλαιστίνης μεν γένου — „родъ Евсевія изъ Палестины“; другіе, игнорируя замѣчаніе Метохиты, и обращая вниманіе на то, что названіе Кесарійскаго и Палестинскаго, когда идетъ рѣчь о Евсевіи, соединяется всегда съ словомъ „епископъ“, слѣдовательно указываетъ въ Кесаріи мѣсто служенія Евсевія, а не мѣсто его рожденія, считаютъ его пришельцемъ въ Кесарію ради образованія, такъ какъ Кесарія, въ то время столица Палестины, была однимъ изъ центровъ греко-римской гражданской жизни и цивилизаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ центровъ христіанскаго образованія и учености, подобно Александріи. По свидѣтельству Сократа ⁴⁾, ученикъ Евсевія Авакій составилъ его біографію; но она не сохранилась до нашего времени. Извѣстно лишь изъ его сочиненій, что онъ, еще задолго до епископства, около 296 г., жилъ въ области Кесарійской ⁵⁾. Затѣмъ въ посланіи къ церкви Кесарійской, отправленномъ имъ во время собора Никейскаго ⁶⁾, Евсевій говоритъ, что формула вѣры, содержащаяся въ этомъ посланіи, есть та самая, которую содержали предшествовавшіе ему епископы Кесарійскіе, которую онъ изучалъ, когда воспринималъ крещеніе, что даетъ основаніе предполагать, что онъ съ дѣтства обиталъ въ предѣлахъ Кесарійской епархіи. Въ Кесаріи существовало еще со временъ Оригена христіанское училище,

¹⁾ См. у Розанова, стр. 5.

²⁾ *Валсзій*, одинъ изъ издателей его сочиненій, относитъ его рожденіе къ 260 г., *Тильмонъ*—къ 264, *Наниль* и русскіе переводчики его сочиненій—къ 260—270.

³⁾ Церк. Ист. III, 28: καθ' ἡμᾶς γὴν ἐπισκοπὴν ἐληγώς.

⁴⁾ Цер. Ист. II, 4.

⁵⁾ Жизнь Константина, I, 19.

⁶⁾ Сократа Ц. И. I, 8.

которое во время Евсевія имѣло вѣроятно тоже устройство, какое имѣла школа Александрійская, такъ какъ завѣдывавшій имъ пресвитеръ Памфилъ былъ, по словамъ Фотія, ученикъ начальника Александрійскаго училища Пьерія, а если это Кесарійское училище и не было такъ широко поставлено, какъ Александрійское, имѣло за то при себѣ хорошую библіотеку, которую блаженный Иеронимъ называетъ божественною; въ ней находились рукописи, обладая которыми Иеронимъ считалъ-бы себя богаче Креза ¹⁾. Сюда стекались христіанскіе ученые для довершенія образованія и для ученыхъ работъ. Такъ Евсевій упоминаетъ о пребываніи здѣсь съ научною цѣлью епископа Понтійской области Мелетія, котораго, за великое искусство въ словѣ, называетъ медомъ Аттики, котораго никто не могъ превзойти въ многознаніи всякаго рода ²⁾. Онъ же рассказываетъ ³⁾ о мѣстномъ Кесарійскомъ епископѣ, вѣроятно своемъ предшественникѣ Агапіи, отъ котораго принялъ священство, какъ знаменитѣйшемъ богословѣ, который, подобно ему, проповѣдывалъ Кесарійской паствѣ. Вступивъ въ Кесарійскій клиръ, Евсевій сдѣлался сначала ученикомъ, а потомъ и учителемъ въ Кесарійскомъ училищѣ. Въ знакъ глубокаго уваженія и любви къ Памфилу, Евсевій присоединилъ его имя къ своему, подобно тому какъ Киприанъ усвоилъ себѣ имя своего христіанскаго учителя Цецилія, *ob amicitiam Pamphili ab eo cognomen sortitus est*, какъ замѣчаетъ Иеронимъ, — и сталъ называться *Εὐσεβίος ὁ Παμφίλου*; каковое названіе и сохраняютъ за нимъ всѣ греческіе писатели (на Западѣ стали называть его *Eusebius Pamphilus* ⁴⁾). Живя въ одномъ домѣ съ Памфиломъ, подъ руководствомъ его, Евсевій изучилъ Платона, Филона и особенно Оригена, къ которому Памфилъ, какъ ученикъ Пьерія Александрійскаго, питалъ особенную привязанность. Въ то время, какъ уже свирѣпствовало Діоклетіаново

¹⁾ О знаменит. мужахъ, гл. LXXV и LXXXI.

²⁾ Церк. Ист. VII.

³⁾ Въ сочиненіи: *adversus Sabellium*, см. Migne, *patrol. curs. compl. t. XXIV*, col. 1059.

⁴⁾ Иеронимъ противъ Руфина, кн. 1: *amator et praeco contubernalis Pamphili*.

гоненіе на Западѣ и повсюду истреблялись христіанскія священныя книги, друзья съ особенною заботливостію занимались пополненіемъ своей бібліотеки, въ чемъ имъ помогаль св. Аппіанъ, замученный въ 306 г. ¹⁾, въ особенности сочиненіями Оригена, которыхъ Евсевій собралъ сто томовъ ²⁾. Позже (307 г.) они вмѣстѣ, находясь въ темницѣ, писали апологію Оригену и составили первые пять книгъ этой апологіи; шестая написана была однимъ Евсеіемъ позже. Вліяніе Оригена осталось на всю жизнь господствующимъ въ Евсеіѣ. Оно отразилось на всѣхъ его теоретическихъ воззрѣніяхъ, а всего болѣе сказалось въ его экзегетическомъ методѣ, всецѣло Оригеновскомъ, т. е. аллегорически-иносказательномъ, затѣмъ во многихъ заимствованіяхъ объясненія тѣхъ или иныхъ мѣстъ изъ объясненій Оригена, вообще въ компіляціи имъ многого изъ Оригена, хотя у него есть мысли, повидимому, направленные противъ экзегетическихъ воззрѣній Оригена. Такъ онъ говоритъ: „я считаю дерзкимъ и безразсуднымъ дѣломъ—утверждать, что Божественное писаніе ошибается“ ³⁾,—эти слова могутъ быть отнесены къ тѣмъ мѣстамъ бесѣдъ Оригена, гдѣ онъ совершенно отрицаетъ буквальный смыслъ ветхозавѣтныхъ сказаній ⁴⁾. Не довольствуясь тѣмъ образованіемъ, какое получилъ въ Кесаріи, Евсевій побываль и въ другихъ ученыхъ центрахъ того времени: въ Іерусалимѣ, гдѣ изучаль бібліотеку, основанную во времена Оригена епископомъ Александромъ; въ Антіохіи, гдѣ славились своими научными познаніями пресвитеры Лукіанъ и Дороѳей, гдѣ Евсевій сблизился съ Аріемъ и, сдѣлавшись въ санѣ епископа Никомидійскаго главою арианства, Евсеіемъ, котораго Арій въ письмахъ къ нему называетъ братомъ Евсеіа ⁵⁾. Послѣ мученической кончины св. Памфила (въ 309 г.) Евсевій посѣщаль Тиръ и Египеть, гдѣ

¹⁾ Евсевій, книга о Палестин. мученикахъ, гл. IV.

²⁾ Іеронимъ называетъ его поэтому *bibliothecae divinae cum Pamphilo diligentissimus pervestigator*.

³⁾ Въ сочиненіи: *demonstratio evangelica*. См. Migne, *patr. curs. compl. t. XXIII*, col. 289.

⁴⁾ См. объ Оригенѣ въ нашемъ сочиненіи: „Исторія первобытной христіанской проповѣди“. Спб. 1885, стр. 229—272.

⁵⁾ Теодоритъ. Ц. И. I, 5: ὁ ἀδελφός σου.

за исповѣданіе Христа нѣкоторое время находился въ темницѣ, но гдѣ воспользовался также научными сокровищами бібліотеки.

По прекращеніи гоненія, Евсевій возвратился въ Кесарію и, около 315 года, избранъ былъ въ епископа этого города. Въ то время, какъ онъ въ мирѣ и покоѣ занимался управленіемъ своею паствою и особенно учеными трудами, начались въ Церкви аріанскія смуты. Зная изъ предъидущаго исторію образованія Евсевія, не трудно понять, въ какую сторону склонялся его образъ мыслей въ этой умственной борьбѣ, въ которой ему, по самому его положенію и авторитету, не возможно было не принять участія. Почитатель Оригена, проповѣдника такъ называемой теоріи субординаціонизма въ ученіи о Св. Троицѣ ¹⁾, знаемецъ Арія, который по изгнаніи изъ Александріи явился къ нему въ Кесарію искать защиты, родственникъ Евсевія Никомидійскаго, открыто защищавшаго аріанскій образъ мыслей, Евсевій выступилъ защитникомъ Арія; въ посланіяхъ къ епископу Александрійскому онъ доказывалъ, хотя и безуспѣшно, что Арій чуждъ приписываемыхъ ему заблужденій. На Никейскомъ соборѣ Евсевій занималъ выдающееся положеніе. Ему было поручено составить привѣтственную рѣчь отъ лица собора императору (такъ свидѣтельствуется самъ Евсевій; по Теодориту эта честь принадлежала Евстаѳію Антиохійскому, а по другимъ—Александру, епископу Александрійскому; вѣроятно всего, что всѣ трое въ разное время произнесли свои рѣчи предъ императоромъ). Какъ знатоку христіанской древности, ему было поручено соборомъ составить символъ, который-бы могъ быть изданъ, какъ вѣроизложеніе собора. Составивъ такой символъ, Евсевій, вѣрный всегдашнему своему образу мыслей, не выразилъ въ немъ отличительныхъ признаковъ православнаго пониманія догмата. Угождая православнымъ, онъ, согласно съ ихъ желаніемъ, изложилъ символъ главнымъ образомъ словами Св. Писанія; угождая строгимъ аріанамъ, онъ внесъ

---

¹⁾ См. въ сочиненіи В. В. Болотова: „Ученіе Оригена о Св. Троицѣ“. Также въ соч. Розанова, стр. 14—17.

въ него нѣсколько неопредѣленныхъ выраженій, которыя могли быть истолкованы аріанами въ аріанскомъ смыслѣ; выражая-же свое собственное богословское направленіе, внесъ въ символъ нѣсколько выраженій оригенистическихъ ¹⁾. Поэтому его проектъ символа не былъ одобренъ соборомъ, принявшимъ формулу *ὁμοούσιος*. Евсевій подписалъ символъ собора, но, какъ замѣчено въ дѣяніяхъ VII вселенскаго собора, въ этомъ случаѣ лишь устами исповѣдывалъ истину, сердцемъ-же далече отстоялъ отъ нея. Преосв. Филаретъ ²⁾ говоритъ, что Евсевій „принималъ участіе въ дѣлахъ аріанъ по слабости характера, но не измѣнялъ православныхъ мыслей“. *А. В. Горскій* называетъ его нетвердымъ въ своихъ догматическихъ повятіяхъ ³⁾. О расположеніи Евсевія къ Арію и его ученію свидѣтельствуется Евсевій Никомидійскій въ письмѣ къ Павлину Тирскому ⁴⁾ и св. Аѳанасій (въ соч. „О соборахъ“). Наконецъ въ посланіи къ своей паствѣ, отправленномъ съ собора, Евсевій далъ Никейскому символу толкованіе полуаріанское, а въ слѣдствіи (въ 331 и 336 гг.) онъ принималъ участіе въ борьбѣ аріанъ противъ Аѳанасія. Впрочемъ сердце Евсевія дѣйствительно никогда не лежало къ спорамъ и смутамъ. Его идеалъ былъ миръ Церкви, и въ своихъ сочиненіяхъ онъ энергически отрицаетъ даже право разсуждать о столь возвышенныхъ вопросахъ; какъ ученіе о взаимномъ отношеніи лицъ Св. Троицы. „Мы не понимаемъ, говоритъ онъ въ сочиненіи о церковномъ богословіи, тысячи вещей, такихъ, которыя находятся предъ нашими глазами. Кто скажетъ, какимъ образомъ душа соединена съ тѣломъ, и какимъ образомъ она оставляетъ его, каково существо ангеловъ, какова сущность души? Какъ же послѣ этого смѣть доискиваться познанія сущности Божества? Зачѣмъ спрашивать о непостижимомъ? Почему не довольствоваться свидѣтельствомъ Отца о Сынѣ: Сей есть Сынъ мой возлюбленный — Того послушайте?.. Нужно вѣровать въ

¹⁾ См. проф. Лебедева: „Вселенскіе соборы IV и V вѣк.“ 1879, стр. 21 и слѣд.

²⁾ „Истор. ученіе объ отцахъ Церкви“ § 96.

³⁾ См. жизнь св. Аѳанасія въ прибавленіяхъ къ „Твореніямъ Св. Отцевъ“ въ русскомъ переводѣ. Ч. X, стр. 64.

⁴⁾ Θεοδωριτῆς, Ц. II, I, 6.

Него... ибо вѣчной жизни удостоивается тотъ, кто вѣруеть въ Него, а не тотъ, кто знаетъ о томъ, какъ произошелъ Онъ ¹⁾, отъ Отца. Въ сочиненіи о вѣрѣ, противъ Савеллія (*de fide adversus Sabelium*) Евсевій говоритъ: „Споръ не научаетъ ничему... Когда есть память о Богѣ, то благочестивый умъ трепещеть, нѣмотствуетъ и языкъ“. „Состязанія приличествуютъ конямъ, а не Церкви Божіей ²⁾).

Императоръ Константинъ сколько уважалъ, столько-же и любилъ многоученаго и миролюбиваго епископа Кесаріи: называлъ его въ письмахъ къ нему своимъ возлюбленнымъ братомъ, принималъ его къ себѣ во дворецъ, какъ домашняго человека, былъ для него меценатомъ въ его ученыхъ занятіяхъ, прося почаще радовать его произведеніями своего пера ³⁾ и придавая всегда его мнѣніямъ особую цѣну. Съ своей стороны Евсевій искренно любилъ императора, сознавая все величіе его заслугъ для христіанства: двадцатилѣтіе и тридцатилѣтіе его царствованія онъ прославлялъ торжественными хвалебными рѣчами ему и составилъ его жизнеописаніе. Къ числу достоинствъ Евсевія относится и то, что, изъ уваженія къ только что постановленному правилу Никейскаго собора, онъ отказался отъ Антіохійской катедры, которую предлагали ему послѣ Евстаѳія. Переживъ императора лишь нѣсколькими годами, Евсевій скончался въ 340 году.

Какъ по количеству, такъ по внутреннему достоинству и разносторонности своей учено-богословской дѣятельности, Евсевій долженъ быть названъ по всей справедливости первымъ христіанскимъ ученымъ IV вѣка, самаго многоученаго христіанскаго вѣка. По словамъ Скалигера, для того, чтобы написать одно свое сочиненіе о евангельскомъ приготовленіи

¹⁾ De theologia ecclesiastica, lib. I, c. 12.

²⁾ Migne, patr. c. c. s. gr. t. XXIV, col. 1055 и 1063. „Quia igitur est (Deus) scimus, non tamen qualis. Non enim nostrum est mensurare immensurabilem; non nostrum est comprehendere incomprehensibilem“. „Non possum dicere quantum sapio; non possum sapere quantum possibile est. Si sapuero, quantum possibile est, non pervenio, ut dicam, Quantus est? Inenarrabilis enim et incomprehensibilis est. Pater. Talis autem et Filius ipsius Patris“.

³⁾ Жизнь Константина, I, 28, II, 8, IV, 35—36 и др.

(προπαρασκευὴ εὐαγγελικὴ), ему необходимо было изучить всѣ бібліотеки Египта, Финикіи и Греціи. „Кого можно найти, спрашиваетъ Иеронимъ, кто былъ-бы умнѣе, ученѣе и краснорѣчивѣе Евсевія?“ ¹⁾ Въ подобныхъ-же выраженіяхъ отзываются о немъ Созоменъ, Сократъ, Евагрій и многіе другіе, въ томъ числѣ и писатели новаго времени, усвояющіе ему въ особенности названіе „отца церковной исторіи“, и вполнѣ справедливо, такъ какъ сочиненіе Егезиппа ὁπομνήματα, которое Евсевій цитуетъ въ своей церковной исторіи, какъ историческій источникъ, не было сочиненіемъ спеціально историческимъ, а имѣло смѣшанный характеръ, содержа въ себѣ понемногу и исторіи, и полемики, и апологетики, и собственныхъ воспоминаній автора. Къ сожалѣнію цѣлая половина, или и болѣе, сочиненій Евсевія не сохранилась до нашего времени и извѣстна лишь по названіямъ; но и то, что дошло до насъ, по истинѣ можетъ заставить удивляться его трудолюбію, уму и богатству познаній. Для насъ, впрочемъ, имѣютъ значеніе лишь гомилетическія сочиненія Евсевія, къ изученію которыхъ мы и обратимся. Къ числу этихъ сочиненій относятся изъ сохранившихся до нашего времени: 1) похвальное слово императору Константину, по случаю тридцатилѣтія его царствованія; 2) слово при освященіи новаго храма въ Тирѣ; и 3) нѣсколько проповѣдей, сказанныхъ въ Кесаріи. Хотя Евсевій не обучался ни въ одной изъ языческихъ ораторскихъ школъ, тѣмъ не менѣе его „похвальное слово царю Константину“ представляетъ всѣ признаки ораторски-риторическаго панегирика, составленнаго по античнымъ и современнымъ ему образцамъ какъ хорошіе, такъ и дурные. Искреннее чувство любви и преданности его императору, котораго онъ уважалъ за его государственный умъ и безмѣрно любилъ за его услуги Церкви, составляетъ самостоятельную черту автора въ этой рѣчи; но затѣмъ его стремленіе говорить доказательно, въ стройномъ порядкѣ, связно и изящно есть лишь отчасти плодъ навыка къ рѣчи логически-стройной, научной и доказательной, а больше—слѣдствіе зна-

¹⁾ Противъ Руфина кв. 2, также въ tractatio къ commentar. in Isaiam, и въ epist. 65 ad Pammachium et Oceanum.

комства съ образцами античнаго панегирика и подражанія имъ; что-же касается его неумѣренныхъ похвалъ и преувеличеній, то это рѣшительно дань обычаю вѣка и условіямъ тогдашнихъ отношеній подданныхъ къ верховной власти, поддерживаемыхъ нравами жизни придворной. До чего доходятъ въ этомъ панегирикѣ гиперболы оратора, можно видѣть изъ того, что пророчество Даниїла: „и примуть царство святїи Вышняго“ (VII, 17),—Евсевій относитъ не къ чему другому, какъ къ назначенію кесарями сыновей Константина! Рѣчь начинается заявленіемъ, что ораторъ не имѣетъ намѣренія описывать всѣ великія дѣла великаго государя, а хочетъ отмѣтить только то въ его дѣятельности, что относится къ Богу и религїи, и затѣмъ далѣе дѣйствительно восхваляются его заслуги для Церкви, состоявшія въ уничтоженіи идолопоклонства. Здѣсь можно найти и катихизисъ, и проповѣдь, и метафизическія разсужденія о Троичности, мысли Пифагора, Платона и другихъ философовъ. Изложеніе—самое изысканное, изобилующее метафорами, гиперболами, аллегоріями.

Подобнымъ образомъ въ словѣ, сказанномъ при освященіи новопостроеннаго (около 315 г.) храма въ Тирѣ, къ епископу Павлину—въ послѣдствїи Антиохійскому (къ которому Евсевій былъ особенно расположенъ ¹⁾), какъ къ человѣку одного съ нимъ образа мыслей, т. е. склонному къ арианству), проповѣдникъ находитъ необходимымъ всячески украшать свою рѣчь изысканными выраженіями и оборотами. Преосвященный Порфирій ²⁾ отрицаетъ принадлежность этого слова Евсевию, считая его произведеніемъ кого-либо изъ пресвитеровъ Тира, находя подтвержденіе своего мнѣнія въ содержаніи самаго слова, изъ котораго дѣйствительно видно такое близкое непосредственное знакомство съ обстоятельствами построеціи храма и его устройствомъ, которое болѣе свойственно члену мѣстнаго клира, нежели прїѣхавшему для участія въ его освященіи епископу другой епархіи. Общее и давнее мнѣніе о принадлежности этого слова Евсевию основывается на словахъ самого

¹⁾ См. его Церк. Ист. X, 1.

²⁾ См. его статью въ Трудахъ Кіевской акад. за 1879 г. т. III, 15: „Проповѣдникъ въ патриархатѣ Іерусалимскомъ“.

Евсевія, предшествующихъ приводимому имъ въ своей исторіи ¹⁾ тексту слова: „одинъ мужъ съ небольшими заслугами (такое выраженіе Евсевій могъ употребить только о самомъ себѣ, по смиренію) написалъ слово“..., на сходствѣ языка слова съ языкомъ его другихъ сочиненій и на достоинствахъ его содержанія, свидѣтельствующихъ объ учености и ораторскомъ искусствѣ, которыхъ некому кромѣ него приписать изъ числа лицъ, бывшихъ при освященіи храма. Это слово представляетъ особенный интересъ, какъ потому, что самъ Евсевій считаетъ его выше другихъ своихъ проповѣдей (въ этомъ, очевидно, смыслѣ онъ внесъ текстъ его полностью въ свою исторію), такъ и потому, что, содержа въ себѣ много первоначальныхъ свѣдѣній, относящихся къ церковной археологіи, представляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ образцовъ христіанской проповѣди на частные случаи. Поэтому находимъ не лишнимъ привести изъ нея нѣсколько выдержекъ.

„Друзи Божіи и іереи, одѣянные въ священный подиръ (ἄχιον ποδήρη), украшенные небеснымъ вѣнцомъ славы, воспріявшіе Божественное помазаніе, облекшіеся въ св. одежду Св. Духа! И ты, наилучшее украшеніе новаго храма Божія, почтенный отъ Бога старческою мудростію и показавшій разнообразныя опыты юношески-цвѣтущей доблести, которому Самъ Богъ, содержащій всю вселенную, даровалъ особую честь устроить на землѣ домъ Христу, едивородному и первородному Свѣзему Слову, также святой и Божественной Его Невѣстѣ! Кто не назоветъ тебя новымъ Веселиломъ, строителемъ Божественной скиніи, или Соломономъ, царемъ новаго, лучшаго Іерусалима, — новымъ Зоровавелемъ, украсившимъ Божій храмъ большею противъ прежняго славою? А вы, овцы священнаго стада, вы — хранилище благихъ словесъ, училище смиренномудрїа, досточтимая обитель благочестїа (σεντόν καὶ θεοσεβῆς ἀχροατήριον)!—Прежде, когда слушая чтеніе Божественныхъ писаній, мы уразумѣли дивныя знаменїя Божїи и благотворность Господнихъ чудесъ для людей, — прежде, наставленные возсылать Богу хвалебныя пѣсни, мы

¹⁾ Кв. X, IV, по русс. изд., стр. 550.

могли взывать: *Боже ушима нашими слышахомъ, и отцы наши възвѣсташа намъ дѣло, еже содѣлалъ еси во днѣхъ ихъ, во днѣхъ древнихъ* (пс. 43, 1). А нынѣ, когда высокая мышца и небесная десница всеблагаго и верховнаго царя Бога открывается не однимъ путемъ слуха и словъ, когда мы видимъ на самомъ дѣлѣ, собственными очами правду и истину того, что предано древностию, нынѣ намъ прилично воспѣть другую побѣдную пѣснь, можно громко восклицать и говорить: *якоже слышахомъ, тако и видихомъ во градъ Господа силъ во градъ Бога нашего* (Пс. 47, 9). Въ какомъ же градѣ, если не въ этомъ новоустроенномъ и Богозданномъ, иже есть царство Бога жива, столпъ и утвержденіе истины, о которомъ и другое Божественное слово восклицаетъ: *Преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій?* И такъ, возлюбленные, когда всеблагій Богъ, по благодати Единороднаго Сына Своего, собралъ насъ въ сей храмъ, то пусть каждый изъ призванныхъ взываетъ: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ—въ домъ Господень поидемъ, и еще: возлюбихъ, Господи, благолюбіе дому Твоему и мѣсто селенія славы Твоея.* И не только порознь, но и все вмѣстѣ, единымъ духомъ и единымъ сердцемъ должны мы благоговѣнно восклицать: *велий Господь и хвалень зѣло, во градъ Бога нашего, въ горь святый Его!* Ибо и самъ Онъ истинно великъ, великъ и домъ Его, высокъ онъ, обширенъ и благолѣпенъ видомъ предъ очами сыновъ человѣческихъ. *Велий Господь творяй чудеса единъ, велий, творяй велія и неизслѣдованная, премъннаяя времена и лѣта, поставляяй цари и преставаляяй, воздвизаяй отъ земли нища и отъ мочища возвышаяй убога.* Онъ низложилъ сильныя со престолъ и вознесе смиренныя отъ земли, алчущія исполни благъ и мышцу гордыхъ сокруши, и такимъ образомъ вѣру въ древнія преданія внушилъ не только вѣрующимъ, но и невѣрнымъ. Онъ—Творецъ чудесъ, Онъ—совершитель великихъ дѣлъ, Онъ—Господь всяческихъ, Онъ—создатель всего міра, Онъ—Вседержитель, Онъ—всеблагій, Онъ одинъ и единственный Богъ. Ему воспоемъ пѣснь новую... и хвалами не престанемъ восхвалять Отца всяческихъ. Прославимъ въ пѣсняхъ и втораго виновника нашихъ благъ, началоположника богопознанія, учителя истиннаго богопочтенія, со-

брушителя нечестивыхъ и карателя тирановъ, исправителя жизни, спасителя насъ отверженныхъ,—Иисуса. Ибо когда мы находились въ крайнемъ поврежденіи, Онъ одинъ, какъ едиnorodный, всеблагій Сынъ всеблагаго Отца, подражая отеческому человѣколюбію, съ совершенною готовностію принялъ нашу природу, и какъ искуснѣйшій врачъ, пекущійся о здравіи больныхъ, разгадалъ нашу болѣзнь, уврачевалъ наши язвы, за чужое зло Самъ подвергся страданіямъ, и насъ не только болящихъ и мучимыхъ страшными гніющими ранами, но уже поглощенныхъ смертію, исхитилъ по собственной волѣ изъ его челюстей. Изъ небожителей никто другой не имѣлъ столько силы, чтобы невредимо совершить спасеніе столь многихъ... Онъ одинъ призрѣлъ на нашу порчу, одинъ понесъ наши болѣзни... и воспріялъ насъ..., одинъ и прежде и теперь спасъ насъ и щедро передалъ намъ блага Отца Своего“....

„Послѣ этихъ разсужденій, въ которыхъ проповѣдникъ не безъ цѣли освѣжить и возобновить въ сознаніи слушателей существенные пункты вѣрованія, бывшіе предметами пререкавій, обращается къ изобразенію прежнихъ бѣдствій Церкви. „Еще тогда, когда весь родъ человѣческій, кознями преступныхъ демоновъ и богоненавистныхъ духовъ, погруженъ былъ въ непроницаемый мракъ и глубокую тьму, Онъ явился, и крѣпчайшія узы нашихъ беззаконій расплавилъ, какъ воскъ, лучами своего свѣта. Тоже самое произошло и нынѣ. Ненавистный демонъ, врагъ добра и виновникъ зла, по милости и благодаренію Спасителя, почти совершенно низложенный, вооружилъ противъ насъ всѣ смертоносныя свои силы, и сперва, подобно люттому псу, грызущему зубами бросаемыя въ него камни, и свою ярость противъ отгонятелей показывающему на мертвыхъ предметахъ, обратилъ звѣрское свое бѣшенство на камни храмовъ и на бездушное вещество зданій... Испуская страшный свистъ и змѣиное шипѣніе... онъ дышалъ на насъ смертію... и, посредствомъ жертвоприношенія идоламъ, почти умерщвлялъ ихъ. Когда такимъ образомъ онъ возбудилъ человѣкообразнаго звѣря, который всячески неистовствовалъ противъ насъ, тогда великаго совѣта Ангель, великій Вождь Божій, послѣ достаточнаго упражненія мужественныхъ воиновъ своего царства въ

постоянствѣ и терпѣніи, опять внезапно явился, истребилъ и уничтожилъ всѣхъ враговъ до того, что погибло и самое имя ихъ, а друзей и близкихъ своихъ прославилъ не только предъ людьми, но и предъ небесными силами, предъ солнцемъ, луною и звѣздами, предъ цѣлымъ небомъ и міромъ. И вотъ, чего прежде не бывало, верховные цари, сознавъ полученную ими отъ Бога честь, плюютъ въ лица бездушныхъ идоловъ, попираютъ незаконныя постановленія демоновъ, осмѣиваютъ древнія заблужденія предковъ и признаютъ единого Бога, называютъ его въ обнародываемыхъ указахъ Спасителемъ и среди владычествующаго надъ землею города, для неизгладимой памяти, царски начертываютъ дѣла Его. Теперь Единого отъ вѣчности Іисуса Христа и самые высшіе властители на землѣ почитаютъ не какъ обыкновеннаго царя, какіе поставляются человѣками, но поклоняются Ему, какъ истинному Сыну Бога всяческихъ и истинному Богу. Ибо кто изъ бывшихъ когда-либо царей показалъ столько могущества? Какой царь начерталъ столь благочестивые и мудрые законы и былъ въ состояніи повелѣть, чтобы ихъ читали въ услышаніе всѣхъ? Кто человѣколюбивыми и кроткими законами упразднилъ варварскіе и грубые обычая дикихъ народовъ? Кто, всѣми притѣсняемый, въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, показалъ вышечеловѣческое могущество, что ежедневно расцвѣтаетъ и ющѣтъ? Кто этому отъ вѣка даже и по слуху неизвѣстному народу далъ мѣсто не въ какомъ либо забытомъ уголкѣ земли, но во всей подсолнечной? Кто оружіемъ благочестія такъ оградилъ своихъ воиновъ, что души ихъ въ борьбѣ съ противниками оказались крѣпче адаманта? Кто изъ царей господствуетъ даже по смерти и каждое мѣсто, страну, городъ у грековъ и варваровъ наполняетъ своими домами-храмами... каковъ сей, ко-его благолѣпныя украшенія и дары важны и поистинѣ велики, изумительны и достойны удивленія, такъ какъ служатъ ясными доказательствами царства нашего Спасителя? Впрочемъ, для подробнаго объясненія сего потребно особое время и слово, равно какъ для того, чтобы показать, сколь высоко оцѣнили усердіе строителей храма прославляемый нами Богъ, Который взираетъ на одушевленный нашъ храмъ и устроетъ

себѣ обитель изъ крѣпкихъ живыхъ камней. Его домъ прочно утверждёнъ на основаніи апостоль и пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу. Этотъ краеугольный камень злые строители злыхъ зещей отвергли не только при созиданіи древняго, уже несуществующаго, но и нынѣ во многихъ людяхъ находящагося храма. За то Самъ Отецъ какъ тогда, такъ и теперь избралъ его и положилъ во главу угла общей нашей Церкви. Подъ именемъ же сего великаго и вполне благолѣпнаго святилища я разумѣю живой, созданный изъ насъ самихъ, храмъ живаго Бога, въ которомъ внутреннѣйшее, сокровенное и для многихъ невидимое, какъ истинно святое и святая святыхъ, кто дерзнулъ-бы изобразить, хотя бы и увидѣлъ? Кто могъ-бы даже заглянуть за священную его завѣсу, кромѣ Великаго всѣхъ Архіерея?... Впрочемъ, можетъ быть, тоже позволено и другому, занимающее второе по немъ между равными мѣсто (τάχα δὲ καὶ ἄλλω δευτερεύειν μετὰ τοῦτον ἐνὶ μόνῳ τῶν ἱσῶν ἐφικτόν), именно сему первевствующему вождю воинства, котораго самъ Великій Архіерей почтилъ вторымъ мѣстомъ священства въ этомъ храмѣ. Ему-то, послѣ перваго Архіерея, должно принадлежать, если не первое, то второе мѣсто въ надзорѣ и наблюденіи за внутренними движеніями вашихъ душъ, потому что чрезъ долговременный опытъ онъ узналъ каждаго изъ васъ, своею заботливостью приучилъ васъ къ порядку и благочестію, и въ томъ, кто при помощи Божіей совершилъ, можетъ удобнѣе, чѣмъ кто другой, дать отчетъ. Первый и великій Архіерей, какъ Сынъ, еже видитъ Отца творяща, и самъ также творить; такъ и сей архіерей, взирая чистыми очами ума на перваго, какъ на учителя, видитъ его дѣла, и принимая ихъ за образцы, по возможности совершаетъ имъ подобія и ни въ чемъ не уступаетъ Веселіилу, котораго Самъ Богъ наполнилъ премудростію, и всякаго вѣдѣнія въ искусствахъ и наукахъ, и призвалъ къ осуществленію небесныхъ первообразовъ въ видѣ храма. Такъ всецѣло нося въ сердцѣ своемъ образъ Христа, который есть Слово, Мудрость и Свѣтъ, онъ создалъ сей великолѣпный храмъ высочайшему Богу, по образцу храма лучшаго, видимый по образу невидимаго и существенно уподобилъ его первому“.

Затѣмъ проповѣдникъ подробно рассказываетъ исторію построения храма въ Тирѣ Павлиномъ и описываетъ его устройство. Эта часть проповѣди представляетъ вполне художественное одушевленное описаніе. Послѣ него проповѣдникъ дѣлаетъ символическое объясненіе этого устройства храма въ примѣненіи къ устройству духовнаго храма для Христа—души вѣрующей и Церкви вселенской, какъ общества вѣрующихъ во всемъ мірѣ. Заключение проповѣди состоитъ въ непосредственной связи съ этимъ разсужденіемъ о Церкви вселенской, какъ великомъ духовномъ храмѣ Божіемъ въ мірѣ. „Таковъ великій храмъ, обнимающій всю вселенную, устроенный великимъ зидательнымъ Словомъ всяческихъ и вмѣстѣ существующій на землѣ, какъ мысленное изображеніе того, что находится превыше небснаго свода, чтобы Отецъ его былъ предметомъ поклоненія и почитанія для всей твари и для всѣхъ разумныхъ существъ на землѣ. Но ту пренебесную страну, тѣ образцы здѣшнихъ отображеній, тотъ горній Іерусалимъ, ту наднебесную гору Сіонъ, тотъ премірный градъ живаго Бога, гдѣ безчисленные сонмы ангеловъ и Церковь первородныхъ, написанныхъ на небесахъ неизреченными и недомысленными для насъ пѣснями Богословія, прославляетъ своего Творца и верховнаго Владыку всѣхъ,—ту страну никто изъ смертныхъ не въ состояніи восхвалить по достоинству. Око не видѣ, ухо не слыша и на сердце человѣку не въздоша, яже уготова Богъ любящимъ Его. Впрочемъ, удостоившись въ нѣкоторой мѣрѣ сдѣлаться участниками того величія, всѣ мы—мужи, жены и дѣти—большіе и малые, всѣ единымъ духомъ и душею должны непрестанно исповѣдывать и прославлять Виновника столь многихъ дарованныхъ намъ благъ, очищающаго вся беззаконія наши, исцѣляющаго вся недуги наши... (Пс. 102, 3—13). Возобновляя это въ памяти и нынѣ и во всѣ послѣдующія времена, имѣя предъ очами днемъ и ночью, каждый часъ и съ каждымъ такъ сказать дыханіемъ жизни, Виновника и Начальника настоящаго торжества, будемъ любить и чтить его всею силою души. Возставъ, будемъ и нынѣ умолять Его великимъ гласомъ преданности, чтобы Онъ всегда хранилъ и спасалъ насъ въ оградѣ своего стада и даровалъ намъ ненарушимый,

непоколебимый и вѣчный миръ во Христѣ Иисусѣ, Спасителѣ нашемъ, чрезъ Котораго Ему слава во всѣ вѣка вѣковъ. Аминь“.

Сохранившихся до нашего времени бесѣдъ Евсевія, сказанныхъ имъ къ своей кесарійской паствѣ, насчитываютъ до 17. Двѣ изъ нихъ, краткія по объему, изданы Камбефизомъ ¹⁾, но самъ издатель замѣчаетъ, что обѣ онѣ не могутъ быть приписаны одному и тому-же лицу. Одна бесѣда издана Августомъ ²⁾, а затѣмъ 14 изданы на латинскомъ языкѣ Сирмондомъ подъ общимъ заглавіемъ *opuscula* ³⁾. Подлинность этихъ послѣднихъ оспаривалась многими ⁴⁾. Но всѣ внутренніе и внѣшніе признаки говорятъ за несомнѣнную принадлежность Евсевію по крайней мѣрѣ 12 изъ нихъ, а равно и за то, что хотя онѣ и называются *libri*, тѣмъ не менѣе суть настоящія проповѣди ⁵⁾. Всѣ онѣ носятъ отпечатокъ эпохи Евсевія. Авторъ говоритъ въ нихъ, между прочимъ, о счастіи людей, обратившихся отъ идолопоклонства къ почитанію истиннаго Бога, о внѣшнемъ торжествѣ христіанства, опровергаетъ древнія ереси и язычество. Способъ выраженія о второмъ лицѣ Св. Троицы тотъ самый, который находимъ въ другихъ сочиненіяхъ Евсевія. Первая бесѣда живо напоминаетъ мѣста изъ сочиненія Евсевія противъ Маркелла: такъ авторъ говоритъ, что „Богъ отъ вѣчности родилъ не простой звукъ, а Сына, не рѣчь, а жизнь, не просто слово, а Бога—Слово; что царству Сына не будетъ конца“. Съ внѣшней стороны онѣ содержатъ въ себѣ несомнѣнные признаки произнесенія въ храмѣ передъ слушателями

¹⁾ См. его *auctuarium novum*, Paris 1648, p. 779 и слѣд. Одна изъ нихъ имѣетъ заглавіе: *εἰς τὸ ὄψε σαββάτου*, другая—*περὶ τῶν ἐν τῷ μηναίῳ ἀγγέλων*, т. е. „на слѣдующую субботу“ и „въ воспоминаванье объ ангелахъ“.

²⁾ *Oratio in diem parasceven*, ed. Augusti. Bonn, 1820.

³⁾ *Opuscula XIV et homiliae*, latine Paris, 1648.

⁴⁾ См. напримѣръ, *Albiola Patrologie*, по франц. переводу, стр. 294. Онъ считаетъ эти проповѣди произведеніями нѣкаго Фавста Riez, который издалъ ихъ подъ именемъ Евсевія Эмесскаго. Позже ихъ признали произведеніями Евсевія Кесарійскаго. См. *histoire de la France*, t. II. См. также Мниа ser. gr. t. XXIV, col. 1047—1057.

⁵⁾ Прпомнимъ здѣсь, что Геронимъ въ каталогѣ бесѣды Василія Великаго на шестоднезъ называетъ словомъ *libri*. Это названіе вообще, какъ увидимъ въ послѣдствіи, часто терминологически приимается къ несомнѣннымъ проповѣдямъ особенно на Западѣ, и пмепно проповѣдямъ тематизованнымъ.

послѣ прочтенія библейскаго текста, который не приводится въ самой проповѣди видимо лишь ради краткости. Такъ начало первой бесѣды предполагаетъ предварительное прочтеніе евангелія отъ Іоанна I, 1—18, вторая начинается текстомъ Іоанн. III, 18 и предполагаетъ предварительное прочтеніе 1 Іоанн. III, 1—18. Всѣ эти бесѣды имѣютъ предварительное обозначеніе ихъ предмета, хотя и не представляютъ полнаго послѣдовательнаго раскрытія этого предмета: о воскресеніи (de resurrectione), о душѣ безтѣлесной (de anima incorporea) и т. д. Во всѣхъ ихъ рѣчь ведется къ слушателямъ, которые находятся въ храмѣ и уже прежде часто слушали оратора. Напримѣръ, въ первомъ словѣ о вознесеніи проповѣдникъ говорить: *говорено* было нами и вы *слышали* (dictum est a nobis audistis et vos). Почти во всѣхъ ихъ есть вступленіе, а въ концѣ—нравственное увѣщаніе, и всегда одинаковое полное слово-словіе ¹⁾ и заключительное „аминь“. Въ 10-й проповѣди ораторъ, между прочимъ, жалуется, что многіе во время его рѣчи спятъ (plurimi obdormientes). По изложенію всѣ эти проповѣди представляютъ обычныя качества рѣчи проповѣднической: одушевленіе, обращенія, иногда отсутствіе строгой тематической послѣдовательности, словообиліе, аллегоріи и толкованія мистическія, изрѣдка утомительную сухость эрудиціи. Но есть немало мѣстъ по истинѣ прекрасныхъ, обнаруживающихъ въ авторѣ хорошаго оратора. По содержанію почти всѣ онѣ догматическія и полемическія, почему мы и относимъ Евсевія ко второй группѣ проповѣдниковъ IV-го вѣка, къ представителямъ типа проповѣди догматико-полемической. Первые двѣ бесѣды трактуютъ „о вѣрѣ, противъ Савелія“—de fide adversus Sabellium libri duo. Въ первой проповѣдникъ доказываетъ, что Сынъ Божій существовалъ предвѣчно и въ собственной, отличной отъ Отца Упостаси, основывая это ученіе на первыхъ словахъ евангелія отъ Іоанна: „въ началѣ бѣ Слово“, и въ некоторыхъ другихъ текстахъ Св. Писанія. Начало проповѣди предпола-

¹⁾ Semper gratias agat (homo) Deo Patri, per unigenitum Ejus Filium, per quem est ei gloria, honor, imperium, majestas, cum Spiritu Sancto, et nunc, et semper, et per omnia saecula saeculorum (Migne, t. XXIV, col. 1169).

гаетъ предварительное прочтеніе анагностомъ текста изъ евангелія отъ Іоанна 1, 1—18. Проповѣдникъ обнаруживаетъ здѣсь особенное умѣніе абстрактныя идеи передавать живо, наглядно. Есть здѣсь мѣста, отличающіяся чисто ораторскимъ изложеніемъ. Таково, напримѣръ, мѣсто, гдѣ проповѣдникъ разсуждаетъ о посредничествѣ Сына Божія между Богомъ и человѣкомъ. „Посредникъ Сынъ—и дается законъ; посредникъ Сынъ—и говорятъ пророки; посредникъ Сынъ—и возвѣщается Завѣтъ Новый и исполняется Ветхій; посредникъ Сынъ—и бываютъ ангелы; посредникъ Сынъ—и творятся архангелы; Сынъ посредникъ и Творецъ всякаго естества, правитель и Спаситель, ибо ничто изъ сотвореннаго не существуетъ безъ Провидѣнія... Какъ, по-истинѣ, велико милосердіе Божіе! Онъ раждаетъ Сына, ибо Онъ благъ. Мы заблуждались, и Онъ не отвратилъ лица Своего отъ насъ; мы пали, и Онъ не презрѣлъ насъ, но послалъ безгрѣшнаго, чтобы воззвать того, кто согрѣшилъ, послалъ Сына, творящаго Ему угодное, чтобы спасти раба, не хотящаго повиноваться. Послалъ праведность, чтобы уничтожился грѣхъ, послалъ жизнь, чтобы умерла смерть, послалъ Того, Который отъ Него, чтобы спасти сущихъ отъ человѣка (*ut salvarentur qui erant ex homine*), послалъ Того, Кто отъ Дѣвы, чтобы спаслись тѣ, кои отъ жены погибли; послалъ Его въ образѣ мужа, чтобы спасся погибшій мужъ; Сынъ пригвождается ко кресту съ разбойниками, чтобы рай отверзся и разбойникамъ. Помысли о величіи милости и взвѣсь ея значеніе: что я и ты родились отъ жены, въ этомъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго; ѣсть, пить, спать, вставать и лежать въ ясляхъ (*in praesepio*)—во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо это свойственно человѣческой природѣ. Но какъ необычайно, чудесно, величественно то, что сдѣлалъ Богъ! Богъ Самъ послалъ рожденнаго, послалъ въ міръ Своего Сына, Отецъ послалъ рожденнаго, Несозданный послалъ Свое порожденіе (*progeniem*), Милостивый Послушнаго, Господь праведности—праведность. Для кого послалъ? Для грѣшниковъ. Ради кого послалъ? Ради презрѣвшихъ заповѣдь Адама. Такъ пришелъ повинующійся заповѣди. Судія былъ осужденъ ради виновныхъ, жизнь расцята за мертвыхъ, Превознесенный увѣн-

чанъ терновымъ вѣнцомъ и Источникъ сладости вкушаетъ желчь!“

По первой проповѣди можно составить себѣ понятіе и о второй, такъ какъ обѣ онѣ совершенно однородны какъ по содержанію, такъ и по изложенію. Но вторая живѣе и одушевленнѣе. Между прочимъ, здѣсь ораторъ даетъ ясно понять, что ему не нравится терминъ *ὁμοούσιος*, но онъ его не осуждаетъ. Здѣсь-же находится упоминаніе о человѣкѣ, который уже умеръ, но который былъ учителемъ и отцемъ проповѣдника, а также о человѣкѣ, исполненномъ благодати и трудолюбивомъ, но который не содержалъ въ сердцѣ своемъ того, чему училъ. Валезій думаетъ, что тутъ идетъ рѣчь о Памфілѣ (забывая, что Памфілъ былъ святой и мученикъ), хотя справедливѣе относить эти слова къ предшественнику Евсевія — Агапію. Нѣкоторые (Тильмонъ) думаютъ, что слово это принадлежитъ не Евсевію, а ученику его, Акакію, который былъ удаленъ съ кафедры Афанасіемъ; но этотъ злѣйшій аріанинъ едва-ли бы говорилъ такъ легко объ *ὁμοούσιος*, какъ это находимъ въ словѣ. Селлье считаетъ слово несомнѣннымъ произведеніемъ самого Евсевія, на томъ основаніи, что во всѣхъ древнихъ манускриптахъ оно надписывается его именемъ, и относитъ его къ 336 году. Дѣйствительно, изъ проповѣди видно, что она произнесена, вѣроятно, вскорѣ по возвращеніи Евсевія съ Никейскаго собора, гдѣ онъ подписалъ символъ, не сходный съ символомъ Кесарійской церкви, что, конечно, многими изъ его паствы не одобрялось. Вѣроятно поэтому проповѣдникъ увѣщаетъ слушателей особенно къ соблюденію мира, имѣя въ виду тѣхъ, которые отдѣляются отъ своего епископа изъ-за неодинаковаго пониманія догматовъ. „Если проповѣдуемое мною кажется тебѣ ошибочнымъ, суди меня, но не губи самъ себя, говоритъ, между прочимъ, проповѣдникъ. Не ищите повода къ раздѣленію: овца, находящаяся въ стадѣ, становится добычею волка. Ты, конечно, сильнѣе овцы, но и тебѣ лучше оставаться въ оградѣ овчарни, чѣмъ внѣ ея. Ты силенъ—перенеси (*porta*) мою слабость; ты нетвердъ—прими самъ помощь отъ всей Церкви (*a communi Ecclesia*). Одна капля не дѣлаетъ потока, ибо, выпадая, она не успѣетъ упасть,

какъ поглощается землею; но капля за каплей, одна, другая, третья—соединяясь, и горы разрушаютъ. Ты хрупкій тростникъ, а тутъ многіе крѣпче желѣза. Одинъ глазъ—не глазъ, одна голова—не голова, одна нога—не нога; только совокупность членовъ даетъ каждому изъ нихъ его значеніе. Хотя-бы ты былъ глазъ, въ отдѣленіи (отъ тѣла Церкви), ты будешь слѣпецъ. Ибо глазъ, отнятый отъ тѣла, глазъ слѣпой, даже больше—мертвый. Въ Церкви мы сходимся, какъ братья, подъ крылья матери,—какъ члены Христа, а не для раздѣленія, не для ересей. Иногда приходится сказать: языкъ мой врагъ мой (*offendit mea lingua*); можетъ погрѣшати и мысль моя (*potest fieri, ut mens mea offendat*); но ты не забывай сказаннаго: вы куплены дорогою цѣною,—не дѣлайтесь рабами челоуѣковъ. Церковь не мой и не твой домъ; зачѣмъ-же изъ-за меня ты отступаешь отъ Церкви? Что мы получили такого, чтобы быть премудрѣе другихъ? Если я не твердъ, ты, крѣпкій, утверди Церковь. Если я говорю чуждое, зачѣмъ ты, вѣрно разсуждающій, даешь другимъ видѣть мою немощь? Да не думаетъ кто-либо, что я говорилъ, побуждаемый кѣмъ-либо: нѣтъ, я по обязанности своего званія говорю это, ибо знаю, что говорилось и говорится. Уходишь изъ Церкви и бросаешь мать свою изъ-за меня. Но что я? Павелъ, Аполлосъ? Развѣ я былъ распятъ? Онъ пострадалъ за меня, а я за Него почтень. Братья, братья! Не будьте пиратами (*piratis*) и бойцами, не ищите съ кѣмъ-бы повоевать, а ищите, кого-бы спасти (*quem salvetis*). Самъ же Богъ мира, не пощадившій Сына Своего единороднаго, для нашего спасенія, Самъ да соединитъ ваши души въ единомысліи мира и любви; Ему-же, нерожденному Отцу, слава, честь, держава и величіе во Святомъ Духѣ, нынѣ и присно и во вся вѣки вѣковъ. Аминь“ ¹⁾

Двѣ весьма обширныя по объему (по изданію Мина одна въ 23 столбца, другая—21 столб.) проповѣди (*libri*) о воскресеніи (*de resurrectione*) живо напоминаютъ складъ рѣчи панегирика Константину. Вопросъ о воскресеніи мертвыхъ здѣсь исчерпывается со всею обстоятельностью и глубиной, какихъ

¹⁾ Migne, S. gr. XXIV, col. 1068—1070.

только можно требовать отъ столь компетентнаго учителя-богослова, какимъ былъ Евсевій, примѣнительно къ понятіямъ объ этомъ предметѣ язычниковъ (изъ слова видно, что язычниковъ было много между слушателями проповѣдника), еретиковъ, іудеевъ и къ тѣмъ сомнѣніямъ и возраженіямъ, какія могли существовать въ средѣ самихъ вѣрующихъ. На основаніи упоминанія въ словѣ о разрушеніи языческихъ храмовъ и идоловъ, думаютъ, что слово сказано около 324 г., когда Константинъ, по смерти Лицинія, далъ подобный указъ. Отъ основательности и глубокомыслія нисколько не страдаетъ, впрочемъ, здѣсь изложеніе, на всемъ пространствѣ обоихъ словъ отличающееся истинно-проповѣдническимъ одушевленіемъ и ясностію рѣчи.

Въ началѣ первой проповѣди ораторъ упоминаетъ, что онъ и прежде говорилъ предъ тѣми-же слушателями о воскресеніи; но такъ какъ всякое время приноситъ свой плодъ: когда бываетъ время розъ, розы и цвѣтутъ, ласточки и другія полевья пташки знаютъ свое время—на нихъ указывалъ непознавшимъ своихъ временъ іудеямъ пророкъ Іеремія, и Соломонъ говоритъ: для всякой вещи въ мірѣ назначено свое время,—то онъ, проповѣдникъ, находитъ благовременнымъ снова предложить ученіе о воскресеніи, вызываемый къ такому выбору предмета проповѣди тѣмъ, что только-что прочитано, а также тѣмъ, что хотя онъ и сильно и часто говорилъ объ этомъ предметѣ прежде, но, повидимому, не всѣ хорошо усвоили то, что говорилось. Итакъ ничто не препятствуетъ ему возобновить въ памяти слушателей этотъ важный предметъ; кто вѣруетъ въ будущее воскресеніе, тотъ послѣ новой рѣчи о немъ еще болѣе убѣдится въ этой истинѣ, а кто еще не твердо увѣренъ въ ней, тотъ, можетъ быть, убѣдится въ ней должнымъ образомъ. Какъ много есть людей невѣрующихъ въ воскресеніе или неправсвѣрующихъ! Язычники вовсе не вѣрують въ него; еретики равнымъ образомъ или вовсе не вѣрують, или вѣрують не такъ, какъ должно; изъ іудеевъ фарисеи вѣрують въ воскресеніе, а саддукеи не вѣрують; но и изъ принадлежащихъ къ Церкви многіе сомнѣваются въ воскресеніи и спрашиваютъ: какимъ образомъ мы воскреснемъ? въ какой обстановкѣ и въ какомъ

сообществѣ? въ какомъ мѣстѣ? нагіе или одѣтые? на небѣ или въ раю? всѣ вмѣстѣ или каждый порознь? и цѣлая тысяча подобныхъ вопросовъ. Много есть людей, которые какъ-бы и не подозрѣваютъ, что Богъ хоть немного могущественнѣе человѣка и говорятъ: кто умеръ, тотъ умеръ, одну часть тѣла его пожралъ орелъ, другую—ворона, третью—собака, но затѣмъ и собаку и ворону и орла въ свою очередь пожралъ дикій звѣрь... Какимъ образомъ Богъ обрѣтетъ плоть человѣка, чтобы воскресить ее? Нужна молитва о томъ, чтобы Самъ Господь воскресенія далъ слово учащему и все должное вниманіе слушающимъ!... ¹⁾. Послѣ этого вступленія, проповѣдникъ разсматриваетъ указанная имъ возраженія противъ воскресенія мертвыхъ, во всѣхъ ихъ видя невѣріе во всемогущество Творца и Промыслителя Бога. Съ слѣпыми бесполезно разсуждать о цвѣтахъ. Такъ бесполезно говорить о воскресеніи съ тѣмъ, кто не видитъ въ процессѣ міровой жизни, во всѣхъ явленіяхъ природы, творческой и промыслительной дѣятельности Бога, Который каждому творенію даетъ Свою особую природу и особый родъ жизни въ общемъ составѣ бытія: травы, рыбы морскія, самые камни имѣютъ особое цѣлесообразное устройство; данное отъ Творца соотвѣтственно ихъ назначенію. Вѣруя въ божественное Провидѣніе, необходимо признать и возможность воскресенія: *confessa providentia, consequens est adesse resurrectionem*. Безъ причины-ли справедливый—справедливъ и цѣломудренный—цѣломудренъ? Богъ, промышляющій о существахъ бесловесныхъ и неразумныхъ, будетъ-ли нерадѣть о душахъ разумныхъ? и т. д.

Второе слово (*liber secundus*), посвященное тому-же предмету, т. е. разсужденію о воскресеніи, сказано въ праздникъ Вознесенія Господня. „Радуются небеса въ настоящій праздникъ, воспринимая Господа побѣдителя; радуются сонмы ангеловъ, срѣтая побѣдоноснаго Царя; радуется Тотъ, Кто родилъ и послалъ въ міръ сѣдящаго присно одесную возлюбленнаго Сына, умертвившаго смерть, поправшаго тираннію діаво-

¹⁾ Это мѣсто проповѣди Евсевія представляетъ почти буквальное сходство съ однимъ мѣстомъ въ словѣ Ефрема Сиріна о крестѣ. См. по русс. изд. твор. Ефрема. Т. III. стр. 43.

ла (*destructa est tyrannia diaboli*), даровавшаго спасеніе людямъ и радость ангеламъ. Еще не сошелъ Духъ Св., но уже на всѣхъ языкахъ воспѣвается хвала побѣдителю. Ибо сперва совершилось спасеніе всѣхъ языковъ, а потомъ всякому народу на его языкѣ устами апостоловъ возглаголалъ Духъ Святой. И сама Пасха, содержащая въ себѣ таинство празднества смерти, тоже принесла свой плодъ, когда произошло восшествіе Господне на небо. Ибо Онъ приходилъ не для того, чтобы умерая умереть, но дабы тѣ, кто мертвы, стали живы... Итакъ радуется нынѣ все твореніе: и солнце свѣтлѣе сіяетъ сегодня... Восходя отъ земли, Господь и человѣка возводитъ къ небу... Да не подумаетъ кто-либо, что я забылъ вчерашнее обѣщаніе — говорить сегодня о воскресеніи. Восшествіе Господа ко Отцу служить залогомъ воскресенія людей (*firmatur hominum resurrectio*). Почему и апостоль, желая показать, что воскреснутъ люди, обращаетъ свое слово къ воскресенію Господню: если состраждемъ Ему, то съ Нимъ и прославимся (Рим. VIII, 17), если мертвые не воскреснутъ, то и Христосъ не воскресъ (1 Кор. XV, 16), — изъ чего ясно, что изъ воскресенія Христова слѣдуетъ и воскресеніе людей ¹⁾.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, какъ на доказательства воскресенія Іисуса Христа, проповѣдникъ указываетъ: 1) на уничтоженіе въ мірѣ идолопоклонства и языческихъ храмовъ, пограніе демоновъ, т. е. языческихъ боговъ — разрушеніе Іерусалима и разсѣяніе іудеевъ; 2) чудеса, которыя совершалъ Богъ: мученики выходили невредимыми изъ устъ звѣрей или изъ огня, и т. д.; 3) перемѣной, происшедшей послѣ воскресенія съ апостолами и чудеснымъ даромъ языковъ, проповѣдію апостоловъ, установленіемъ Церкви и исполненіемъ пророчествъ Іисуса Христа. Кто будетъ столь дерзокъ, чтобы утверждать, что Христосъ не воскресъ, — враги-ли, или ложные друзья? Для язычниковъ ручательствомъ воскресенія Христова служить разрушеніе ихъ храмовъ и низверженіе ихъ боговъ (*si stant eorum templa, non resurrexit*), для іудеевъ — разрушеніе Іерусалима и разсѣяніе ихъ по всей землѣ. Мужество мучениковъ и апо-

¹⁾ Migne, patr. gr. t. XXIV. col. 1093.

столовъ—дѣйствіе воскресенія Христова. Тотъ самый Петръ, который трижды отрекся отъ своего Господа, убоявшись упрековъ служанки, сказанныхъ въ темнотѣ и наединѣ, нѣсколько дней спустя исполнился такого мужества, что открыто предъ всѣми говорилъ іудеямъ, что праведникъ, котораго они убили, воскресъ изъ мертвыхъ. Откуда у нихъ взялась эта смѣлость проповѣдывать распятаго, какъ Бога? Сошествіе огненныхъ языковъ на апостоловъ такое-же доказательство истинности воскресенія Иисуса Христа, какъ и исполненіе на Немъ пророчествъ.

Пятое слово („de incorporali et invisibili Deo“) посвящено доказательству той мысли, что Богъ безтѣлесенъ и невидимъ. Оно составляетъ объясненіе тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, которыя содержатъ въ себѣ челоѣкообразное изображеніе Божества, гдѣ Богу приписываются руки, ноги и другіе члены челоѣческаго тѣла. „Будучи самъ по себѣ совершенъ и простъ по природѣ, Богъ не можетъ состоять изъ частей; Онъ существуетъ прежде сложенія міра, когда образовались и произошли его составныя части. Какъ безконечный, Онъ наполняетъ всѣ пространства міра“...

Въ *шестомъ словѣ*—о безтѣлесномъ (de incorporali, liber primus), сказанномъ въ одинъ изъ дней поста, доказывается, что вещи тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ они дальше отстоятъ отъ матеріи, изъ чего выводится та истина, что Богъ есть Духъ совершеннѣйшій. Проповѣдникъ останавливается на природѣ животныхъ и на удивительномъ способѣ ихъ сохраненія, на ихъ инстинктѣ, который не данъ однако челоѣку, владѣющему разумомъ, которымъ и долженъ руководиться...

Въ *седьмомъ словѣ*—о безтѣлесной душѣ (de incorporali anima, liber secundus) доказывается превосходство челоѣка предъ прочими тварями, тѣмъ, что онъ сотворенъ послѣ всѣхъ тварей, какъ царь природы, для котораго создано все. Подобнымъ образомъ душа выше тѣла, ибо сотворена послѣ него, особымъ творческимъ дѣйствіемъ. Что она выше тѣла, видно изъ того, что челоѣкъ иногда чувствуетъ въ себѣ стремленіе противиться влеченіямъ тѣлеснаго организма (цѣломудріе). Въ концѣ проповѣди проповѣдникъ особенно удивляется разуму челоѣка, силою котораго онъ подчиняетъ себѣ все въ природѣ.

Въ *восьмомъ словѣ*—проповѣдникъ въ началѣ заявляетъ о своемъ желаніи говорить о природѣ человѣческой мысли (*de spirituali cogitatu hominis, liber tertius*), но съ первыхъ же строкъ начинаетъ восхвалять цѣломудріе (*prudicitia*) и тѣ блага, какія даруетъ эта добродѣтель людямъ. Цѣломудріе здѣсь понимается лишь въ общемъ смыслѣ, въ смыслѣ умѣренности въ наслажденіяхъ. *Слово девятое*, которое трактуетъ о безтѣлесности существа Божія (*de eo, quod Deus Pater incorporealis est*) и о величіи Божиемъ, замѣчательно по разсужденіямъ проповѣдника объ ангелахъ и объ ихъ превосходствѣ предъ людьми. У ангеловъ нѣтъ женъ, ибо жена существуетъ какъ помощница мужу, а для ангела достаточно собственной природы. Будучи чистыми духами, они не подвержены, какъ человѣкъ, страстямъ, ни слабостямъ тѣлеснымъ, ни другимъ условіямъ жизни конечной. Ангелы не нуждаются ни въ одеждѣ, ни въ ложахъ, ни въ домахъ, ни въ трапезѣ, ни въ слугахъ, ни въ серебрѣ, мѣди или желѣзѣ. Зачѣмъ желѣзу быть на небѣ? Развѣ для земледѣлія, мореплаванія, для войны или леченія? Ангеламъ не нужны волы для обработки земли, ни лошади для войны!!¹⁾. Затѣмъ, переходя къ изображенію совершенствъ Божіихъ, проповѣдникъ, чувствуя себя бессильнымъ изобразить словами всю полноту Божественнаго совершенства, въ великолѣпной просопопеѣ заставляеть солнце проповѣдывать величіе Божіе; при этомъ опровергаетъ ученіе астрологовъ о вліяніи звѣздъ на судьбу людей, вооружается противъ культа свѣтилъ небесныхъ и опровергаетъ мнѣологическіе рассказы о богахъ.

Въ *десятомъ словѣ*—„о томъ, что Богъ-Отецъ безтѣлесенъ“, доказывается, что не слѣдуетъ понимать буквально тѣ мѣста

¹⁾ Non sunt nuptiae apud angelos. Data est viro mulier ad adiutorium; angelorum autem unusquisque propria natura sufficit sibi. Non conficiuntur angelis indumenta, ut contegant, quae cohabitant. Non domus iisdem, sufficit enim coelum. Non mensa apud eos, forte autem non pascuntur... Angeli non indigent loco, sed liberi a locis viventes sunt et in alterutrum agentes. Non in confusione quippe, nec exultatiore corporea, sed semper in lumine sunt. Ipsis lumen tale, quales et sunt. Apud illos non nox ad reptionem habetur, non dies ad resurrectionem. Semper enim habent lumen, et lumen non hoc quod apud nos est, et caet.

Св. Писанія, въ которыхъ Богъ изображается человѣкообразно, гдѣ Ему приписываются руки, ноги и другіе члены человѣческаго тѣла.

Всѣ исчисленные 10-ть словъ находятся въ близкой связи одно съ другимъ по предмету. Одиннадцатое слово не имѣетъ уже къ нимъ никакого отношенія. Оно имѣетъ предметомъ объясненіе словъ І. Христа: „не миръ пришелъ Я принести на землю, но мечъ“. Лучшую часть его составляетъ разсужденіе объ обязанности человѣка любить Бога. Проповѣдникъ основываетъ эту обязанность на тѣхъ благодѣянїяхъ, которыя мы получили отъ Бога и на Его безконечныхъ совершенствахъ. Въ особенности же обязываетъ насъ къ этой любви крестная искущительная смерть за насъ І. Христа. Часто, говоритъ проповѣдникъ, когда онъ читалъ Св. Писаніе, предъ нимъ какъ бы живой возставалъ І. Христосъ, вочеловѣчившійся Богъ; Онъ простиралъ къ Нему руки и касался конца его одѣянїя, чтобы получить исцѣленіе болѣзней своей души. Но Бога слѣдуетъ любить не только ради оказываемыхъ Имъ намъ благодѣянїй, но также и ради Его Самого, Его совершенства. Если вы повинуетесь Богу только изъ страха—вы лишь жалкіе рабы. Между прочимъ проповѣдникъ изображаетъ блаженное состояніе души, любовію соединяющейся съ Богомъ. Кто достигъ совершенной любви къ Богу, тотъ не смотритъ болѣе ни на небо, ни на землю, ни на мѣсто, гдѣ онъ находился, ни на море, ни на рѣки, не видитъ солнца, не разсуждаетъ о лунѣ, не думаетъ о звѣздахъ; самые лики ангеловъ недостойны его вниманія, ибо одинъ Богъ всецѣло владѣетъ его мыслию. Кто въ такомъ состоянїи, тотъ не знаетъ болѣе, что онъ отъ плоти, забылъ даже, что имѣетъ душу, ибо живетъ всецѣло для Бога,—все другое для него не существуетъ. Объ этомъ состоянїи говоритъ апостолъ: живу не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ ¹⁾. Обращаясь къ объясненію словъ: „не придохъ

¹⁾ Въ латинскомъ текстѣ это замѣчательное мѣсто, напоминающее аскетически-мистическое ученіе Макарія, читается такъ: *Qui autem ad istam constitutionem occurrerit, nescit quia et coelum et terram non videt, nec novit in quo in terra est loco: maris autem ne quidem memor est, et flumina despicit: solem non videt, lunam non considerat, stellarum memor non est, despicit autem et angelorum*

во вѣщи миръ ни земли“..., проповѣдникъ спрашиваетъ: ка-кимъ образомъ могъ принести на землю мечъ Тотъ, Кто есть миръ нашъ? и отвѣчаетъ, что это слѣдуетъ разумѣть о враждѣ между собою членовъ семьи изъ-за различія религіозныхъ вѣрованій. Въ концѣ бесѣды проповѣдникъ обращаетъ рѣчь къ тѣмъ изъ христіанъ, которымъ приходилось терпѣть отъ языческихъ членовъ собственнаго семейства и увѣщаетъ ихъ радостно переносить всѣ страданія ради Христа. Изъ этой бесѣды видно, что еще много было между его слушателями язычниковъ, и что онъ многократно касался этого предмета. *Двенадцатая бесѣда* объясняетъ слова: *что говорится вамъ на ухо, то проповѣдуйте съ кровель*. Сначала проповѣдникъ говоритъ, что это тѣ слова, которыя произвели мучениковъ; затѣмъ рѣшаетъ вопросъ, почему Самъ Исусъ Христосъ говорилъ лишь „во уши“ ученикамъ — „*cur ipse aure locutus est*“, а проповѣдываніе открытое предоставилъ ученикамъ? Такъ поступилъ І. Христосъ для того, чтобы, во-первыхъ, имѣть отъ другихъ свидѣтельство о Себѣ, и чтобы, во-вторыхъ, не раздражить іудеевъ до времени, предназначеннаго Ему Отцемъ. Затѣмъ доказывается, что и намъ ничто не препятствуетъ исполнять упомянутое повелѣніе Господа — открыто исповѣдывать и проповѣдывать Его, потому что душа наша безсмертна, да и относительно тѣла обѣтовано, что и волосъ съ головы нашей не спадетъ безъ воли Отца небеснаго. За всѣ лишенія на землѣ для Бога, Богъ сторицею вознаградитъ насъ въ жизни будущей. Если при входѣ въ городъ языческой христіанинъ побойтся ознаменовать себя крестомъ, онъ тѣмъ самымъ отрекается отъ Христа; совершенный отступникъ отъ Христа тотъ, кто возливаетъ вино въ честь боговъ языческихъ. Страдать за Христа можно не только претерпѣвая мученіе отъ язычниковъ (*semper persecutio est, semper invisibile bellum habetur, semper corona, et cet.*), но и преодолевая собственною волею, изъ любви къ Богу, свои страсти. Въ концѣ бесѣды проповѣдникъ по-

---

choros, unus enim ille non permittit dividi visionem ad multa. Qui enim in tali constitutione habetur, nescit, quia et carnem habet, et quod est maximum, evacuatus in illum est, quem desiderat et universa ei sunt emortua et illi vivit soli. Et hoc est illud insigne, quod ait apostolus: vivo ego... et caet.

рицаеть идолослуженіе, языческія гаданія и примѣты, вѣру въ судьбу, въ предсказанія прорицателей, которые наблюдаютъ извѣстный тонъ голоса, тотъ или другой способъ ходьбы, полеть птицъ, лай собакъ и т. д. Изъ этого слова видно, между прочимъ, что авторъ его—епископъ.

Бесѣда *тринадцатая*—о дѣлахъ добрыхъ и злыхъ (de operibus bonis et malis) изображаетъ безобразіе грѣха и тѣ послѣдствія, какія онъ за собою влечетъ. Стараясь внушить спасительный страхъ грѣха, проповѣдникъ изображаетъ его постыдныя и гнусныя послѣдствія, жалкое состояніе людей, которые, предавшись безраздѣльно чувственнымъ удовольствіямъ и похотямъ плоти, подъ предлогомъ исполненія закона природы, утрачиваютъ способность мыслить о Богѣ, живутъ не какъ люди, а какъ скоты. Это состояніе не есть природное состояніе человѣка, но плодъ поврежденія воли. Какъ только человѣкъ приходитъ въ себя, онъ начинаетъ любить добро.* Нераскаянныхъ грѣшниковъ и неисправимыхъ чувственниковъ проповѣдникъ находитъ неизвинимыми.

Бесѣда 14-я, продолжая предъидущую, состоитъ изъ объясненія 8-й и 9-й главъ II посланія къ Коринѣянамъ, гдѣ апостоль убѣждаетъ Коринѣянъ къ подражанію Ахеянамъ и Македонянамъ, пославшимъ въ Іерусалимъ обильную милостыню бѣднымъ изъ іудеевъ, которые сдѣлались бѣдными потому, что принявъ христіанство, потеряли свои имущества. При этомъ Евсевій говоритъ подробно объ устройствѣ первобытной Церкви и выясняетъ значеніе благотворительности.

Проповѣди Евсевія болѣе замѣчательны по своимъ мыслямъ,—правоучительныя его идеи заслуживаютъ не менѣе вниманія, чѣмъ догматическія,—чѣмъ по изложенію, о которомъ, повидимому, проповѣдникъ мало заботился, если судить объ этомъ по латинскому переводу ихъ, въ которомъ они единственно извѣстны. При постоянно возвышенномъ ораторскомъ одушевленіи, они часто чужды той строгой послѣдовательности въ мысляхъ, которой мы въ правѣ ожидать отъ богослова столь образованнаго, страдаютъ словообиліемъ, иногда неудачными аллегоріями, мистическими толкованіями и нѣкоторою сухостію разсужденія. Въ общемъ составѣ научно-богословской дѣятель-

ности Евсевія, они не занимаютъ положенія выдающагося, почему доселѣ не были предметомъ должнаго вниманія изслѣдователей; слава Евсевія, какъ великаго богослова, полемиста, апологета, экзегета, историка—затмила въ глазахъ его времени его дѣятельность проповѣдническую. Очень можетъ быть, что самъ проповѣдникъ на эту дѣятельность удѣлялъ мало времени, сосредоточиваясь на своихъ ученыхъ занятіяхъ. Но съ нашей точки зрѣнія, по своей содержательности, по силѣ одушевленія предметомъ рѣчи и живости изложенія, всѣ онѣ вполне достойны его имени и въ ряду проповѣдей четвертаго вѣка, столь изобиловавшего великими церковными учителями, должны быть поставлены далеко не на послѣднемъ мѣстѣ.

И. Барсовъ

(Окончаніе будетъ).

ПРОТЕСТАНТСКОЕ УЧЕНИЕ

О ЦЕРКОВНОЙ ІЕРАРХІИ.

(Окончаніе ¹⁾).

Кромѣ изложенныхъ главныхъ особенностей протестантскаго ученія о церковной іерархіи, оно заключаетъ въ себѣ еще нѣкоторыя частныя отличія отъ древне-вселенскаго ученія о церковной іерархіи, имено—въ ученіи о *правахъ и обязанностяхъ духовныхъ должностныхъ лицъ*. Какъ Лютеръ и другіе реформаторы—сами лично, такъ и протестантскія символическія книги поставляютъ обязанности духовныхъ лицъ въ служеніи слову, т. е. проповѣди и совершеніи таинствъ, и предоставляютъ имъ власть „ключей“ или власть отпускать и удерживать грѣхи. Проповѣдь должна составлять главнѣйшую и преимущественную обязанность пасторовъ. Глава нѣмецкихъ реформаторовъ проповѣдь слова Божія поставлялъ даже выше, чѣмъ совершеніе таинствъ. „Слово Божіе, говоритъ онъ, есть величайшая, необходимѣйшая и высочайшая часть въ христіанствѣ, потому что таинства безъ слова Божія ничего не могутъ значить, но хорошо слово Божіе и безъ таинствъ; иной по нуждѣ можетъ сдѣлаться блаженнымъ безъ таинствъ, но не безъ слова“ ¹⁾. Поставляя высшій долгъ пастырей въ проповѣданіи слова, въ своемъ увлеченіи, онъ доходилъ до того, что даже отождествлялъ проповѣдничество и священство, за что, между прочимъ, подвергается упрекамъ и со стороны протестантовъ ²⁾. Итакъ,

---

¹⁾ См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 4.

²⁾ Luther's Werke bei Walch. Bd. XIX. S. 1537.

³⁾ Bah r. Allgem. Priesterthum als Princip und Grundlage evang. Kirchenverfassung. (Studien und Kritiken. 1862 S. 21).

проповѣданіе слова Божія должно составлять главнѣйшую обязанность служителей церкви и проповѣдь въ протестантствѣ, дѣйствительно занимаетъ болѣе видное мѣсто, чѣмъ во всякомъ другомъ христіанскомъ обществѣ. Она даже составляетъ главнѣйшую часть протестантскаго богослуженія. Причина этого лежитъ главнымъ образомъ въ ученіи объ оправдывающей вѣрѣ, т. е. мысленномъ отношеніи къ дѣлу спасенія, сообразно съ которымъ протестанты должны были обратить все свое вниманіе на *разъясненіе* истинъ вѣры ¹⁾, отчасти еще и въ томъ, что при отсутствіи проповѣди въ богослуженіи, не отличающемся обиліемъ другихъ средствъ наученія (каковы напримѣръ въ православномъ богослуженіи—чтенія изъ Св. Писанія, пѣснопѣнія, молитвы и др.), масса народа была-бы обречена на полное религіозное невѣжество, хотя и теперь не можетъ похвалиться знакомствомъ съ христіанствомъ (особенно въ Германіи). Въ этомъ пунктѣ впрочемъ существеннаго отличія протестантства отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій нѣтъ. Болѣе важную особенность заключаетъ ученіе о совершеніи таинствъ, каковыми признаются только два—крещеніе и евхаристія. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе особенность, касающаяся евхаристіи. Усвоивъ представленіе, что І. Христосъ однажды принесъ жертву за грѣхи людей и жертву вполне достаточную для ихъ искупленія и что по этому ежедневно приносить тѣло и кровь Господа за живыхъ

---

¹⁾ О самостоятельномъ раскрытіи истинъ вѣры, по теоріи Лютера, не можетъ быть и рѣчи. Онъ такъ былъ убѣжденъ въ неспособности человѣческаго ума, что даже требовалъ уничтоженія своихъ и отеческихъ писаній, такъ какъ каждый, обращающійся къ слову Божію, внутренно научается. Манихейскій взглядъ на человѣческую природу особенно укрѣпился въ Лютерѣ по поводу внутреннихъ раздѣленій и смутъ въ протестантствѣ. Человѣческую мудрость онъ обзывалъ сатанинскою и равною безбожію. Сообразно съ этимъ онъ училъ и о самыхъ наукахъ, искусствахъ и высшихъ школахъ. Онъ утверждалъ, что „четыре вонны, которые распяли Господа Бога, были символическимъ изображеніемъ университетовъ съ ихъ четырьмя факультетами“... Вопросъ—нужно-ли обучаться въ университетахъ—для него равнозначущъ тому, нужно-ли приносить жертву Молоху? Эти разсадники просвѣщенія, по его мнѣнію, слѣдовало-бы разрушить. Послѣдователя Лютера также доказывали, что занятіе науками вредно и потому Виттенбергскую школу превратили въ булочную лавку. См. „Рус. Вѣсти.“ 1884 г. X, стр. 806. Рѣчь Д. Θ. Касицына по поводу 400-лѣтняго юбилея Мартина Лютера.

и умершихъ, значить умалять значеніе заслугъ Искупителя, протестанты отвергають, чтобы священникъ, совершая евхаристію, приносилъ какую-либо жертву, подобную ветхозавѣтной. Христосъ, по ихъ мнѣнію, не установилъ такихъ священниковъ въ новомъ завѣтѣ, которые-бы имѣли право свыше, кромѣ проповѣди и преподаванія таинствъ, приносить еще жертву ¹⁾. Наконецъ, *jure divino* духовнымъ лицамъ предоставлено право вязать и рѣшить и право отлученія тѣхъ, „грѣхи которыхъ обнаружены, или которые проповѣдуютъ несогласное съ евангеліемъ ученіе“, отъ церковнаго общенія и таинствъ и снова допускать къ общенію ²⁾. Эту власть ключей служители церкви, законнымъ образомъ призванные, имѣють, по выраженію Швейцарскаго исповѣданія, съ тою цѣлію, „чтобы возвѣщать евангеліе, т. е. научать вѣреннй народъ святой вѣрѣ, убѣждать, совѣтовать, обличать и удерживать въ повиновеніи (*disciplina*). Этимъ путемъ они открываютъ царство небесное повинующимся и затворяють непокорнымъ“ ³⁾. Въ лютеранствѣ даже ради отпущенія грѣховъ практикуется устная исповѣдь предъ священникомъ, хотя она не считается ни таинствомъ, ничѣмъ либо обязательнымъ. Въ реформатствѣ частное исповѣданіе такъ же допускается, но дспускается ради вразумленія и увѣщанія, болѣе же употребительно общее исповѣданіе грѣховъ и разрѣшеніе въ собраніяхъ вѣрующихъ. Впрочемъ съ половины прошлаго столѣтія и въ лютеранствѣ сталъ употребляться преимущественно реформатскій обычай.

Приписывая духовной должности право проповѣди и совершенія таинствъ съ своего рода властію вязать и рѣшить, протестантское ученіе этимъ исчерпываетъ всѣ права и обязанности, какія могутъ принадлежать служителямъ слова *jure divino*. Управление видимою церковію (съ одной стороны въ про-

¹⁾ Bei Winer's, Compar. Darst. etc. стр. 174—5. Conf. Helv. II cap. 18; ср. Ар. А. С. р. 201.

²⁾ Ibid. стр. 179—180. Art. Sm. р. 351; Art. Sm. р. 39. Право отпущенія грѣховъ и отлученія Лютеръ первоначально предоставилъ обществу; духовные могли только объявлять рѣшеніе общества, но не судить. Впослѣдствіи, по его совѣту, было передано духовнымъ и право суда.

³⁾ Ibid. стр. 181. Conf. Helv. II с. 14; ср. Cat. Heid. Fr. 63.

тивоположность католицизму, а съ другой потому, что это считается несовмѣстимымъ съ ближайшею задачею пастырей—возбуждать и поддерживать вѣру въ членахъ видимой церкви), ученіе символическихъ книгъ не считаетъ принадлежащимъ къ обязанностямъ духовныхъ лицъ. Эта черта, т. е. присвоеніе должности пастыря „служеніе слову“ и отдѣленіе отъ нея управленія въ церкви проходитъ чрезъ всю реформацію. Въ реформатскихъ обществахъ это есть даже опредѣляющій принципъ церковнаго устройства. Должность управленія считается совершенно отличною отъ должности служенія слову и предоставляется свѣтскимъ лицамъ. Въ лютеранствѣ хотя это не есть опредѣляющій принципъ церковнаго устройства и оно предоставляетъ и духовнымъ лицамъ участіе въ церковномъ управленіи, но это дѣло чисто случайное; они не признаются принципиальными носителями права церковнаго управленія.

Принципомъ лютеранскаго ученія объ устройствѣ церкви, служить мысль о призваніи состояній или званій (*der Beruf der Stände*). Церковь, какъ организмъ, состоитъ изъ трехъ особенныхъ классовъ и каждому изъ нихъ должна принадлежать въ церковномъ управленіи извѣстная доля участія. Высшей гражданской власти (*magistratus*) принадлежитъ внѣшній авторитетъ и сила, должности учителя (*ministerium*)—вліяніе на содержаніе церковныхъ постановленій гражданской власти и пользование церковно-управительными должностями, обществу (*populus*)—право согласія или несогласія съ распоряженіями власти ¹⁾. Гражданская власть, какъ власть христіанская, имѣетъ въ своихъ рукахъ не только охрану и попеченіе о церкви, но и управленіе ею, хотя это управленіе и должно быть отличнымъ отъ управленія гражданского и совершаться подъ иными условіями. Но эти ограниченія свѣтской власти, чтобы не вовсе устранить духовныхъ отъ управленія церковію, не очень значительны и состоятъ въ томъ, что духовные являются органами свѣтскаго правительства для надзора и управленія церковію. „Духъ лютеранскаго ученія объ устройствѣ церкви, ко-

---

¹⁾ Die Lutherische Kirche und die Union, von Stahl. Zw. Aufl. 1860 г. стр. 252.

торый одушевлялъ ее въ лучшія времена, говоритъ Шталь, тотъ, что церковію управляетъ богобоязненный князь, слѣдуя по долгу совѣту просвѣщенныхъ учителей и ихъ взглядамъ, согласнымъ съ Св. Писаніемъ и общество находитъ для себя удовлетвореніе въ этомъ руководствѣ проповѣдниковъ истиннаго евангелія“ ¹⁾. Практическое примѣненіе этого принципа постепенно привело церковь къ совершенному порабощенію ея государственною властію. Эта власть присвоила себѣ даже права высшаго надзора за чистотою лютеранскаго ученія ²⁾; инициатива и право издавать новые церковные законы также сдѣлались достояніемъ гражданской власти, хотя по теоріи, скоро забытой, она и должна была выслушивать мнѣнія духовныхъ лицъ и учрежденій (синодовъ, суперъ-интендентовъ, выдающихся пасторовъ, богословскихъ факультетовъ) ³⁾. Самые представители церкви стали въ такое же зависимое положеніе отъ верховной власти, какъ и чиновники какого-либо министерства и высшія присутственныя духовныя мѣста потеряли отличіе отъ свѣтскихъ присутственныхъ мѣстъ. Простые члены церкви или мірская община не могла принимать никакого участія въ церковныхъ дѣлахъ. Въ концѣ концовъ, церковь явилась въ качествѣ не свободной общины, а казенной чиновничьей камеры. Оторванная отъ общества и его поддержки, она всецѣло опиралась на бюрократическія подмостки и стала отвѣтственною предъ одною свѣтскою властію государя, который въ лютеранствѣ присвоилъ себѣ значеніе „*summi episcopi*“. Такимъ образомъ, практическими слѣдствіями устраненія церковной іерархіи отъ права церковнаго управленія было то, что лютеранство, свергнувшее папскій гнетъ, должно было смириться подъ давленіемъ другаго авторитета, явившагося ничѣмъ инымъ, какъ видоизмѣненіемъ папства. Этотъ, по выраженію Деллингенра, „цезареопанизмъ“ въ большей части лютеран-

¹⁾ Ibid. стр. 253.

²⁾ Первоначально Лютеръ это предоставлялъ народу, по потомъ уже уступилъ свѣтской власти, вслѣдствіе неумѣнія народа пользоваться своими правами.

³⁾ Здѣсь весьма кстати припомнить новое прусское законодательство (11—14 мая 1873 г.) о гражданскомъ бракѣ, изданное правительствомъ не смотря на протесты духовенства.

скихъ обществъ господствовали въ теченіи дѣльныхъ трехъ столѣтій, до самой замѣны консисторіальнаго управленія церкви новымъ—снудальнымъ. Учрежденіе въ продолженіи настоящаго десятилѣтія снудовъ въ соединенной церкви прусскаго королевства—центрѣ протестантства, знаменуетъ собою переворотъ основныхъ началъ въ церковномъ управленіи. Либеральные лютеране смотрятъ на это учрежденіе, какъ на настоящее прекращеніе абсолютнаго правленія государя въ церкви, какъ на освобожденіе церкви отъ государственнаго рабства, подъ игомъ котораго стеснала церковь въ теченіе трехъ столѣтій. Хотя эти выраженія и преувеличенны, тѣмъ не менѣе дѣйствительно при снудальномъ устройствѣ должно ослабѣть вліяніе королевско-епископальной власти и увеличиться вліяніе общества на дѣла церкви. Но этою переменою своего церковнаго устройства лютеранство само фактически признало несостоятельнымъ свое собственное ученіе объ устройствѣ церкви, замѣнивъ старый, чисто лютеранскій принципъ новымъ, реформатскимъ. Принципомъ новаго устройства является заимствованный у реформаторовъ Gemeinderincip — идея конгрегациі или общества, какъ общества вѣрующихъ, управляющихъ собственными своими дѣлами, а не мысль о признаніи или привлеченіи званій или состояній, лежавшая въ основѣ стараго, консисторіальнаго устройства. Въ дѣлахъ церкви, по новому устройству, главное значеніе приобрѣтаютъ міряне. Духовныя-же должности и теперь не могутъ имѣть сильнаго вліянія на церковныя дѣла. Преобладающее большинство членовъ во всѣхъ церковно-управительныхъ учрежденіяхъ (въ учрежденіяхъ при отдѣльныхъ приходахъ, въ епархіальныхъ и провинціальныхъ снудахъ, и наконецъ, въ общемъ или генеральномъ снудѣ, собирающемся черезъ каждыя 6 лѣтъ) составляютъ міряне и потому ясно, что рѣшающее большинство должно принадлежать свѣтскимъ лицамъ, которымъ, очевидно, должны подчиняться и духовныя должности ¹⁾).

Еще меньшимъ значеніемъ относительно церковнаго управ-

---

¹⁾ Во всѣхъ означенныхъ инстанціяхъ пропорція мірянъ по отношенію къ церковному элементу относится, какъ два къ одному.

ленія, чѣмъ въ лютеранствѣ, пользуются духовныя должности въ реформатскихъ обществахъ. Въ противоположность лютеранству, гдѣ господствовалъ до послѣдняго времени „цезареопапизмъ“, у швейцарскихъ реформаторовъ въ церковномъ управленіи выступаетъ на сцену совершенный демократизмъ, заимствованный отъ нихъ недавно, какъ мы сказали, и лютеранствомъ. Мысль о верховныхъ правахъ общества въ церковномъ управленіи, одинаково раздѣляемая какъ Цвингли, такъ и Кальвиномъ, хотя они ее и различно понимали, и положенная ими въ основу церковнаго устройства, привела къ тому, что значеніе духовныхъ лицъ въ управленіи сдѣлалось почти равнымъ нулю. Въ церкви, какъ совокупности христіанъ, по мнѣнію Цвингли, каждый имѣетъ равное право рѣшать и управлять и потому рѣшающее значеніе имѣетъ число. Понятно, что при такомъ принципѣ духовныя лица не могли имѣть даже и того значенія, какое имъ предоставило лютеранство. Ихъ дѣятельность ограничивается однимъ тѣмъ, что они могутъ возвышать свой голосъ противъ постановленій церковно-управительныхъ учрежденій, гдѣ рѣшаетъ число голосовъ (Korfbahl), т. е. могутъ дѣлать то, на что имѣетъ право каждый. Правда, магистратъ иногда снисходитъ до того, что выслушиваетъ мнѣнія богослововъ, но поступаетъ „по своему усмотрѣнію“, такъ что, по теоріи Цвингли, церковное управленіе ничѣмъ не отличается отъ гражданскаго. Онъ даже судебныя дѣла по чисто религіознымъ вопросамъ предоставилъ свѣтской власти ¹⁾.

По кальвино-реформатскому ученію органами церковнаго управленія, предпочтительно предъ духовными лицами, являются старѣйшины (presbyteri; seniores) — особыя должностныя лица, не учащія и не совершающія таинствъ. Во всѣхъ учрежденіяхъ какъ высшихъ, такъ и низшихъ, они берутъ перевѣсъ надъ духовными. Слѣдствіемъ этого является то, что церковное управленіе сосредоточивается въ рукахъ общества при посредствѣ старѣйшинъ, выборныхъ отъ общества. Впрочемъ представители духовныхъ должностей имѣютъ по этому устройству большее значеніе, чѣмъ у Цвингли. Кромѣ того, что они со-

¹⁾ Stahl. Die Lutherische Kirche und Union. S. 255 etc.

вмѣстѣ занимаютъ въ пресвитеріумахъ и сѣнодахъ съ старѣйшинами, они являются и предсѣдательствующими въ этихъ учрежденіяхъ, что указываетъ на ихъ болѣе почетное положеніе въ обществѣ и управленіи ¹⁾.

Таково въ общихъ чертахъ протестантское ученіе о церковной іерархіи и ея правахъ и обязанностяхъ. Сравнивая это ученіе съ ученіемъ древней церкви о томъ-же предметѣ, нельзя не замѣтить, что если въ протестанствѣ и осталось нѣчто такое, что-бы напоминало собою объ апостольскихъ временахъ, то это оставшееся можетъ заключать въ себѣ только внѣшнее и случайное сходство съ временами древней Церкви. О всеобщемъ священствѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ поняли его реформаторы, первенствующая Церковь ничего не знала и слишкомъ была далека отъ того, чтобы смотрѣть на пастырей только какъ на *уполномоченныхъ* стада, которымъ послѣднее передаетъ только собственноручно церковную власть, перенося ее съ цѣлаго общества на отдѣльныя лица. Церковь всегда учила о своемъ устройствѣ, что не отъ несовершенства исходитъ совершенство, а наоборотъ, совершенство возводитъ къ себѣ несовершенство. Поэтому полнота церковныхъ правъ всегда пребываетъ на вершинѣ іерархіи и посвященіе снизу отъ лицъ, не имѣющихъ полноты церковныхъ правъ, есть нарушеніе самыхъ ясныхъ новозавѣтныхъ заповѣдей и совершенное извращеніе порядка, учрежденнаго Христомъ и апостолами. Правда, протестантство, измѣнивъ церковное благочиніе и предоставивъ низшему благословлять высшаго, имѣло для себя примѣръ въ практикѣ римской церкви, въ посвященіи епископами, не имѣющими существеннаго и таинственнаго признака непогрѣшимости, папы—непогрѣшимаго. Правда такъ-же, что носители іерархической власти пренебрегали своими священными обязанностями въ католичествѣ и злоупотребляли своими правами, но было-ли единственнымъ исходомъ отсюда отверженіе іерархіи и обращеніе къ всеобщему священству? Случалось въ разныя времена церкви, что представители высшей церковной власти пользовались ею не въ духѣ Христовомъ, даже епископы

¹⁾ Ibid. S. 259—260.

впадали въ арианство, но обращались-ли вслѣдствіе этого вѣрующіе къ всеобщему священству и уничтожали-ли церковную іерархію? Отнюдь нѣтъ. Всеобщее священство не можетъ восполнить той утраты, какую понесло протестантство чрезъ уничтоженіе церковной іерархіи. По уничтоженіи ея протестантизмъ не имѣетъ болѣе никакого дѣйствительнаго священства, власть вязать и рѣшить и совершать евхаристію, чрезъ которую вѣрующій таинственнымъ образомъ соединяется со Христомъ и можетъ наследовать жизнь вѣчную, равно какъ и другія таинства, у него потеряны, короче,—у него исчезла Церковь въ обществѣ. По своимъ практическимъ слѣдствіямъ это ученіе, по свидѣтельству Деллингера, привело къ тому, что церковная дисциплина и вліяніе пастора на общину стали невозможны. Исповѣди давно уже нѣтъ; остается только дѣйствовать отлученіемъ отъ общины и лишеніемъ погребенія. Но это средство опасно употреблять, потому что уваженіе и къ таинству ослабѣло. Во многихъ мѣстахъ Пруссіи давно уже похороны отправляются безъ участія пастора ¹⁾. Съ другой стороны, это ученіе способствовало и тому внутреннему разложенію протестантизма, какое можно наблюдать въ продолженіи всей исторіи отъ появленія реформациі до настоящихъ дней. По сознанію самихъ протестантовъ современная церковная жизнь въ центрѣ протестантизма—Германіи представляетъ съ внѣшней стороны картину такого раздѣленія партій, какое едва-ли было съ самыхъ дней реформациі (Шенкель). А въ первыя времена реформациі это раздѣленіе партій достигло невѣроятно—громадныхъ размѣровъ. Стафилъ, Путеолъ и другіе писатели насчитываютъ 270 сектъ, явившихся съ 1517 по 1595 г., т. е. въ нѣдрахъ реформациі менѣе, чѣмъ въ столѣтіе явилось столько-же сектъ, сколько въ христіанствѣ въ продолженіе XV-ти вѣковъ ²⁾ Причина этого явленія весьма понятна. Основывая свое религіозное сознаніе на субъективномъ убѣжденіи, которое можетъ колебаться и въ мірянахъ и въ пастыряхъ, протестанты не имѣютъ основаній прибѣгать къ церкви съ полнымъ довѣріемъ и

¹⁾ См. „Прав. Обозр.“ 1862 г. февр. стр. 70, Замѣтки о соч. Döllinger's Kirche und Kirchen etc. 1861.

²⁾ *Иннокентій*. Обличит. Богословіе. т. IV, 538 стр.

считать авторитетъ пастырей подтвержденіемъ своей вѣры и своего знанія ¹⁾). Руководясь своимъ индивидуальнымъ разумѣніемъ Библии, каждый составляетъ себѣ свое исповѣданіе вѣры, какое соотвѣтствуетъ его собственнымъ субъективнымъ убѣжденіямъ.

Неудовлетворительность началъ, положенныхъ Лютеромъ и его послѣдователями въ основу реформациі и ихъ печальныя практическія послѣдствія живо чувствуются и самими протестантами, которые уже давно уклонились отъ основнаго догмата объ оправдывающей вѣрѣ и давно сбросили съ себя его авторитета символическихъ книгъ. Не остается безъ вліянія это и на ученіе о церковной іерархіи. Находятся богословы, которые обнаруживаютъ склонность къ признанію богоучрежденности іерархіи и отказываются отъ передачи правъ общества духовнымъ должностямъ. Такъ Вильгельмъ Момма, напримѣръ, признаетъ, что „учрежденіе пастырей, учителей, пресвитеровъ, епископовъ, діаконъ“ не есть только мысль апостоловъ, но „распоряженіе и повелѣніе“ І. Христа ²⁾). Точно также Салмазій утверждаетъ, что Христосъ поставилъ епископовъ, хотя и не лично, а чрезъ апостоловъ ³⁾). Подобнымъ же образомъ рассуждаетъ лютеранинъ Роте. Говоря о началѣ христіанской церкви и ея учрежденіяхъ, онъ старается доказать, что епископ-

---

1) Въ 1873 году въ средѣ протестантскихъ пасторовъ былъ именно такой случай, вполне оправдывающій недовѣріе пасомыхъ къ пастору. Одинъ изъ *либеральныхъ* священниковъ въ Берлинѣ, д-ръ Сидо (Sydow) издалъ свое сочиненіе, въ которомъ доказывалъ, что *І. Христосъ былъ законнымъ сыномъ Іосифа и Маріи*. Произведенное по этому поводу судебное слѣдствіе обнаружило, что онъ не вѣруетъ въ основныя истины христіанской религіи. Удаленный за это Консисторіею отъ должности, онъ апеллировалъ къ Верховному церковному суду. Двѣнадцать пасторовъ изъ Берлина и окрестностей немедленно отправили въ Верховный судъ прошеніе объ отмѣнѣ приговора. Они заявили при этомъ, что признаютъ тѣ же самыя религіозныя начала, какъ и д-ръ Сидо. Въ то же время д-ръ Сидо получаетъ многочисленныя заявленія симпатіи отъ своихъ товарищей и, наконецъ, является приговоръ Верховнаго суда, которымъ отмѣняется рѣшеніе консисторіи и пасторъ, отвергающій божество І. Христа, возстанавливается въ должности. Спрашивается, могутъ-ли послѣ этого вѣрующіе считать авторитетнымъ для себя голосъ пастора?

²⁾ См. Пр. Соб. 1868 г. II ч. стр. 14 ст. „О происхожденіи іерархіи“.

³⁾ Ibid стр. 15.

ство есть учрежденіе апостольское ¹⁾. О богоучрежденности іерархіи и ея восхожденіи, чрезъ непрерывное преемство пастырей, къ апостоламъ и божественному Основателю христіанства заявляетъ и вышеупомянутый Шталь, одинъ изъ видныхъ представителей такъ называемыхъ новыхъ лютеранъ. Къ правамъ духовной должности онъ относитъ не только служеніе слову, но и управленіе въ церкви, считая то и другое различными сторонами одной и той-же должности, и невозможными одной безъ другой. Впрочемъ, значеніе этого признанія Шталя, приближающаго его къ ученію православной церкви, ослабляется въ весьма значительной степени тѣмъ, что онъ не отказывается и отъ ученія о всеобщемъ священствѣ, признавая, что вслѣдствіе полномочій, данныхъ всѣмъ христіанамъ свыше, каждый въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ имѣетъ право совершить то, что въ обыкновенныхъ случаяхъ принадлежитъ священникамъ. Богоучрежденности всѣхъ степеней священства онъ такъ же не признаетъ ²⁾. Но даже и такія признанія нельзя назвать особенно распространенными. Мысль о передачѣ обществомъ правъ священства отдѣльнымъ лицамъ не исчезла совершенно. Свѣтила протестантской науки — Höffling и Richter въ недавнее время выставили эту мысль даже еще въ болѣе рѣзкой формѣ, тѣмъ было въ первыя времена реформациі. Право распоряженія средствами благодати, заявляетъ Höffling, дано духовнымъ не отъ Бога, но люди имъ предоставили это право по „всеобщему нравственному закону порядка“. Непосредственно-же это право дано и принадлежитъ церкви, или обществу. Такимъ образомъ, должность хотя и „пользуется имъ отъ имени Бога, но производнымъ, или отвлеченнымъ (abgeleiteter) образомъ и вмѣсто церкви“ (Richter) ³⁾

И. Малиновскій.

¹⁾ Ibid стр. 15—16.

²⁾ Die Luther. Kirche und Union. S. 276—284. Въ актѣ посвященія въ духовную должность Шталь признаетъ значеніе благословенія и уполномочія совершать то, что предоставлено должности и упрекаетъ Лютера за то, что онъ лишилъ должность характера сакраментальности, чрезъ что разрушалась связь съ Основателемъ церкви (стр. 277).

³⁾ Ibid. стр. 266—267.

МЕТАФИЗИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ ЭМПИРИЧЕСКАГО ПОЗНАНІЯ.

(Продолженіе *).

II.

Анализъ чувственнаго представленія, какъ основной и первоначальной формы эмпирическаго познанія, привелъ насъ къ убѣжденію въ несостоятельности онтологическаго принципа матеріализма, такъ какъ ясно показалъ намъ, что въ томъ самомъ, что обыкновенное сознаніе и, такъ называемый, наивный матеріализмъ почитаетъ объективнымъ и принадлежащимъ къ внѣ насъ существующимъ вещамъ, находится нематеріальный элементъ. Дальнѣйшій анализъ постигаемой внѣшнимъ и внутреннимъ чувствомъ дѣйствительности несомнѣнно показалъ намъ, что, кромѣ такъ называемаго матеріальнаго бытія, мы должны признать существованіе инаго рода бытія по своимъ свойствамъ противоположнаго первому, которое мы называемъ духовнымъ

Но тотъ-же самый анализъ чувственнаго представленія, по видимому, ведетъ насъ гораздо далѣе простаго опроверженія матеріалистическаго понятія о сущности бытія и утвержденія истины бытія духовнаго на ряду и наравнѣ съ вещественнымъ. Если мы вспомнимъ, что въ послѣдовательномъ движеніи философской мысли, критически разлагающей понятіе о чувственной дѣйствительности, мало-по-малу исчезала объективность не только физическихъ свойствъ вещей, напр. цвѣта,

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 4.

запаха, вкуса и пр., но и самыхъ, повидимому, всеобщихъ и необходимыхъ ея опредѣлений чувственнаго бытія, каковы напр величина, движеніе, пространство, время,—то невольно возникаетъ вопросъ, что же наконецъ осталось отъ; такъ называемаго, матеріальнаго, внѣшняго міра и не исчезъ-ли онъ самъ, какъ реальность, за исчезновеніемъ всѣхъ своихъ свойствъ? Если вспомнимъ далѣе, что за исчезновеніемъ міра какъ реального объекта, въ насъ однако же осталось субъективное представленіе о мірѣ, принадлежащее нашему я, что это наше я принадлежитъ къ области бытія нематеріальнаго, духовнаго, которое такимъ образомъ одно удержало свою самостоятельность при разрушеніи иллюзіи самостоятельно сущаго матеріальнаго міра, то спрашивается: не есть-ли это духовное бытіе единственно сущее и реальное бытіе, а такъ называемое чувственное бытіе простой его феноменъ?

Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ и даетъ противоположное матеріализму воззрѣніе, извѣстное подъ общимъ именемъ *идеализма*, ученіе котораго о внѣшнемъ, чувственномъ бытіи и подлежитъ теперь нашему изслѣдованію.

Тогда какъ матеріализмъ въ существенныхъ чертахъ представляетъ довольно однородное ученіе во всѣ времена, идеализмъ въ исторіи философіи является съ чрезвычайно разнообразными оттѣнками, которые однакоже, по отношенію къ ученію о чувственномъ бытіи, удобно могутъ быть подведены подъ два главныхъ типа: идеализмъ объективный и субъективный. Какъ тотъ, такъ и другой, одинаково отрицаютъ самостоятельное и независимое отъ нашего познающаго я существованіе *представляемаго* нами, на основаніи показаній нашихъ чувствъ, вещественнаго міра. Различіе между ними состоитъ только въ объясненіи происхожденія этого представляемаго нами міра. Объективный идеализмъ считаетъ его исключительнымъ произведеніемъ какой-либо духовной сущности, будетъ-ли этою сущностью наше я или абсолютная духовная субстанція. Идеализмъ субъективный, для объясненія происхожденія въ насъ субъективнаго феномена внѣшняго міра, кромѣ нашего я считаетъ возможнымъ допустить бытіе реального, внѣ насъ существующаго объекта, но утверждаетъ въ то же время, что этотъ объ-

ектъ въ своей дѣйствительной сущности совершенно намъ неизвѣстенъ и недоступенъ нашему познанію; извѣстно о немъ только то, что онъ служитъ поводомъ или мотивомъ къ возникновенію въ насъ различныхъ субъективныхъ представленій о вещахъ, которыя въ сущности нисколько не совпадаютъ съ дѣйствительными вещами и не даютъ никакого понятія о нихъ. Но такъ какъ объ этомъ предполагаемомъ реальномъ объектѣ мы ничего не знаемъ, а то, что, повидимому, знаемъ, есть только наше представленіе, то въ сущности вззрѣнія на внѣшній міръ какъ субъективнаго, такъ и объективнаго идеализма, сходятся: міръ намъ извѣстный есть наше только представленіе и какъ реальное и самостоятельное бытіе не существуетъ.

1. Исторія философіи представляетъ намъ различныя формы объективнаго идеализма. Общее между ними—отрицаніе истиннаго бытія внѣшней, чувствами постигаемой, конкретной дѣйствительности. Истинное бытіе полагается въ бытіи единомъ, простомъ, духовномъ. Это единое бытіе носитъ различныя названія у различныхъ философовъ идеалистическаго направленія. Это „бытіе“ Елеатовъ, абсолютная субстанція Спинозы, Божество Берклея, абсолютное я Фихте, абсолютная идея Гегеля и пр. По отношенію къ этому истинно сущему бытію внѣшняя, чувственная дѣйствительность есть не что иное, какъ отрицаніе, ограниченіе, видоизмѣненіе или иначе—бытіе абсолютнаго начала. Такъ она есть призрачное произведеніе божественной воли у Берклея, самоограниченіе абсолютнаго я у Фихте, моментъ саморазвитія абсолютной идеи у Гегеля и пр. Истинно существуетъ для идеализма одво—абсолютное; чувственно-множественное бытіе, будетъ-ли оно отрицаніемъ абсолютнаго, созданіемъ его или переходнымъ моментомъ въ его-же собственномъ бытіи, уничтожаемымъ послѣдующими, во всякомъ случаѣ не имѣетъ самостоятельнаго отдѣльнаго бытія.

Въ какомъ отношеніи находится все вообще чувственное бытіе къ бытію абсолютному, въ такомъ-же отношеніи и наше въ частности представляемое чувственное бытіе находится къ нашему я, которое составляетъ моментъ въ я абсолютномъ. Чувственный міръ мною представляемый есть не что иное, по

выраженію Фихте, какъ полагаемое дѣятельностію моего я, — не я, видоизмѣненіе, инакобытіе или ограниченіе моего я.

Какъ ни противорѣчатъ такое возрѣніе на чувственную дѣйствительность общему сознанию, но надобно отдать справедливость идеализму въ томъ, что онъ исходитъ не изъ какихъ-либо недоказанныхъ предположеній, но, какъ требуетъ правильный философскій методъ, изъ положеній критически провѣренныхъ и раціонально обоснованныхъ, — и въ этомъ его несомнѣнное преимущество предъ матеріализмомъ. Это исходное его начало есть та критика непосредственнаго эмпирическаго познанія, главные факты которой мы изложили выше и общій результатъ которой заключается въ томъ, что видимый міръ для нашего познанія существуетъ только, какъ представленіе, слѣдовательно — какъ нѣчто духовное, идеальное. Этого результата въ сущности не отвергаетъ и матеріализмъ, по крайней мѣрѣ научный матеріализмъ, имѣющій притязаніе возвышаться надъ, такъ называемымъ, вульгарнымъ или наивнымъ матеріализмомъ. Но тогда какъ онъ или игнорируетъ всю важность и силу этого вывода или продолжаетъ вопреки ему упорно держаться своего возрѣнія на абсолютную реальность вещественнаго бытія и абсолютную истину чувственнаго познанія, идеализмъ имѣетъ по крайней мѣрѣ то преимущество, что, твердо держась указавій критическаго анализа чувственной дѣйствительности, не только не признаетъ ея абсолютной реальности, но справедливо считаетъ бытіе вашего духа, который служитъ источникомъ нашего представленія о мірѣ, болѣе достовернымъ, чѣмъ предполагаемое бытіе вещества у материалистовъ; потому что, какъ мы видѣли, не только представленіе о чувственныхъ свойствахъ вещей, но и самое понятіе о матеріи въ сущности есть произведеніе нашего познающаго духа. Но такъ какъ за исключеніемъ изъ области внѣ насъ сущаго бытія не только его чувственныхъ свойствъ, но и самой матеріи, какъ носительницы этихъ свойствъ, въ немъ, повидимому, не остается ничего мыслимаго и представляемаго, то естественно возникаетъ вопросъ: существуетъ-ли вообще что-либо внѣ насъ и не есть-ли представленіе объ этомъ внѣ насъ сущемъ бытіи *только* субъективное наше произведеніе и ничего болѣе?

На утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, повидимому, уполномачиваетъ насъ анализъ чувственнаго познанія и неудивительно поэтому, что этотъ анализъ въ той или другой формѣ всегда служилъ самою надежною опорою идеализма, неотразимымъ, на первый взглядъ, отрицательнымъ доказательствомъ въ его пользу.

Но слишкомъ рѣзкое противорѣчіе, въ какое вступаетъ здѣсь объективный идеализмъ съ нашимъ сознаниемъ, отрицая реальность чувственнаго міра, заставляетъ насъ въ то же время усумниться, правильно-ли и не слишкомъ-ли поспѣшно изъ фактовъ критическаго анализа чувственнаго представленія о вѣншемъ мірѣ выведено заключеніе о его нереальности.

Мы не станемъ здѣсь входить въ мелочной разборъ частныхъ фактовъ этого анализа съ цѣлью разяснить, дѣйствительно-ли *всѣ* они имѣютъ тотъ разрушительный для объективности чувственнаго бытія смыслъ, какой приписываетъ имъ идеализмъ *). Положимъ, что всѣ чувственные объекты или, правильнѣе сказать, всѣ чувственные представленія, заключающіяся въ нашемъ сознаниі, при внимательномъ философскомъ анализѣ ихъ, разрѣшаются въ рядъ мимолетныхъ, неустойчивыхъ образовъ, которымъ нашъ разумъ не можетъ приписать никакой реальности. Слѣдуетъ - ли отсюда, чтобы эти образы были произведеніемъ *только* моего я? Положимъ, такъ называемый чувственный міръ есть не болѣе, какъ миражъ, не представляющій ничего существеннаго; слѣдуетъ-ли, что этотъ миражъ, есть созданіе *только* моей познающей силы? Анализъ чувственнаго представленія говоритъ лишь о качествѣ этого представленія, но ничего не говоритъ еще о производящей его причинѣ. Миражъ чувственнаго міра можетъ быть столько-же миражемъ *моего* сознанія, сколько миражемъ, производимымъ

---

*) Мы имѣемъ здѣсь въ виду особенно діалектическую полемику противъ конкретнаго бытія Гегеля, которая, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вѣрныхъ замѣчаній, представляетъ нѣсколько софистическій отгънозь. Его указанія на относительность понятій опредѣленнаго мѣста и времени говорятъ только объ относительности этихъ понятій, но не доказываютъ несостоятельности понятій времени, мѣста, величины вообще. Впрочемъ, мы будемъ имѣть случай возвратиться къ этому предмету впоследствии.

въ моемъ сознаниі вѣкоторымъ реальнымъ, внѣ меня сущимъ бытіемъ и, наконецъ, результатомъ взаимодействія того и другаго. Для того, чтобы утверждать одну изъ этихъ возможностей, для того, чтобы сказать положительно, что эти образы, представленія о внѣшнемъ мірѣ суть феномены только моего я, нужны другія какія-либо положительныя доказательства. Доказательства отрицательныя, основанныя на одной критикѣ эмпирическаго познанія, сами по себѣ не ведутъ никуда дальѣе кромѣ доказательства несостоятельности грубаго, обыденнаго реализма; то-есть, анализъ чувственнаго познанія показываетъ только то, что *представляемые* нами чувственные объекты не вполнѣ соотвѣтствуютъ *дѣйствительнымъ* объектамъ, каковы они должны быть сами по себѣ, независимо отъ представляющаго ихъ субъекта, что мы должны отличать представленіе о вещи и вещь саму по себѣ. Выводить-же отсюда дальнѣйшее заключеніе, что эти вещи сами по себѣ и не существуютъ внѣ познающаго субъекта, что они суть феномены его, какъ дѣлаетъ идеализмъ, — значитъ, вопреки логикѣ, выводить въ слѣдствіи больше, чѣмъ дано въ посылкѣ.

Столь-же несостоятельно и другое, также отрицательное доказательство въ пользу идеализма, выставленное Берклеемъ. Это доказательство имѣетъ въ виду невозможность объяснить наше чувственное познаніе при предположеніи отдѣльнаго отъ насъ и отличнаго по существу матеріальнаго міра. При такомъ предположеніи это познаніе мыслимо только подъ условіемъ воздѣйствія на нашъ духъ внѣшнихъ, матеріальныхъ предметовъ. Но возможно-ли такое воздѣйствіе? Нѣтъ, отвѣчаетъ Берклеей. Каждое дѣйствіе предполагаетъ однородность между предметомъ производящимъ дѣйствіе и предметомъ его воспринимающимъ. Но такой однородности здѣсь, очевидно, быть не можетъ. Какъ протяженное и матеріальное бытіе (какимъ мы мыслимъ внѣшній міръ) можетъ дѣйствовать на совершенно нематеріальное и чуждое всякаго пространственнаго протяженія существо, какъ нашъ духъ? Для этого они слишкомъ разнородны. Ни одна вещь не можетъ дать другой того, чего сама не имѣетъ; слѣдовательно, и матеріальный міръ, который самъ по себѣ не способенъ ни къ какимъ представленіямъ, не можетъ произвести

и въ человѣческомъ духѣ представленій. Отсюда слѣдуетъ, что вообще не существуетъ никакого матеріальнаго міра, но только души, а всѣ такъ называемыя представленія о внѣшнемъ мірѣ суть только образы духовныя, производимыя дѣйствіями всемогущества Божія на нашъ духъ.

Не трудно замѣтить, что и въ этой аргументаціи въ пользу идеализма въ заключеніи выводится больше, чѣмъ сколько дано въ посылкахъ. Основа ея та, что противоположныя субстанціи не могутъ дѣйствовать другъ на друга и что поэтому, при предположеніи отличнаго отъ насъ внѣшняго міра, нельзя объяснить себѣ познаніе о немъ. Но доказалъ-ли идеализмъ предварительно истину этого основнаго своего положенія? Почему противоположныя субстанціи не могутъ дѣйствовать одна на другую? Единственный отвѣтъ здѣсь можетъ быть только тотъ, что такое дѣйствіе непонятно, необъяснимо для насъ. Но необъяснимость извѣстнаго явленія не можетъ служить поводомъ къ отрицанію его, какъ скоро самый фактъ засвидѣтельствованъ опытомъ и сознаніемъ, утверждающимъ отличіе отъ нашего я міра внѣшняго и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ взаимодѣйствія. Не менѣе необъяснимо и дѣйствіе двухъ однородныхъ субстанцій одна на другую (что доказалъ Лейбницъ), напр. нашей души на душу другаго, но тѣмъ не менѣе мы допускаемъ его и не отрицаемъ въ силу этого существованія другихъ лицъ.

Важнѣе всего для насъ здѣсь то, что признавая необъяснимость, а отсюда невозможность взаимодѣйствія противоположныхъ субстанцій и отрицая на этомъ основаніи самостоятельное бытіе внѣшняго міра, Берклей допускаетъ въ то-же время возможность дѣйствія Божества на нашъ духъ. Правда, возможность этого дѣйствія объясняется, повидимому, тѣмъ, что Богъ и нашъ духъ принадлежатъ оба къ области духовнаго бытія и въ этомъ отношеніи представляютъ нѣчто однородное и способное къ взаимодѣйствію. Но это только повидимому. Берклей вовсе не принадлежитъ къ сторонникамъ абсолютнаго идеализма, отождествляющимъ и сливающимъ безконечное съ конечнымъ, не считаетъ послѣднее простою модификаціею перваго. Божество имѣетъ у него самостоятельное бытіе, точно также, какъ имѣютъ такое же бытіе конечныя духовныя субстанціи. Но въ

такомъ случаѣ Бога, какъ существо абсолютное и по бытію и по совершенствамъ, не смотря на его духовность, мы должны будемъ представлять существомъ субстанціально противоположнымъ нашему ограниченному я, настолько противоположнымъ, насколько вообще можетъ быть противоположно конечное и бесконечное, несовершенное и всесовершенное. Тѣмъ не менѣе это не служить для него препятствіемъ допускать возможность воздѣйствія Божества на нашъ духъ, вызывающаго образы внѣшняго міра. Если-же Берклей скажетъ, что однако-же здѣсь, не смотря на противоположность, между Богомъ и человѣкомъ есть нѣчто общее, — именно духовность, что и обуславливаетъ возможность ихъ взаимодействія, то мы скажемъ, что и между допускаемымъ нами физическимъ міромъ и духомъ человѣка также можетъ быть нѣчто общее, не смотря на разность ихъ по существу. Возможность этого общаго предполагается уже тѣмъ однимъ, что наше духовное бытіе и бытіе физическое одинаково подпадаютъ подъ понятіе бытія *ограниченнаго* и что въ этомъ отношеніи они представляются болѣе однородными, чѣмъ наше я и абсолютное неограниченное существо — Богъ. Въ формахъ и законахъ этой ограниченности (пространство и время) мы удобно можемъ найти ту связь между нашимъ я и внѣшнимъ міромъ, которая объяснитъ ихъ взаимодействие.

Но предположимъ даже вѣрнымъ общее положеніе идеалистовъ, что двѣ существенно разнородныя субстанціи не могутъ дѣйствовать одна на другую. Что отсюда ближайшимъ образомъ будетъ слѣдовать по отношенію къ занимающему насъ вопросу? Въ виду факта дѣйствія на насъ внѣшнихъ объектовъ и нашего воздѣйствія на нихъ, будетъ слѣдовать только то, что эти объекты, что вообще, такъ называемый, матеріальный міръ не такъ разнороденъ съ нашимъ духомъ по существу, какъ это намъ представляется и какъ то утверждали философы, проводившіе рѣзкую грань между природою и духомъ, на примѣръ Декартъ. Очень можетъ быть, что между міромъ духовнымъ и матеріальнымъ есть болѣе тѣсная внутренняя связь, чѣмъ объединяющія ихъ формы пространства и времени, — связь, которая и дѣлаетъ возможнымъ ихъ взаимодействие. Можетъ быть, что между тѣмъ и другимъ міромъ вовсе нѣтъ субстан-

ціальной противоположности, что въ основѣ обоихъ лежитъ одно и то-же бытіе, различаясь въ различныхъ существахъ только качествами и степенями совершенства. Къ такому возрѣнію пришли, какъ извѣстно, Лейбницъ и Гербартъ, признававшіе основою всего бытія первый—монады, второй—простыя реальности. Вѣрны-ли ихъ возрѣнія на сущность бытія, это вопросъ для насъ въ настоящемъ случаѣ сторонній. Дѣло въ томъ, что для устраненія затрудненія, возникающаго будто-бы отъ признанія двухъ противоположныхъ субстанцій—духа и матеріи, при объясненіи нашего познанія, нѣтъ никакой нужды жертвовать самостоятельностью внѣшнихъ предметовъ и внѣшняго міра вообще. Для разрѣшенія этого затрудненія возможенъ и другой выходъ,—именно тотъ, на который указали Лейбницъ и Гербартъ.

Наконецъ, нужно замѣтить и то, что указаніе на невозможность объяснить нами познаніе о чувственномъ мірѣ при признаніи противоположности между духовною и матеріальною субстанціями (частіе между я и не я) и на необходимость въ слѣдствіе этого признать только одну духовную субстанцію,—указаніе, которымъ такъ охотно пользуется идеализмъ, есть въ сущности оружіе обоюдоострое, которое легко можетъ быть обращено и противъ него самого. Именно, имъ можетъ воспользоваться материализмъ въ свою пользу. Признаніе духа и матеріи, говоритъ идеалистъ, ведетъ къ противорѣчію; такого противорѣчія не будетъ, если мы допустимъ только одну субстанцію, духовную, а міръ, *кажущійся* матеріальнымъ, будемъ считать видоизмѣненіемъ этой субстанціи. Но почему-же именно духовную, скажетъ материалистъ? Такое противорѣчіе устранится точно также и тогда, если мы будемъ признавать и одну матеріальную субстанцію, а явленія, *кажущіяся* духовными, будемъ считать ея видоизмѣненіемъ. Съ вѣрностію этого замѣчанія, повидимому, нельзя не согласиться,—и материализмъ съ указанной нами точки зрѣнія имѣетъ такое-же право на существованіе, какъ и идеализмъ. Правда, идеализмъ здѣсь въ свою пользу указываетъ на то, что матерія и вообще матеріальный міръ самъ по себѣ не можетъ имѣть представленій и, слѣдовательно, не можетъ дать или возбудить въ нашей душѣ того,

чего самъ не имѣетъ; существованіе представленій именно и показываетъ, что общая основа бытія есть духъ, а не матерія. Но здѣсь очевидно предполагается уже то, что еще требуется доказать, то-есть, что матерія не можетъ имѣть или создать представленій, вообще феноменовъ духовнаго бытія. На это матеріализмъ вправѣ сказать, что это не болѣе, какъ предразсудокъ; онъ укажетъ на факты зависимости представленій отъ воздѣйствія матеріальнаго міра. Если-же ему будутъ выставять коренной фактъ нашего сознанія, отличающаго психическіе феномены отъ матеріальныхъ вещей и противоположающаго ихъ, то онъ вправѣ отвѣтитъ также, какъ отвѣчаетъ идеализмъ, когда ему указываютъ на тотъ-же самый фактъ, какъ на доказательство отличія матеріальнаго отъ духовнаго: эта утверждаемая нашимъ сознаніемъ противоположность есть только кажущаяся, а не дѣйствительная; она есть субъективное, не заслуживающее довѣрія представленіе; на самомъ-же дѣлѣ, все одно,—матерія, съ ея различными модификаціями.

Въ отрицаніи этого кореннаго, всеобщаго и, какъ мы видѣли, не подлежащаго сомнѣнію *) свидѣтельства нашего сознанія о различіи нашего я и не я, міра духовнаго и называемаго нами матеріальнымъ, и состоитъ главный общій недостатокъ какъ матеріализма, такъ и идеализма. Но рѣшаясь на столь важный шагъ, какъ матеріализмъ, такъ и идеализмъ, не ограничиваясь косвенными доказательствами (которыя для идеализма, какъ мы сейчасъ видѣли, не имѣютъ доказательной силы), должны намъ рачительно объяснить и вывести призрачное существованіе отрицаемой ими реальности, первый—духовнаго, второй—чувственнаго бытія изъ ихъ собственныхъ принциповъ; они должны показать, что утверждаемая нашимъ сознаніемъ противоположность есть мнимая и вполне объяснимая при предположеніи одного начала бытія. Мы видѣли, что матеріализмъ въ этомъ отношеніи оказался вполне несостоятельнымъ, будучи не въ состояніи объяснить феномены духовнаго бытія изъ матеріи. Теперь посмотримъ, болѣе-ли удастся сдѣлать это объединеніе обоихъ ви-

*) Объ основныхъ началахъ философскаго познанія. „Вѣра и Разумъ“ за 1885 г. февраль, кн. 1. стр. 102—106.

довъ сущаго идеализму, съ своей точки зрѣнія. Можно-ли объяснить сколько-нибудь удовлетворительно возникновеніа въ нашемъ сознаніи я и не я, міра духовнаго и матеріальнаго? А такъ какъ наше конечное я и само есть бытіе конкретное и въ сущности есть только феноменъ бытіа единой абсолютной субстанціи, какъ-бы мы ее ни называли, то идеализмъ долженъ объяснить намъ, почему эта единая субстанція, вопреки, повидимому, своей природѣ, является намъ, какъ бытіе на себя не похожее, — множественное, ограниченное? Почему абсолютно духовная сущность не только полагаетъ себя, какъ бытіе духовное, но и противоположаетъ себѣ не я въ формѣ бытіа недуховнаго, чувственнаго?

На этотъ капитальной важности для идеализма вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ все право его на существованіе, онъ даетъ отвѣты, неудовлетворительность которыхъ указать не трудно.

Самое полное и послѣдовательное выраженіе идеализма въ древнемъ мірѣ мы находимъ въ индійской философіи *). Въ сущности есть только одно абсолютно духовное бытіе — Брама. „Все есть Брама и Брама бываетъ всѣмъ; какъ тысячами выходятъ искры изъ раскаленнаго желѣза, когда по нему ударяютъ молотомъ, такъ исходятъ всѣ существа изъ неизмѣннаго Брами и опять въ него же возвращаются и въ немъ исчезаютъ“. Но что за причина этого раскрытія Брами въ мірѣ множественности и конечности, этого выступленія абсолютнаго изъ себя самого? Индійская философія дала нѣсколько рѣшеній этого вопроса, но смыслъ ихъ одинъ и тотъ же: явленіе дѣйствительнаго міра въ абсолютно духовномъ бытіи есть нѣчто случайное и ложное; возникновеніе разнообразія бытіа,

---

*) Идеализмъ греческихъ философовъ не можетъ быть названъ полнымъ и вполне послѣдовательнымъ. Такъ у Елеатовъ, вопреки ихъ идеалистическому принципу, не совершенно устранена реальность внѣшняго міра, такъ какъ и у нихъ существуетъ не связанная съ общимъ принципомъ космологіи, которая относится къ ихъ ученію о бытіи какъ людское мнѣніе къ истинѣ. У Платона, который считается также представителемъ древняго идеализма, не исчезаетъ представленіе о самобытной матеріи, хотя онъ и старается утончить понятіе ея до $\mu\eta\ \delta\upsilon\ \nu$; но это не сущее есть только относительно не сущее и не одно и то же, что не существующее.

происхожденіе міра чувственныхъ вещей есть внесеніе тѣни въ первобытный чистый свѣтъ и возмущеніе его чистоты. Міръ явился отъ того, что въ Брамѣ возникало недостойное его *вождедѣльнiе* выйти изъ себя самого, оставить свое истинное состояніе и перейти въ другое, не истинное, — вождедѣльнiе, котораго стыдится Брама также, какъ человѣкъ стыдится своего грѣховнаго вождедѣльнiя. Это вождедѣльнiе есть ложное состояніе, самообольщеніе Брамы, стносящееся къ его истинной природѣ также, какъ у насъ тяжелый и исполненный грезъ сонъ къ бодрствованію. Отсюда новое представленіе о мірѣ явленій, какъ о *сновидѣнiи* Божества, — сновидѣнiи, не имѣющемъ никакой истины и самостоятельности: бытіе этого міра также относится къ бытію истинному, какъ грезы и сны человѣка къ дѣйствительности; такое состояніе самообольщенія и сна Брамы есть состояніе обманчивое, призрачное, *Майя*. Выражаемую этимъ понятіемъ мысль о призрачности бытія дѣйствительнаго индiйская философія старается уяснить себѣ и при помощи другихъ мистическихъ представленій. Такъ, происхожденіе дѣйствительнаго міра она называетъ *самоотреченiемъ, жертвою* Брамы, потому что, раздробляя себя черезъ переходъ изъ яснаго и блаженнаго единства въ темную множественность предметнаго бытія, онъ какъ-бы отрекается отъ себя, жертвуетъ собою. Въ томъ-же смыслѣ процессъ происхожденія міра изъ Брамы называется иногда аскетическимъ его *подвигомъ* (Тапасъ), мученіемъ и самоистязаніемъ Брамы. Мученіе, которое испытываетъ мысль, когда, исходя изъ понятія частнаго единства бытія, хочетъ постигнуть множественность вещей, или наоборотъ, исполненная представленій о частныхъ предметахъ хочетъ совершенно забыть ихъ и, отрѣшившись отъ нихъ, созерцать чистое, безразличное бытіе, есть нѣкоторое подобіе того мученія, какое испытываетъ Брама, раскрываясь въ міръ.

Несостоятельность этихъ попытокъ древняго идеализма объяснить сущность и происхожденіе конкретнаго бытія обличается уже тѣмъ однимъ, что въ нихъ онъ вмѣсто опредѣленныхъ понятій и доказательствъ даетъ намъ только сравненія и образныя представленія, очевидно не примѣнимыя въ ихъ подлинномъ смыслѣ къ бытію абсолютному. Мы не стали-бы и

упоминать объ нихъ, если-бы лежащая въ основѣ ихъ идея не возродилась въ той формѣ новѣйшаго идеализма, какую принялъ онъ въ философіи Гартмана. Между міросозерцаніемъ этого философа, равно какъ и его учителя Шопенгауера, и индійскою философіею не напрасно находятъ замѣчательныя черты сходства. Это сходство выражается и въ объясненіи причинъ происхожденія міра явленій изъ абсолютнаго. Коренная причина происхожденія міроваго бытія и у нихъ заключается въ томъ моментѣ абсолютнаго бытія, который они называютъ волею,—въ непонятномъ, бессознательномъ „томленіи“ воли, въ стремленіи ея къ бытію внѣшнему. Какъ у индійскихъ философовъ пожеланіе или вожделѣніе Браммы есть въ немъ явленіе неистинное, преходящее, такъ и у Гартмана бытіе міра есть ложное, неразумное, несчастное состояніе абсолютной воли; отсюда его пессимизмъ, отсюда его положеніе, что небытіе міра лучше его бытія, отсюда его ученіе объ уничтоженіи всего, какъ послѣдней цѣли міроваго процесса.

Что всѣ подобнаго рода воззрѣнія, довольно послѣдовательно съ идеалистической точки зрѣнія указывая на дѣйствительный характеръ міра явленій—его не истину и призрачность, нисколько однакоже не объясняютъ происхожденія этой призрачности въ самомъ абсолютномъ, это и съ перваго раза очевидно. Для насъ совершенно непонятно, какимъ образомъ въ единомъ абсолютномъ, на которое не могло дѣйствовать ни что внѣшнее, предметное, возбуждающее въ немъ какое-либо стремленіе, могло возникнуть ложное вожделѣніе, какъ учили индійскіе мудрецы, или неразумное томленіе воли, о которомъ говоритъ Гартманъ, выразившееся въ произведеніи міра, исправленіемъ котораго должно служить его уничтоженіе? Но оно возникло, скажутъ, въ самомъ абсолютномъ, независимо отъ какихъ-либо внѣшнихъ возбужденій или соблазновъ, какъ самоопредѣленіе его воли? Но такое объясненіе будетъ рѣшительно противорѣчить понятію о всесовершенствѣ абсолютнаго, которое допускаетъ идеализмъ и которое въ настоящемъ случаѣ удерживается тѣмъ самымъ, что міръ называется явленіемъ ложнымъ, несчастнымъ, слѣдовательно—несовершеннымъ и въ этомъ отношеніи противоположнымъ абсолютному. Но если мы

даже устранимъ отъ понятія абсолютнаго понятіе совершенства, какъ такое, которое возможно только при возникновеніи множественности вещей, конечнаго бытія, дозволяющаго сравнивать его съ абсолютнымъ и противопологать ему по качеству, то во всякомъ случаѣ мы должны признать абсолютное существомъ (или сущностью) абсолютно необходимымъ. Но въ такомъ существѣ какъ возможно возникновеніе чего-либо случайнаго, неистиннаго какого-либо момента, не опредѣляемаго его природою, каково напримѣръ незаконное томленіе воли? Всѣ проявленія его должны быть безусловно необходимыми, законосообразными и какъ таковыя, если смотрѣть на нихъ съ качественной стороны,—разумными и совершенными. Итакъ, пессимизмъ въ объясненіи происхожденія міра не долженъ-ли превратиться въ своего рода оптимизмъ?

Отсюда несравнено раціональнѣе и послѣдовательнѣе съ идеалистической точки зрѣнія то ученіе, которое въ противоположность вышеизложенной теоріи, считаетъ міръ вполне законнымъ и необходимымъ проявленіемъ абсолютнаго. Таковъ взглядъ большей части новѣйшихъ идеалистовъ—Фихте, Шеллинга, Гегеля. Но на самомъ дѣлѣ изъ идеи необходимости и разумности міра также мало можно объяснить его дѣйствительное происхожденіе, какъ изъ идеи случайности и неразумія.

Такъ, по мнѣнію Фихте, не я или міръ внѣшній есть ограниченіе или предѣлы, которые полагаетъ себѣ я абсолютное. Абсолютное я не можетъ сознать себя какъ я до тѣхъ поръ, пока не противопоставитъ себѣ нѣчто отличное отъ себя, т. е. нѣчто такое, что будетъ уже не я. Точно тоже происходитъ и въ каждомъ эмпирическомъ я; міръ явленій мною представляемый есть не что иное, какъ самоограниченіе моего я, предѣлы полагаемые имъ себѣ. Но въ сущности, полагаемое какъ абсолютнымъ я, такъ и моимъ конкретнымъ я, не я не есть что-либо отличное отъ я, но его собственное произведеніе, границы, полагаемыя моимъ или абсолютнымъ я и имъ-же снимаемыя. Но при этомъ остается совершенно не объяснимымъ, для чего-же абсолютному я, или абсолютной субстанціи, нужно изъ своего единства и чистоты выходить въ міръ множественности, создавать призракъ неистиннаго бытія, полагать

себѣ предѣлы? Скажутъ, это нужно для возбужденія сознанія въ абсолютномъ, такъ какъ оно возможно не иначе, какъ чрезъ противоположеніе себя чему-либо иному,—не я. Не говоримъ о томъ, что здѣсь очевидно смѣшивается процессъ возникновенія конечнаго, эмпирическаго сознанія съ сознаніемъ абсолютнаго, которое, по самому понятію абсолютности, не нуждается для своего осуществленія въ противоположеніи себѣ какого-либо не я. Самое противоположеніе себѣ абсолютнымъ я, не я, для возбужденія сознанія, не предполагаетъ-ли, что въ абсолютномъ уже прежде было, такъ сказать, представленіе о томъ, чѣмъ и какъ возбудить сознаніе, слѣд., было уже сознаніе прежде сознанія, т. е. прежде противоположенія я и не я? Значитъ, для этой цѣли вовсе и не нуженъ тотъ процессъ, который у Фихте считается необходимымъ для возникновенія сознанія. Если-же представимъ, что такого сознанія въ абсолютномъ не было, что оно изначала и по природѣ было безсознательнымъ, то придемъ къ нелѣпой мысли, что противоположеніе я и не я и въ силу этого и сознаніе возникло въ немъ какъ-то случайно, неожиданно для него, безъ всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ мотивовъ и основаній.—Далѣе, нисколько не объясняя возникновенія въ абсолютномъ необходимости противоположенія я и не я, идеализмъ не объясняетъ намъ и тѣхъ особенностей, съ какими представляется намъ чувственное бытіе. Если не я или міръ внѣшній есть только отрицаніе, границы полагаемая себѣ я, то какъ объяснить, что это отрицаніе является не простымъ отрицаніемъ, но опредѣленнымъ бытіемъ тѣхъ или иныхъ предметовъ; почему оно распадается на множество кажущихся самостоятельными предметовъ или представлений? Чистое отрицаніе я не заключаетъ еще въ себѣ понятія о многоразличномъ, при томъ не о количественно только многомъ, но и о качественно-разнообразномъ. Если-бы для абсолютнаго духа нужно было только отрицаніе себя, какъ духа, или простая граница для сознанія своей духовности, то для него достаточно было представленія одной простой, совершенно безформенной матеріи. Явленіе-же въ немъ представленій о столь разнообразныхъ предметахъ, совокупность которыхъ составляетъ вселенную, излишняя роскошь, совершенно необъясни-

мая съ идеалистической точки зрѣнія. Это разнообразіе совершенно не нужно для той цѣли, для которой вводится противоположеніе я и не я.

Не много поможемъ дѣлу, если мы съ другими идеалистами, напр. Шеллингомъ и Гегелемъ, будемъ считать внѣшній міръ не простымъ отрицаніемъ или границею, полагаемою себѣ абсолютнымъ, чтобы натолкнувшись, такъ сказать, на нее, сознать и утвердить свою абсолютность, но необходимымъ, положительнымъ моментомъ въ его развитіи. Правда, міръ при этомъ нѣсколько выигрываетъ для обезпеченія своей самостоятельности; различныя формы міроваго бытія суть реальныя формы или моменты развитія самого абсолютнаго. Но на самомъ дѣлѣ эта реальность міра, особенно чувственной стороны его, снова исчезаетъ, какъ скоро вспомнимъ, что онъ есть преходящій только, не истинный моментъ въ процессѣ его развитія. Являются неразрѣшимые вопросы: для чего нуженъ для абсолютнаго, обладающаго по самому понятію своему всею полнотою и цѣлостію бытія, какой-бы то ни было процессъ развитія и самоопредѣленія? И если онъ нуженъ, то почему этотъ процессъ не совершается въ области тождественнаго съ нимъ по природѣ, чисто духовнаго бытія, почему абсолютное исходитъ, такъ сказать, изъ самого себя въ область совершенно чуждаго себѣ чувственнаго бытія? Недоумѣніе наше тѣмъ болѣе усиливается, когда узнаемъ, что міръ множественности и конечности представляется, какъ преходящая и не истинная форма бытія абсолютнаго, что цѣлью міроваго процесса абсолютнаго полагается отрицаніе этого процесса, возвращеніе его къ самому себѣ и своему единству. Какой-же, спрашивается, смыслъ и какая цѣль этого, такъ сказать, путешествія абсолютнаго по различнымъ стадіямъ міроваго развитія, если по окончаніи его оно возвратится туда же, откуда вышло? Почему нуженъ для абсолютнаго продолжительный процессъ отчужденія отъ себя самого, инобытія, если въ результатъ не получится ничего иного, кромѣ сознанія, что инобытіе не есть истинное бытіе абсолютнаго? Намъ говорятъ: но абсолютное (абсолютная идея Гегеля) возвращается не просто къ прежнему состоянію, но обогащенная всѣмъ содержаніемъ, всею полнотою діалектиче-

скаго развитія. Но въ такомъ случаѣ абсолютное не было въ началѣ полнымъ и совершеннымъ абсолютнымъ, а лишь станетъ таковымъ неизвѣстно когда, по завершеши полнаго цикла своихъ опредѣленій. Но въ такомъ понятіи объ абсолютномъ заключается явное логическое противорѣчіе: абсолютное въ тоже время есть не абсолютное.

При всемъ этомъ не должно упускать изъ виду и того, что утверждая, повидимому, самостоятельность внѣшняго міра, какъ извѣстнаго момента въ развитіи абсолютнаго, идеализмъ подъ именемъ этого міра разумѣетъ не совсѣмъ то, что разумѣетъ подъ нимъ обыкновенное эмпирическое познаніе. Правда, идеализмъ говоритъ намъ о природѣ, какъ формѣ инобытія абсолютнаго; онъ показываетъ намъ, какъ природа, начиная отъ абстрактной внѣшности въ формахъ пространства и времени, проходитъ рядъ ступеней, посредствомъ которыхъ это инобытіе абсолютной идеи восходитъ къ бытію въ себѣ, говоритъ о процессахъ механическомъ, химическомъ, органическомъ и о частныхъ формахъ, въ которыхъ выражаются эти процессы. Но то, что имѣетъ въ виду здѣсь идеализмъ, суть только общіе законы и формы міровой жизни; самое частное, чего достигаетъ онъ здѣсь, суть только понятія родовъ и видовъ существъ. Между тѣмъ для эмпирическаго познанія ближайшимъ образомъ даны не роды существъ, не общія формы бытія природы, но конкретные предметы. Для обыкновеннаго сознанія существованіе вещей внѣшнихъ, конкретно-чувственныхъ, представляется всегда даже болѣе яснымъ и несомнѣннымъ, чѣмъ реальное существованіе общихъ понятій и идей, которыя въ идеалистической философіи выдаются за истинно сущую дѣйствительность. Какъ-же относится къ этому, столь ясно утверждаемому въ своей реальности конкретному, живому бытію идеализмъ? Можетъ-ли, и какимъ образомъ, объяснить необходимость его существованія, по крайней мѣрѣ въ нашемъ сознаніи и вывести фактъ этого существованія изъ понятія объ абсолютномъ? Если, какъ мы видѣли, ему не удастся рационально объяснить существованіе міра въ его общихъ категоріяхъ и схемахъ, то, понятно, еще труднѣе ожидать такой удачи въ объясненіи бытія конкретнаго. И дѣйствительно, не имѣя ни

малѣйшей возможности вывести необходимость его изъ понятія объ абсолютномъ, онъ прямо отбрасываетъ его въ сторону, объявляетъ бытіемъ неистиннымъ, призрачнымъ (Schein). Но назвать бытіе конкретное неистиннымъ, призрачнымъ, не значить еще совершенно уничтожить его и тѣмъ разомъ устранить всѣ затрудненія въ его объясненіи. Положимъ, оно не существуетъ реально въ томъ смыслѣ, какъ существуетъ общее, признаваемое истинно дѣйствительнымъ; однако-же оно существуетъ, по крайней мѣрѣ, какъ призракъ, какъ фантомъ, признаваемый нами за что-то существенное. Откуда-же онъ возникъ и въ чемъ заключается источникъ непреодолимой силы, съ какою онъ обольщаетъ насъ? Такъ какъ кромѣ абсолютнаго въ идеализмѣ не можетъ быть никакой внѣшней и чуждой ему причинности, то источникомъ этого фантома мы должны въ концѣ концовъ считать самое абсолютное. Мы возвращаемся къ индѣйскому представленію о мірѣ множественности, какъ о Майѣ, обольщающей Брахму; съ тѣмъ только различіемъ, что въ ней совершенно послѣдовательно весь міръ безъ исключенія обращается въ Майю, въ сновидѣніе Божества, тогда какъ въ новѣйшемъ идеализмѣ допускается при этомъ странное и неслѣдовательное раздвоеніе: одна часть единого цѣльнаго міра, — общіе его законы и формы существъ признаются реальными моментами въ жизни абсолютнаго, другая — конкретные предметы, въ которыхъ обнаруживаются эти формы, — не реальными, призрачными. Но живой, дѣйствительный міръ представляется намъ, какъ гармоническое, нераздѣльное единство общаго и частнаго, идеальнаго и реальнаго, и отрицать одну сторону міра, утверждая дѣйствительность другой, значить не объяснять, а уничтожать міръ, давая вмѣсто него абстрактную, мертвую форму безъ содержанія.

Изъ сказаннаго нами видно, что признаніемъ міра необходимымъ моментомъ въ развитіи абсолютнаго нисколько не объясняется фактъ его существованія. Не смотря на то, что въ этомъ отношеніи индѣйскій и родственныи съ нимъ Гартмановъ идеализмъ, повидимому, совершенно расходятся съ идеализмомъ Фихте, Шеллинга и Гегеля, — тотъ и другой одинаково сходятся въ томъ, что не указываютъ достаточной причины

- происхожденія чувственнаго міра. Признаемъ-ли мы вмѣстѣ съ первымъ міръ случайнымъ или ложнымъ явленіемъ въ абсолютномъ, или вмѣстѣ со вторымъ — необходимымъ и разумнымъ проявленіемъ его, мы одинаково не найдемъ смысла въ бытіи міра; понятіе необходимости также мало оказывается пригоднымъ для объясненія его, какъ и понятіе случайности. Для насъ одинаково непонятно какъ то, почему абсолютно совершенное и единое существо должно было необходимо раскрыть себя въ несовершенный міръ множественности, такъ и то, какимъ образомъ въ Брамѣ или въ Безсознательномъ Гартмана могло возникнуть случайное и ложное вождельніе или побужденіе явить себя міромъ.

В. Кудрявцевъ.

(Продолженіе будетъ).

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

XX.

Противоположность теоретическаго и практическаго сознанія, какъ выраженіе двоякаго направленія его: реалистическаго и идеалистическаго.—*Анализъ теоретическаго сознанія*: субъективное и объективное въ теоретическомъ сознаніи и различія, относящіяся къ той и другой сторонѣ теоретическаго сознанія.—*Анализъ практическаго сознанія*: побужденіе и воля.—Единство теоретическаго и практическаго разума.—Свобода, какъ принципъ теоретическаго и практическаго сознанія.—Противоположность чувственной и сверхчувственной природы.—Природа чувственная, какъ исходный пунктъ, а свобода, какъ цѣль нравственной дѣятельности.—Свобода, какъ необходимая мысль ума, т. е. какъ идея долгаго и какъ законъ нравственный.—Развитіе свободы, какъ принципа нравственной дѣятельности.—Свобода эгоистическая и разумная.—Обязанности въ отношеніи къ тѣлу и въ отношеніи къ уму.—Свобода, какъ принципъ общественной жизни, осуществляемая съ одной стороны въ церкви, а съ другой—въ государствѣ.—Основные черты міросозерцанія, истекающаго изъ нравственной дѣятельности, понятой въ смыслѣ освобожденія духа отъ чувственной природы.

Противоположность теоретическаго и практическаго сознанія, по философіи Фихте, какъ видно изъ предъидущаго, совпадаетъ съ противоположностію съ одной стороны мышленія или свободы, а съ другой—созерцанія или бытія ¹⁾.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 5.

¹⁾ Субъективное и объективное, говоритъ Фихте, соединяются или представляются состоящими въ гармоніи между собою прежде всего такъ, что субъективное должно слѣдовать изъ объективнаго (т. е. свободное мышленіе опредѣляется бытіемъ), первое направляется къ послѣднему: *я познаю*. Какъ мы приходимъ къ утверженію таковой гармоніи,—это изслѣдуетъ *теоретическая философія*. Затѣмъ субъективное и объективное разсматриваются, какъ находящіяся между собою въ гармоніи такъ, что объективное должно слѣдовать изъ субъективнаго, бытіе—изъ моего понятія (изъ понятія цѣли): *я дѣйствую*. Откуда происходитъ при-

Въ самомъ дѣлѣ, предметъ и цѣль теоретическаго сознанія есть бытіе (бытіемъ опредѣляется сознаніе и чрезъ то становится познающимъ), причемъ и единство и множество даны въ созерцаніи, именно: единство созерцается, какъ цѣлое, а множество—какъ безконечная сложность частей въ цѣломъ. Исходнымъ пунктомъ для теоретическаго (какъ и для практическаго) сознанія служатъ ощущеніе, и потому въ ощущеніи дальнѣйшія различія и противоположности остаются еще нераздѣленными; такъ мышленіе и созерцаніе въ ощущеніи пребываютъ, такъ сказать, въ состояніи безразличія и оттого субъективная и объективная сторона сознанія здѣсь также еще не выступаютъ: ощущеніе столько-же есть субъективное состояніе, сколько и объективное качество. Когда-же наше я рефлекситъ на ощущеніе, то вслѣдствіе этого, что было въ немъ слитно, раздѣляется, именно ощущеніе, какъ субъективное состояніе, противопоставляется ощущаемому, причемъ ощущеніе преобразуется въ представленіе, а равно и ощущаемое становится объектомъ представляемымъ, или созерцаемымъ. Когда, такимъ образомъ, вслѣдствіе рефлексіи является раздѣленіе субъективнаго и объективнаго и одно другому противопоставляется, то дальнѣйшее раздѣленіе происходитъ уже какъ на сторонѣ объективной, такъ и на сторонѣ субъективной. На объективной сторонѣ содержаніе или матеріалъ противопоставляется формамъ созерцанія, таковы пространство и время. Пространство есть сложность безконечнаго множества частей, полагаемыхъ одна подлѣ и внѣ другой, но притомъ такого множества, которое объемлетъ однимъ взглядомъ и потому представляется намъ, какъ цѣлое, изъ чего видно, что пространство есть единство различающей мысли и созерцанія, объединяющаго различное ¹⁾; какъ пространство есть созерцаніе, такъ время

знаніе таковой гармоніи,—это должна изслѣдовать *практическая философія*. Das Systeme d. Sittenlehre... Werke 2, 2.

¹⁾ Всякое построеніе пространственной величины есть послѣдовательное сочетаніе отдѣльныхъ частей въ цѣломъ, т. е. въ пространствѣ; но такое соединеніе само уже предполагаетъ то цѣлое (т. е. пространство), въ которомъ оно происходитъ, такъ что при построеніи пространственной величины оказывается необходимымъ напередъ предположить уже, какъ данное, само пространство, дабы возможно было его построеніе. Это объясняется тѣмъ, что цѣлое и части взаимно

есть мысль о непрерывно продолжающемся послѣдованіи въ сочетаніи отдѣльныхъ частей созерцаемаго цѣлаго; для того же, чтобы различаемыя части дѣйствительно различались и взаимно исключали другъ друга, а не сливались въ безразличное протяженіе, для этого необходимо еще наполненіе пространства, и это есть матерія. На сторонѣ субъективной рефлексія производитъ слѣдующія различія: въ отношеніи субъективномъ ощущеніе сознается, какъ ограниченіе (отсюда пассивный характеръ его) нашего я, т. е. дѣятельности свойственной ему; рефлексія отрѣшаетъ наше я отъ этого состоянія пассивности тѣмъ, что границу, стѣсняющую его, полагаетъ внѣ его, какъ объектъ, послѣ чего въ сознаніи остается только образъ объекта; вотъ какимъ образомъ ощущеніе силою рефлексіи превращается въ представленіе, а способность ощущать или воспринимать впечатлѣнія теперь уже сознается, какъ способность представлять,—что называется воображеніемъ. Воображеніе болѣе свободно, нежели способность воспріятія; это потому, что ограниченіе нашего сознанія, данное въ ощущеніи, какъ сказано, силою рефлексіи отодвинуто отъ него; сознаніе такимъ образомъ становится шире, а слѣдовательно и свободнѣе: въ самомъ дѣлѣ всякое ощущеніе связано со своимъ предметомъ, представленія-же напротивъ могутъ быть вполне свободно об-

обусловливаютъ себя, такъ что, дабы представитъ цѣлое, необходимо представленіе частей и наоборотъ; иначе сказать, полное знаніе не есть ни раздѣленіе, ни соединеніе, но то и другое вмѣстѣ; потому-то мы и не можемъ представитъ ни частей отдѣльно отъ цѣлаго, ни цѣлаго отдѣльно отъ частей, ни единства безъ разнообразія, ни разнообразія безъ единства, ни движенія безъ покоя, ни наоборотъ. Вотъ почему съ одной стороны мы представляемъ пространство, какъ цѣлое, съ другой же стороны мы утверждаемъ, что оно безконечно дѣлимо (дѣлимость частей есть дѣйствіе мысли, а цѣлость пространства есть созерцаніе). Пространство—дѣлимо въ безконечность. Какимъ же образомъ сознаніе можетъ обнимать и заключать его въ себя? Очевидно, что съ безконечною дѣлимостію соединяется единство, т. е. въ нѣкоторомъ отношеніи пространство должно быть единымъ, или иначе—тождественнымъ.—Безконечную дѣлимость, созерцаемую въ пространствѣ, въ сущности слѣдуетъ относить не къ самой вещи, а къ нашей способности дѣлить, ибо мы говоримъ, что *можемъ* безконечно дѣлить и истинность этого положенія основывается на непосредственномъ самосозерцаніи означенной способности въ ея внутреннемъ существѣ, какъ безконечнаго, которое такимъ образомъ въ насъ находится, а не внѣ насъ. Darstellung d. Wissenschaftslehre, 92 u. w. S. W. 2 Bd.

разуемы и преобразуемы. Воображеніе есть созерцательная способность; между тѣмъ съ созерцаніемъ нераздѣльно связано мышленіе. Дѣйствительно, уже преобразование ощущенія въ объектъ, состоящее въ томъ, что ощущаемое полагается, какъ нѣчто давнее и существующее внѣ насъ, есть дѣйствіе мышленія (бытіе по Канту—категорія разсудка). Но ясно сознается различіе мышленія и воображенія, т. е. вслѣдствіе рефлексіи раздѣляется созерцаніе отъ мышленія тогда лишь, когда свободно обзрѣвая представленія, создаваемые воображеніемъ и созерцаемыя чрезъ него, мы приводимъ ихъ въ порядокъ, распредѣляемъ ихъ по родамъ и видамъ, находимъ въ нихъ общее, — что и составляетъ предметъ мысли; при этомъ сознаніе еще болѣе становится свободнымъ, ибо возносится надъ представляемою имъ дѣйствительностію, отрѣшается отъ нея (что называется отвлеченіемъ). Такимъ образомъ во всѣхъ различіяхъ, производимыхъ рефлексіей въ области теоретическаго сознанія, собственно происходитъ постепенное освобожденіе нашего сознанія отъ первичной ограниченности, данной для сознанія въ видѣ ощущенія. Но по мѣрѣ того, какъ происходитъ освобожденіе сознанія, наше я необходимо должно почувствовать эту свою свободу, придти къ сознанію себя, какъ свободнаго существа. А какъ скоро въ нашемъ духѣ является сознаніе своей свободы, то такое сознаніе должно проявиться и въ дѣятельности нашей уже въ значеніи принципа, т. е. въ качествѣ основанія и цѣли, полагаемой нами для нашей дѣятельности.

Разсмотрѣніе практической области сознанія дѣйствительно показываетъ, что именно такова конечная цѣль нашей дѣятельности.

Исходный пунктъ практической дѣятельности также заключается въ ощущеніи, но ощущеніе въ практическомъ отношеніи сознается, какъ *побужденіе* (Trieb). Выше сказано, что теоретическое сознаніе опредѣляется бытіемъ, именно—условіемъ теоретическаго сознанія служить то, что имъ полагается бытіе, какъ познаваемое. Напротивъ практическое сознаніе само является опредѣляющимъ бытіе, и, слѣдовательно, оно не связано бытіемъ, а свободно отъ него. Поэтому какъ для теоретиче-

скаго сознанія опредѣляющимъ его принципомъ служитъ *бытiе*, такъ для сознанія практическаго таковымъ принципомъ служитъ *свобода* ¹⁾. И если бытiе въ отношенiи къ теоретическому уму есть то, что должно быть *познано*, то свобода для ума практическаго есть то, что должно быть *произведено*, ибо практическая дѣятельность есть именно производительная; по сему свобода не можетъ быть для практическаго разума первоначально и независимо отъ насъ даннымъ, каковымъ является для теоретическаго сознанія бытiе; даннымъ и для практическаго сознанія является тоже самое, что и для теоретическаго, именно ощущенiе, какъ ограниченiе сознанія. Но для теоретическаго ума ограниченiе это есть дѣйствiе внѣ насъ лежащаго, ограничивающаго начала, на которое и обращается поэтому наше сознанiе; для ума же практическаго тоже самое ограниченiе есть не что иное, какъ задержанное стремленiе къ свободной дѣятельности. Сила или способность къ дѣятельности остается скрытою, пока не почувствовано ея ограниченiе, которымъ она возбуждается къ самочувствiю и самосозерцанiю. Побужденiе, достигшее сознанія, есть уже *воля*, которая состоитъ въ томъ, что я само себя созерцаетъ, какъ силу дѣятельную, стремящуюся къ абсолютной свободѣ и независимости; наше я становится такимъ, т. е. стремящимся къ свободѣ, чрезъ самосозерцанiе, которое отрѣшаетъ его отъ себя самого, такъ что оно перестаетъ быть просто даннымъ безъ силы и сознанiя, но дѣлается, вслѣдствiе отрѣшенiя отъ себя, силою сознательною, дѣятельною. Я сознаю себя дѣятельнымъ, — это значитъ, что я нахожу въ себѣ волю. Воля есть первое и абсолютное изъ всего, что я нахожу въ себѣ ²⁾. Можно конечно

¹⁾ Когда свобода сдѣлалась уже сознанию, тогда конечно она является не только принципомъ для практическаго разума, но и свойствомъ теоретическаго сознанiя, и даже, какъ увидимъ, свободная дѣятельность ума есть необходимое условiе, по Фихте, для осуществленiя свободы въ жизни. Философская рефлексiя отличается именно свободнымъ своимъ характеромъ. Конечно и вообще теоретическое сознанiе необходимо признать свободною продуктивною силою, но только для философской рефлексiи ясно, что произведенiя этой продуктивной силы, именно тѣ представленiя, которыя полагаются нашимъ сознанiемъ, какъ объекты существующiе внѣ насъ, какъ бытiе, на самомъ дѣлѣ не сообщаются намъ извнѣ, а производятся творческою силою нашего духа, вначалѣ дѣйствующею безсознательно.

²⁾ Das Wollen, als solches, ist ein erstes, absolut in sich selbst, und in

утверждать, что и сама воля есть дѣйствіе иной причины, хотя никто никогда не будетъ въ состояніи объяснить, чѣмъ же именно производится въ насъ воля. Но означенное утвержденіе, что воля безусловна и первѣе всего сознается нами, опирается не на теоретическомъ усмотрѣніи, а на практическомъ интересѣ: я хочу быть самостоятельнымъ; поэтому и признаю себя таковымъ; признаніе это очевидно есть *воля*. Что дѣйствительно воля есть безусловно первое,—видно изъ слѣдующаго. Самосознаніе—основной принципъ философіи. Но въ самосознаніи я, обращаясь на себя самого, является дѣйствующимъ на себя, опредѣляющимъ себя, а самоопредѣленіе и есть *воля*. Но отсюда же, т. е. изъ свойственнаго нашему я самосознанія, видно, что хотя воля и есть первоначальное и глубочайшее его существо, однако, такъ какъ вообще наше я или духъ нашъ есть дѣятельность, то и самая воля не просто существуетъ въ немъ, а осуществляетъ себя, т. е. первоначально наше я есть только стремленіе къ свободѣ (побужденіе) ¹⁾, изъ неопредѣленнаго состоянія простой возможности дѣйствія наше я переходитъ въ опредѣленное состояніе хотѣнія и тогда только оно становится дѣйствительною волею. Переходъ же этотъ происходитъ при посредствѣ рефлексіи, такъ что рефлексія, т. е. умственная дѣятельность—необходимое средство, единственный путь къ тому, чтобы наше я сдѣлалось свободнымъ и дѣятельнымъ. Впрочемъ, практически дѣятельнымъ наше я становится лишь тогда, когда рефлексія направляется не на состоянія нашего я,—что достаточно только для возникновенія теоретическаго сознанія, а на самое я, когда рефлексія состоитъ въ *самосозерцаніи* нашего я. Это самосозерцаніе нашего я отрѣшаетъ его отъ самого себя, чрезъ

---

nichts ausser ihm, gegründet. — Inwiefern das Wollen ein absolutes und erstes ist, ist es schlechthin nicht aus dem Einflusse eines Etwas ausser dem Ich, sondern lediglich aus dem Ich selbst zu erklären... Ich will selbstständig seyn, darum halte ich mich dafür. Ein solches Fürwahrhalten aber ist ein Glaube. Sonach geht unsere Philosophie aus von einem Glauben und weiss es. Das System d. Sittenlehre. Werke 2, 24—26.

¹⁾ Der wesentliche Character des Ich, wodurch es sich von allem, was ausser ihm ist, unterscheidet, besteht in einer Tendenz zur Selbstthätigkeit um der Selbstthätigkeit willen. Ibid. 29.

что оно получаетъ способность опредѣлять себя къ дѣйствию: опредѣляющею силою является при этомъ мысль, т. е. я опредѣляетъ себя къ дѣйствию, какъ сила мыслящая, и самый актъ самоопредѣленія поэтому происходитъ въ формѣ понятія; отсюда ясно, что свободнымъ слѣдуетъ признать только то, что обуславливается понятіемъ; а какъ понятие—произведеніе ума, то собственно умъ есть сила свободно дѣятельная; безъ умственной дѣятельности, безъ рефлексіи, или сознанія, свободы нѣтъ; она невозможна. Бытіе противоположно уму: бытіе устойчиво, неподвижно; умъ, напротивъ, дѣятеленъ. Поэтому только такое бытіе можетъ быть свободно, для котораго основаніемъ служитъ умъ, и таково разумное существо. Дѣйствительно, разумное существо, такъ сказать, само себя образуетъ, творитъ: чѣмъ оно должно быть, тѣмъ надлежитъ сдѣлаться ему чрезъ собственную дѣятельность. Реальному бытію его должно предшествовать идеальное, которое и есть умъ способный силою мысли, понятія, производить бытіе ¹⁾).

Итакъ, рассматривая теоретическое сознаніе, мы нашли, что необходимое его предположеніе и дополненіе есть свобода, ибо самое развитіе теоретическаго сознанія состоитъ въ постепенномъ освобожденіи духа. Теперь разсмотрѣніе практическаго сознанія привело насъ къ обратному выводу, что необходимое его предположеніе и дополненіе составляетъ умъ, дѣятельность мысли. Отсюда очевидно уже выше предположенное и признанное единство теоретическаго и практическаго разума. А какъ абсолютнымъ началомъ должно признать свободу, то слѣдовательно и самое единство теоретическаго и практическаго сознанія мы должны понимать въ томъ смыслѣ, что и въ томъ и въ другомъ сознаніи равно открывается свобода, но только въ различныхъ отношеніяхъ, съ различныхъ сторонъ. Свобода, какъ принципъ теоретическаго сознанія, есть *внутренняя, субъективная*, и таже свобода, какъ принципъ практическаго со-

¹⁾ Das vernünftige Wesen, als solches betrachtet, ist absolut, selbstständig, schlechthin der Grund seiner selbst. Es ist ursprünglich, d. h. ohne sein Zuthun schlechthin nichts: was es werden soll, dazu muss es selbst sich machen, durch sein eigenes Thun. Ibid. 50.

знанія, есть *внѣшняя и объективная* ¹⁾, ибо конечная цѣль практической дѣятельности состоитъ въ осуществленіи свободы *внѣ* самого субъекта дѣйствующаго, такъ чтобы свобода изъ простой только мыслимой возможности (идеальная свобода) сдѣлалась дѣйствительностію *внѣшнимъ* образомъ созерцаемою. Вотъ почему Фихте полагалъ, что только воля, какъ исходное начало практической дѣятельности, только эта дѣятельность приводитъ насъ къ убѣжденію въ реальности *внѣшняго міра* и служить единственнымъ основаніемъ такого убѣжденія ²⁾.

¹⁾ Моя свободная дѣятельность, говоритъ Фихте, непосредственно какъ такая, если она объективна, есть моя воля; таже моя свободная дѣятельность, если она субъективна, есть мое мышленіе. *Ibid.* 85.

²⁾ Въ сочиненіи *Die Bestimmung des Menschen* Фихте развиваетъ и доказываетъ слѣдующее положеніе: знаніе подвергаетъ сомнѣнію, вѣра напротивъ дѣлаетъ для насъ достовѣрною реальность міра, а равно и собственнаго нашего существа, и такимъ образомъ знаніе разрушаетъ то, что вѣра создаетъ. Вотъ какъ развивается эта мысль. Съ точки зрѣнія теоретической наше знаніе имѣетъ исключительно субъективный характеръ. Во всякомъ наблюденіи прежде всего содержится ощущеніе, а ощущеніе—субъективное наше состояніе; съ ощущеніемъ далѣе соединяется протяженіе, почему ощущаемое я представляю, какъ вещь, находящуюся въ пространствѣ; но такъ какъ сами ощущенія не пространственны, то происхожденіе пространства можетъ быть объяснено только тѣмъ, что я полагаю, какъ непротяженные пункты, одно подлѣ другаго, то, что ощущается мною одно вслѣдъ за другимъ,—пунктъ такимъ образомъ расширяется въ линію, а линія въ поверхность,—откуда очевидно, что и само пространство есть лишь мое представленіе. Наконецъ, въ силу логическаго закона, которымъ требуется для всего предполагать основаніе,—къ одному знанію мы присоединяемъ другое,—къ тому, что наблюдается, присоединяемъ то, о чемъ умозаключаемъ. Не этимъ-ли способомъ мы приходимъ къ признанію бытія вещей внѣ насъ? Ощущеніе во мнѣ, но не отъ меня, слѣдоват. основаніе его должно быть внѣ. Но всѣ общія положенія, а равно и положеніе объ основаніи, предписываютъ законы лишь нашимъ представленіямъ и потому познаются а priori, т. е. независимо отъ того существуетъ-ли что-либо внѣ насъ. И такъ что мы называемъ свойствомъ вещи есть не что иное, какъ *ощущеніе* моего состоянія, пространство, въ которомъ вещь находится, есть продуктъ *созерцанія*, а посредствомъ *мышленія* то и другое соединяется, и первое на послѣднее переносится, причемъ полагая въ пространствѣ то, что ощущается, по закону основанія мы присоединяемъ къ тому еще мысль о силѣ, проявляемой предметомъ въ пространствѣ и производящей во мнѣ ощущеніе. И такъ, сознаніе вещи внѣ насъ не что иное, какъ продуктъ нашей способности представленія. Но и самъ я также, съ этой точки зрѣнія, не болѣе какъ представленіе. И какъ во *внѣшнемъ* наблюденіи къ ощущенію присоединяется умозаключаемое, такъ и въ сознаніи себя къ опредѣленному акту мысли или представленію, данному въ сознаніи, я присоединяю опредѣляемое; представляя-же мышленіе, какъ опредѣленное цѣлое, я прихожу къ понятію существа мыслящаго.

уже въ этомъ первоначальномъ состояніи оно заключаетъ въ себѣ двойство, которое потомъ является въ видѣ противоположности субъективнаго и объективнаго, именно—съ побужденіемъ соединяется темное сознаніе его въ видѣ чувства: я чувствую въ себѣ присутствіе побужденія. Къ этому первоначальному и еще несвободному сознанію примыкаетъ рядъ послѣдующихъ сознаній, для которыхъ условіемъ служитъ свобода. Такъ какъ и побужденіе и ощущеніе его первоначально не свободны, а между тѣмъ, вмѣстѣ съ возникновеніемъ свободы, мы относимъ къ своему я лишь то, что производится свободно дѣятельностію, то поэтому и субъективную и объективную сторону побужденія мы обыкновенно противопоставляемъ своему я: отъ свободы не зависитъ то, что я себя такъ или иначе чувствую, либо не чувствую; не завися отъ свободы, побужденіе и чувство не имѣютъ и власти надъ свободою, ибо я могу рѣшаться на противное своему чувству и влеченію. Однакожъ и часть независимая отъ свободы и зависимая равно принадлежатъ той-же субстанціи, такъ что и здѣсь противоположное (натуральное влеченіе и воля) и раздѣляется и вмѣстѣ объединяется сознаніемъ. Отсюда — двойственный характеръ нашихъ дѣйствій: хотя мое дѣйствіе, будучи удовлетвореніемъ

знанія и по своему бытію отъ него независимая. Я нашелъ такимъ образомъ органъ, чрезъ который я воспринимаю реальность. Этотъ органъ—вѣра, а не знаніе. Никакое знаніе не можетъ себя доказать и обосновать, ибо каждое знаніе предполагаетъ другое, высшее и такъ безъ конца. Только вѣра сообщаетъ знанію достовѣрность, а вѣра—это непоколебимая устойчивость возрѣнія, внушаемаго природою, безъ котораго мы не можемъ выполнить своего назначенія. „*Всякое мое убѣжденіе есть только вѣра и происходитъ изъ настроенія, а не изъ разсудка.*“ Я знаю теперь, что образованіе должно исходить отъ воли, а не отъ разсудка, что всякая предлагаемая истина, выработанная однимъ только разсудкомъ, но не основанная на вѣрѣ, есть мнимая, а не дѣйствительная, что истина только изъ совѣсти происходитъ. Внутренній голосъ, повелѣвающий мнѣ быть дѣятельнымъ или совѣсть, будучи непосредственно очевиднымъ свѣдѣтельствомъ реальности меня самого, какъ существа дѣятельнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣряетъ также реальность другихъ подобныхъ мнѣ существъ, *требуя* отъ меня относиться къ нимъ, какъ къ существамъ самостоятельнымъ и свободнымъ, и также совѣсть удостовѣряетъ реальность иныхъ существъ и вещей, *требуя* надлежащимъ образомъ пользоваться ими для удовлетворенія своихъ потребностей. И также совѣсть приводитъ насъ наконецъ къ убѣжденію въ бытіи не только чувственнаго, но и сверхчувственнаго, духовнаго міра.

побужденія, опредѣляется послѣднимъ, однако въ значеніи цѣли оно отлично отъ побужденія; исходя отъ побужденія, оно *необходимо*, но какъ цѣль оно *свободно*; я слѣдую побужденію, но съ тою мыслью, что могъ-бы и не слѣдовать. Въстѣ съ тѣмъ и объективная сторона нашего я (въ области практической) становится различною: оно является инымъ, пока въ немъ дѣйствуютъ только побужденіе и чувство, и опять— инымъ, когда въ немъ дѣйствуетъ нравственный законъ. Въ первомъ отношеніи оно есть *природа*, во второмъ-же оно является, какъ *свобода*, такъ что все развитіе нравственнаго сознанія опредѣляется противоположностію природы и свободы и взаимодѣйствіемъ между тою и другою.

Въ чемъ-же состоитъ эта противоположность природы и свободы?

Система побужденій и чувствъ первоначально данныхъ во мнѣ и независимыхъ отъ моей воли, а потому ограничивающихъ мое сознаніе—это и есть то, что я называю своею природою. Но полагая себя, какъ природу, я признаю существованіе природы и внѣ себя, будучи вынужденъ относить свою дѣятельность къ матеріалу независимому отъ меня и имѣющему форму, затрудняющую для меня достиженіе моей цѣли.

Побужденіе есть не что иное, какъ самоопредѣленіе моей природы къ дѣйствию, ибо исходитъ изъ природы, а не производится механически постороннею для нея причиною (побужденіе, не будучи заключеннымъ во мнѣ, переходило-бы въ послѣднемъ случаѣ на что либо иное, стоящее въ ряду механической цѣпи причинъ и дѣствий). Но будучи самоопредѣленіемъ, побужденіе въ томъ отношеніи противоположно свободѣ, что исходитъ не изъ *понятія*, а изъ существа природы: природа опредѣляетъ себя чрезъ свое существо, а не чрезъ понятіе; она не можетъ оставаться неопредѣленною подобно свободному существу, т. е. не имѣетъ выбора между извѣстнымъ опредѣленіемъ и противоположнымъ ему.

Но всѣ побужденія моей природы представляются исходящими изъ нея только когда я рассматриваю эту природу, какъ цѣлое; между тѣмъ ту же природу я могу рассматривать, какъ часть другой, внѣ меня существующей, причемъ и эту внѣш-

ною для насъ природу мы также раздѣляемъ на части, изъ которыхъ каждая является зависимою отъ другихъ. По принципу субстанціальности каждая такая часть природы является какъ нечто само по себѣ существующее и цѣлое, а по принципу причинности одна нуждается въ другой. Отсюда во всей природѣ должно быть побужденіе, въ силу котораго каждая часть природы стремится соединить свое бытіе и дѣйствіе съ бытіемъ и дѣйствіемъ другихъ частей. Побужденіе это есть стремленіе къ организаціи, послѣдствіемъ котораго является далѣе также распространенное повсюду въ природѣ стремленіе къ самосохраненію. Такимъ образомъ побужденія представляются дѣйствующими не только въ моей индивидуальной природѣ, но въ природѣ вообще, по отношенію къ которой моя природа является не болѣе, какъ однимъ изъ множества ея ограниченій.

Пока сознаніе наше обращено лишь на побужденіе, я хотя и свободенъ, однако еще не сознаю своей свободы, а свобода не сознаваемая не есть полная и совершенная. Къ сознанію свободы приводитъ насъ *дѣло*, когда мы полагаемъ цѣль и чрезъ то выходимъ изъ состоянія неопредѣленности, особенно же если цѣль направлена противъ всякихъ склонностей. А такъ какъ побужденіе есть исходный пунктъ всего происходящаго въ нашемъ *я*, то должно быть и побужденіе къ свободѣ, къ дѣятельности независимой отъ натуральныхъ побужденій, побужденіе къ свободѣ ради свободы. Фихте называетъ такое побужденіе къ свободѣ *чистымъ*, ибо силою рефлексіи оно отрѣшается отъ всѣхъ чувственныхъ мотивовъ и потому не есть аффектъ: оно не возбуждается чѣмъ-либо, а само себя побуждаетъ. Вотъ почему обыкновенно раздѣляютъ желательную способность на низшую, которая обнимаетъ совокупность желаній, происходящихъ изъ натурального влеченія къ самосохраненію, и высшую, предметомъ которой служитъ свобода, именно—осуществленіе ея въ жизни.

Свобода только тогда становится чистою, когда силою рефлексіи освобождается отъ связи съ чувственными мотивами. Слѣдовательно рефлексія полагаетъ раздѣленіе между свободою и природою. Но умъ не могъ-бы быть силою освобождающею,

если-бы самъ онъ не обладалъ прежде всего свободою. Посему мысль о свободѣ есть необходимая для него мысль, а необходимость мысли или понятія (идеальная), въ отличіе отъ необходимости бытія, есть тоже что обязательность; посему свобода для ума есть должное,—то, что требуется осуществить. Такимъ образомъ свобода не есть только свойство ума; она есть также конечная цѣль дѣятельности, иначе говоря,—мало того, что она есть въ мысли, она должна быть еще проявлена вообще въ жизни, а потому и законъ нравственный состоитъ просто въ требованіи стремиться къ свободѣ ради свободы. И какъ свобода—необходимая принадлежность разума, то стремленіе къ осуществленію свободы означаетъ также дѣятельность, направленную къ осуществленію въ жизни разумности. Законъ нравственный требуетъ, чтобы разумъ господствовалъ повсюду въ мірѣ ¹⁾. Но совершенное освобожденіе отъ природы невозможно; полное господство надъ чувственностію никогда не можетъ быть фактическимъ; оно всегда должно оставаться лишь идеальнымъ требованіемъ. Посему дѣйствовать ради свободы значить только избирать дѣйствіе, лежащее въ ряду, приближающемъ меня къ осуществленію свободы. Стремленіе къ свободѣ означаетъ отрѣшеніе духа отъ власти природы, что и происходитъ, когда дѣятельность наша управляется разумными понятіями, т. е. правилами. Отсюда нравственный законъ можетъ быть еще такъ выраженъ: *дѣйствуй по убѣжденію*, или что тоже, *по совѣсти*. Совѣсть есть непосредственное сознаніе обязанности; она никогда не заблуждается, будучи такимъ сознаніемъ, надъ которымъ нѣтъ высшаго. Пока мы сознаемъ въ себѣ натуральныя побужденія, дотолѣ правиломъ дѣятельности служить для насъ собственное счастье. Но дѣло человѣческой свободы—оставить эту точку зрѣнія и подняться на высшую. А какъ это зависитъ отъ свободы, то человѣкъ свободно же можетъ и оставаться всю жизнь на низшей степени нравственнаго сознанія (въ чемъ и заключается коренное зло).

¹⁾ Das ist der Zweck des Erdenlebens der menschlichen Gattung: alle seine Verhältnisse mit Freiheit nach der Vernunft einzurichten. Die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters. Werke, 7, S. 7, 64.

Впрочемъ и тогда, какъ уже не удовлетвореніе потребности индивидуальнаго счастья, а сама свобода ставится цѣлью дѣятельности, сначала это стремленіе къ свободѣ дѣйствуетъ, какъ слѣдное побужденіе, хотя оно и можетъ возникнуть только, когда человѣкъ приходитъ къ сознанію своей свободы, но и это сознаніе, какъ всякое сознаніе, имѣетъ свои степени; человѣкъ, одушевленный означеннымъ стремленіемъ, вначалѣ поступаетъ такъ, какъ-бы онъ имѣлъ правиломъ—подчинить все внѣшнее абсолютному господству своей воли, эмпирическую, т. е. индивидуальную, свою волю онъ возводитъ въ законъ вмѣсто свободы разумной (общечеловѣческой).

Когда-же стремленіе къ независимости дѣлается вполне сознательнымъ и силою сознанія ограничивается, т. е. подчиняется опредѣленному правилу, идеѣ долга, тогда оно имѣетъ вполне нравственное значеніе, освободившись отъ прежняго своего эгоистическаго характера. Невозможно, чтобы человѣкъ, сознающій свой долгъ, не дѣйствовалъ согласно съ этимъ сознаніемъ, ибо сознавать свой долгъ значитъ требовать отъ себя поступать согласно съ нимъ. Но возможно потемнѣніе нравственнаго сознанія: сознаніе долга есть дѣло свободы, посему и сохраняется чрезъ продолженіе той-же свободной рефлексіи, которая даетъ намъ и самое сознаніе долга; никто не можетъ быть увѣренъ въ своемъ нравственномъ достоинствѣ ни одной минуты безъ продолженія усилій къ поддержанію такого достоинства. Радикальное зло — это нерасположенность къ рефлексіи, лѣность мысли. А такъ какъ природѣ свойственна неподвижность (*vis inertiae*), то неминуемымъ послѣдствіемъ бездѣятельности мысли должно быть ниспаденіе въ низшее состояніе природы, слѣдовательно—лишеніе свободы. Только образованіе можетъ спасти отъ косности; поэтому тѣ, которые стоятъ выше другихъ въ нравственномъ отношеніи, будучи тѣмъ обязаны образованію, должны и другимъ содѣйствовать къ ихъ возвышенію путемъ распространенія въ обществѣ просвѣщенія. Вотъ почему Фихте призваніе людей ученыхъ поставлялъ выше всякаго иного призванія и служенія обществу ¹⁾.

¹⁾ Какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ сознаніе свободы, съ которымъ соединяется и самое стремленіе къ осуществленію ея въ жизни, развивается при посредствѣ

Такъ какъ нравственное совершенствованіе или развитіе обуславливается противоположностію природы и свободы и состоитъ въ постепенномъ освобожденіи духа отъ власти слѣпыхъ натуральныхъ силъ, ближайшимъ образомъ дѣйствующихъ въ нашемъ тѣлѣ, а также въ подчиненіи ихъ высшимъ интересамъ духа, что достигается только посредствомъ умственной дѣятельности, то на этомъ основаніи Фихте различаетъ два рода обязанностей: обязанности въ отношеніи къ тѣлу и обязанности въ отношеніи къ уму. Какъ система побужденій независимыхъ отъ воли, какъ природа, наше я есть тѣло и въ этомъ своемъ значеніи оно является необходимымъ орудіемъ нашей дѣятельности. Отсюда вытекаютъ обязанности заботиться о сохраненіи и благосостояніи нашего тѣла (въ силу побужденія къ само-сохраненію), при чемъ однако удовлетвореніе тѣлесныхъ потребностей должно быть только средствомъ, а не цѣлью (ѣшьте и пейте во славу Божию). Съ другой стороны наше я есть свободно дѣятельный умъ,—сила рефлексирующая и посредствомъ рефлексіи образующая себя, или создающая царство свободы. Отсюда видно, что осуществленіе свободы духа, или иначе,—господства разума въ мірѣ есть цѣль нашей дѣятель-

---

рефлексивной дѣятельности ума, ибо воля дѣйствуетъ на основаніи понятій, такъ равно и въ обществѣ осуществленіе нравственной свободы, т. е. торжество разума надъ неразумными слѣпыми силами природы, достигается по мѣрѣ развитія и распространенія въ немъ образованія. Отсюда важнѣйшія задачи государства сводятся къ развитію и распространенію образованія, вообще культуры. Прежде всего государство, само вышедши изъ состоянія первобытной дикости, просто въ видахъ само-сохраненія необходимо должно вести борьбу съ дикими, а лучшей способъ сдѣлать ихъ безвредными для себя — подчинить ихъ закону и порядку, и такимъ образомъ, уже въ видахъ само-сохраненія, государство вынуждено заботиться о распространеніи культуры. Природа также не мало оказываетъ затрудненій и препятствій человѣческому обществу на пути къ устроенію разумнаго порядка жизни. Отсюда другая необходимая цѣль, подлежащая человѣчеству—побѣждать природу, что также достижимо только при помощи науки и вообще образованія. „Сила человѣческая, посредствомъ раздѣленія труда, при помощи естествознанія и искусства, вооруженная пригодными орудіями и машинами, должна быть возвышена надъ всѣми силами природы, такъ чтобы безъ излишней потери времени и труда всѣ земныя цѣли человѣка достигались и оставался-бы досугъ, необходимый для того, чтобы заняться внутреннимъ своимъ міромъ и обратиться къ тому, что выше всего земнаго (um seine Betrachtung in sein Inneres und auf das überirdische zu wenden). Werke, 15, 7, S. 161—164.

ности, а такъ какъ необходимый путь къ достиженію этой цѣли составляетъ умственное образованіе, то на этомъ основываются обязанности заботиться о развитіи своего ума, для чего необходима свобода изслѣдованія и выраженія своихъ убѣжденій въ дѣйствіи. Означенная цѣль одинаково обязательна какъ для меня, такъ и для всякаго другаго лица,—отсюда необходимость, т. е. обязательность для каждаго ограничивать свою свободу чрезъ признаніе и допущеніе свободы другихъ лицъ со всѣми вытекающими отсюда слѣдствіями (представить систему правъ и обязанностей, вытекающихъ изъ взаимнаго признанія свободы каждаго лица—задача философіи права). Для того-же, чтобы свободою каждаго отдѣльнаго лица не уничтожалось, а напротивъ осуществлялось и достигалось согласіе всѣхъ въ одной общей цѣли, одинаково для всѣхъ обязательной, для сего необходимы учрежденія, обеспечивающія это согласіе, каковы: а) *Церковь*, долженствующая производить и поддерживать единство убѣжденій, и б) государство, задача котораго состоитъ въ установленіи и обеспеченіи единства и согласія реальныхъ дѣйствій въ чувственномъ мірѣ, такъ что Церковь заботится о внутреннемъ согласіи всѣхъ, о единствѣ настроенія или убѣжденій, а государство заботится о внѣшнемъ порядкѣ жизни. Но какимъ образомъ съ требуемымъ единствомъ убѣжденій въ обществѣ согласить свободу изслѣдованія, которая вмѣсто единства можетъ породить разногласіе? Затрудненіе это разрѣшается тѣмъ, что свобода изслѣдованія должна быть фактически правомъ только тѣхъ лицъ, которыя въ состояніи пользоваться такимъ правомъ ко благу общества; оно должно быть исключительною привилегіею общества ученыхъ людей, и только въ ихъ средѣ должно практиковаться. Отсюда—новый рядъ обязанностей, лежащихъ на обществѣ ученыхъ.

Таковы важнѣйшія черты нравоученія Фихте. Нельзя не признать важнѣйшею чертою этого нравоученія то, что рефлексивная дѣятельность мысли, умственное развитіе, или образованіе съ преобладающимъ активнымъ характеромъ, признается въ этомъ нравоученіи необходимымъ средствомъ къ нравственному совершенству. Рефлексивная дѣятельность мысли составляетъ область теоретическаго сознанія, поему вмѣстѣ съ

нравственно-практическою дѣятельностію, для которой означенная дѣятельность служить необходимымъ средствомъ, должно соединяться соотвѣтствующее оной міровоззрѣніе. Сущность этого міровоззрѣнія, происходящаго изъ дѣятельности нравственной (въ которомъ такимъ образомъ послѣдняя отображается подобно тому, какъ и наоборотъ извѣстный строй мысли необходимо долженъ отображаться въ направленіи и свойствахъ практической дѣятельности) заключается въ слѣдующемъ: свобода, какъ цѣль нравственной дѣятельности, никогда вполнѣ не осуществима, а потому и самая эта дѣятельность должна быть мыслима, какъ непрерывный рядъ дѣйствій только приближающихъ насъ къ цѣли, рядъ продолжающійся въ безконечность, какъ безконечна сама цѣль, но не смотря на свою безконечность, образующихъ цѣлое, такъ какъ всѣ дѣйствія въ томъ ряду объемлются единствомъ цѣли. Вполнѣ согласно съ такимъ пониманіемъ нравственной дѣятельности, Фихте выражаетъ слѣдующій взглядъ на природу и жизнь вообще. Не для того, говоритъ онъ, жизнь существуетъ, чтобы существовать; не для себя она существуетъ, а потому и не чрезъ себя; основаніе ея заключается не въ ней самой, а потому очевидно и не въ какомъ-либо изъ ея проявленій, а лишь въ томъ, что возвышается надъ жизнью—въ конечной цѣли ея. Бытіе жизни, слѣдовательно, не есть само абсолютное. Абсолютное—цѣль жизни, а не сама жизнь. Конечная цѣль есть то, что должно существовать, иначе,—сдѣлаться созерцаемымъ, а средствомъ къ тому должна служить жизнь, такъ что жизнь въ сущности есть созерцаемость, обнаруженіе конечной цѣли. Поэтому все создаваемое жизнью, всѣ индивидуальныя формы ея проявленій, вся природа, какъ созерцаемость жизни, все это обуславливается конечною цѣлью, такъ что общая и единая цѣль жизни распадается въ видимой дѣйствительности на множество отдѣльныхъ цѣлей: задача каждаго индивидуума дана ему вмѣстѣ съ его бытіемъ, слѣдовательно не зависитъ отъ его воли, но исполненіе цѣли должно быть свободнымъ его дѣломъ. И такъ какъ цѣльность жизни, будучи безконечною, не можетъ проявиться вполнѣ въ одномъ какомъ-либо индивидуумѣ, то отсюда необходимость происхожденія безконечнаго ряда индивидуумовъ. Но не смотря на

безконечное множество индивидуумовъ, которое составляетъ предметъ созерцанія,—для мышленія *одна* только есть жизнь, и каждый индивидуумъ съ этой точки зрѣнія не что иное, какъ ограниченіе, своеобразное проявленіе этой единой въ себѣ жизни. Дѣйствуя всегда въ формѣ индивидуальной и переходя изъ одной формы въ другую, производя цѣлый рядъ переменъ *во времени*, жизнь сама въ себѣ, т. е. по своей цѣли, остается безъ переменъ и пребываетъ *внѣ времени*; сама по себѣ она—чистая сила безъ субстрата, мыслимая, но недоступная созерцанію, сверхчувственная, духовная. Вотъ какимъ образомъ индивидуумъ, находясь въ чувственномъ мірѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть причастнымъ жизни вѣчной, для чего необходимо только, чтобы онъ родилъ въ себѣ нравственную волю. Воля есть вѣчное въ преходящемъ; воля относится къ міру духовному, невидимому и составляетъ въ немъ такой же первый членъ цѣлаго ряда послѣдствій, долженствующихъ отъ нея произойти, какъ самое дѣло есть первый членъ въ цѣпи матеріальныхъ переменъ. Воля есть живущее и дѣйствующее въ мірѣ разума такъ же, какъ движеніе есть дѣйствующее и живущее въ мірѣ чувственномъ. Я стою въ средоточіи двухъ противоположныхъ міровъ. Посему уже теперь на землѣ я нахожусь въ надземномъ мірѣ, и сама земная жизнь имѣетъ цѣну только потому, что я здѣсь уже обладаю вѣчною жизнью. Что наша добрая воля сама по себѣ должна имѣть послѣдствія, это мы знаемъ уже въ этой жизни, ибо разумъ ничего не повелѣваетъ безцѣльно, но каковы эти послѣдствія и какъ они возможны, это остается для насъ скрытымъ. Въ этомъ отношеніи настоящая жизнь сравнительно съ будущею есть жизнь по *вѣрнѣ*. Въ будущей жизни послѣдствія эти сдѣлаются нашимъ достояніемъ, такъ какъ на нихъ будемъ основывать дальнѣйшую дѣятельность свою, а потому эта другая жизнь, въ отношеніи къ послѣдствіямъ нашей доброй воли, будетъ жизнью *вѣдѣнія* (des Schauens).

П. Липицкій.

(Продолженіе будетъ).

М. Т. ЦИЦЕРОНА

„ТУСКУЛАНСКІЯ БЕСѢДЫ“ КЪ М. БРУТУ

(кн. 1-я).

О БЕЗБОЯЗНЕННОСТИ ПЕРЕДЪ СМЕРТІЮ.

(Продолженіе *).

XXIII. „Что всегда движется, вѣчно. А что даетъ движеніе чему-либо другому, и что само приводится въ движеніе отъ-инуду,—необходимо перестаетъ существовать, коль скоро прекращается движеніе. Итакъ единое только, что само себя движетъ, поелику никогда не бываетъ отдѣленнымъ отъ себя самого,—никогда и не перестаетъ быть въ движеніи: ибо оно прочему, что движется, и есть настоящій источникъ, начало движенія. Для первоначала-же нѣтъ происхожденія. Ибо происходитъ все изъ перваго начала, само-же оно не можетъ произойти отъ чего-либо: ибо не было-бы и первоначаломъ то, что рождалось-бы не отъ себя самого. А что никогда не возникаетъ вновь, то и не идетъ къ паденію. Ибо главенствующее начало, доступное исчезновенію, естественно, ни само не можетъ возродиться отъ другаго, ни другое изъ себя не можетъ произвести, если дѣйствительно необходимо признать, что изъ перваго начала происходитъ все. Отсюда слѣдуетъ, что начало движенія исходитъ отъ того, что само движется отъ себя; оно-же вновь возникнуть, или сокрыться не можетъ: иначе необходимо должны были-бы вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнуть небес-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 4.

ныя сферы, и всякое твореніе прекратить свое существованіе, не обрѣтая вновь силы, которая въ началѣ заставила ихъ двигаться. Такъ какъ теперь явно, что вѣчно то, что само себя движетъ, то найдется-ли такой человѣкъ, который будетъ отрицать, что такая природа дарована душамъ? Ибо то безжизненно, что движется отъ внѣшняго толчка; а что имѣетъ жизнь, то, естественно, будетъ обнаруживать дѣятельность изъ внутренняго и свойственнаго себѣ движенія. Ибо это есть природное свойство и сила души; если между всѣми есть та сила единственная, которая сама по себѣ всегда движется, то, очевидно, она не рождена и вѣчна“.

Пусть всѣ философы толпы при этомъ случаѣ вступятъ въ споръ,—такъ, кажется, слѣдуетъ назвать тѣхъ, которые отступаютъ во мнѣніяхъ отъ Платона съ Сократомъ и ихъ семьи,—они не только никогда не дадутъ столь основательнаго раскрытія предмета, но даже и не поймутъ, съ какою умышленною зоркостію выведено *это* заключеніе. Такимъ образомъ сама душа сознаетъ, что она имѣетъ движеніе; когда-же сознаетъ это, сознаетъ вмѣстѣ и то, что она своею собственною, а не чужою силою движется, и не можетъ ниспасть до того, чтобы быть у самой себя въ забвеніи. Отсюда дѣлается очевидною непрерывная продолжительность ея бытія, если ты чего-либо не имѣешь на это возразить.

Слушатель. Мнѣ даже и на мысль не приходило какое-либо возраженіе, и я этому радъ. Понятно, что я съ полнымъ сочувствіемъ принимаю твое сужденіе.

XXIV Учитель. Какъ? неужели-же ты считаешь не вполне вѣскими тѣ доказательства, которыя дѣлаютъ явнымъ, что въ душахъ людей есть нѣчто божественное? Если-бы я могъ имѣть мнѣніе о томъ, какъ онѣ рождаются, то представлялъ-бы себѣ также и то, какъ онѣ могутъ исчезнуть. Ибо я думаю, что могу говорить, напр., о крови, желчи, влагѣ въ тѣлѣ, костяхъ, нервахъ, кровеносныхъ жилахъ, и наконецъ о ввѣшнемъ видѣ тѣла, о взаимной связи и строеніи его частей: въ отношеніи-же къ душѣ, если-бы въ ней было не большее, чѣмъ то, при посредствѣ чего мы должны жить,—я сталъ-бы думать, что жизнь человѣка поддерживается имѣющимъ въ ея природѣ началомъ,

какъ жизнь виноградной лозы, или дерева; вѣдь мы и къ нимъ относимъ выраженіе: живутъ. Точно также, если-бы душа человека ничего другаго не имѣла, какъ только способность желать или отвращаться, то это послѣднее она имѣла-бы общимъ съ дикими животными. Прежде всего, въ отношеніи свойствъ, нужно сказать, что душа имѣетъ память безчисленныхъ вещей, и притомъ такую, которой не видно и конца,—которую именно Платонъ склоненъ считать памятованіемъ о болѣе ранней жизни—на небѣ. Ибо въ книгѣ, подъ заглавіемъ „Менонъ“, Сократъ спрашиваетъ у маленькаго мальчика, изъ геометріи, объ измѣреніи четырехугольника. На это мальчикъ отвѣчаетъ не иначе, какъ и отрокъ, и при этомъ вопросы столь удобны для рѣшенія, что, давая отвѣты въ постепенномъ чередованіи вопросовъ, онъ приходитъ къ надлежащимъ выводамъ, какъ если-бы былъ обученъ геометріи. Изъ чего Сократъ желаетъ вывести слѣдствіе, что „учиться“ обозначаетъ не другое что, какъ „припоминать“. Объ этомъ предметѣ еще гораздо болѣе подробное и точное разъясненіе онъ даетъ въ бесѣдѣ, происшедшей въ тотъ день, въ который кончилась его жизнь: ибо онъ учитъ, что всякій, который, повидимому, несвѣдущъ ни въ чемъ, давая отвѣты на хорошо поставленные вопросы, уясняетъ себѣ, что онъ не впервые изучаетъ эти вещи, а только вновь ознакомляется съ ними посредствомъ воспоминавія: и что, по истинѣ, было-бы невозможно, чтобы мы имѣли въ душѣ эти, отъ юности посѣянные и какъ-бы запечатлѣнные въ ней, понятія столь многихъ и столь великихъ вещей,—эти такъ называемыя *ἐννοια* ¹⁾, если-бы душа, прежде чѣмъ поселилась въ тѣлѣ, не обнаруживала свою жизнь въ познаніи ихъ. И такъ какъ о чемъ-бы то ни было нельзя сказать, что оно дѣйствительно существуетъ, какъ это высказываетъ Платонъ во многихъ мѣстахъ,—ибо онъ принимаетъ, что ни къ чему не приложимо выраженіе „существуетъ“ изъ того, что появляется и

¹⁾ Нужно замѣтить, что Цицеронъ *ιδεαι* Платона отождествилъ здѣсь съ *ἐννοια* стовковъ. Пусть эти понятія въ нѣкоторой мѣрѣ и родственны, все-таки *ιδεαι* Платона предполагаются возникшими изъ болѣе ранней жизни души, между тѣмъ какъ *ἐννοια* стовковъ представляются абстракціями изъ чувственныхъ впечатлѣній.

исчезаетъ, и что оно имѣетъ силу только относительно одного того, что всегда таково, каково есть, что онъ называетъ *idéa*, — то душа, заключенная въ тѣлѣ, не можетъ узнавать эти вещи, она принесла съ собою познанное, при чемъ удивленію предъ знаніемъ столь многихъ вещей само собою не остается мѣста. И душа не различаетъ ясно существующее немедленно послѣ того, какъ бываетъ переселена въ столь непривычное и неспокойное жилище; но когда осмотрится и снова войдетъ въ обладаніе своими силами, тогда она и узнаетъ это — тѣмъ, что припоминаетъ его себѣ. Итакъ, изучать что-либо не другое значить, какъ припоминать.

А я даже еще въ большей степени удивляюсь памяти, чѣмъ обыкновенно. Какъ представлять ту способность, благодаря которой мы бываемъ помнящими, — какую она имѣетъ силу или откуда возникаетъ? Я не буду доискиваться того, сколь великая память досталась въ удѣлъ Симониду, или Теодекту, какою обладалъ Цинеасъ, посолъ Пирра къ сенату, или въ недавнее время Хармадъ, или Метродоръ, недавно жившій, и нашъ Гортензій ¹⁾: я говорю о памяти всѣхъ людей вообще, наипаче же тѣхъ, жизнь коихъ проходитъ среди высокихъ занятій какою-либо наукою или искусствомъ: сколь величественно духовное содержаніе этихъ людей, трудно и изобразить: столь многое они имѣютъ въ памяти.

XXV. Итакъ, что имѣетъ въ виду наша настоящая рѣчь? Я думаю, что надлежитъ разобратъ, что это за сила и откуда она. Безъ сомнѣнія, душа есть не тоже самое, что сердце, кровь, мозгъ, или атомы; есть-ли же она дыханіе, я не знаю; и я не стыжусь, что я не знаю того, чего не знаютъ вотъ тѣ, какъ они признаются: если я вообще о какомъ-либо темномъ предметѣ могу сдѣлать утвержденіе, то о душѣ я могу засвидѣтельствовать законнымъ образомъ, что она есть божественное, какъ ни понимать ее, т. е. будетъ-ли она дыханіе или огонь.

¹⁾ *Симонидъ*, греческій лирикъ, отъ 554—468 до Р. Хр., считается изобрѣтателемъ мнемотехники. *Теодектъ*, славный ораторъ, ученикъ Исократы (380—338 г. до Р. Хр.). — *Цинеасъ*, Фессалиецъ по рожденію; о его памяти упоминаетъ Плутархъ (vit. Pyrrh. 15). *Хармадъ*, ученикъ Карнеада (процвѣталъ около 110 г. до Р. Хр.). *Метродоръ*, ученикъ и младшій сверстникъ Хармада.

Вѣдь что же можно возразить противъ этого? Всѣмъ священнымъ напоминаю я тебѣ сказать, — думаешь-ли ты, что изъ земной стихіи, въ этой облачной и мглистой атмосферѣ, столь великая сила памяти нашла свой источникъ, и развилась до степени твердаго, опредѣленнаго цѣлаго? Если ты не понимаешь, что она есть *въ своемъ существѣ*, — ты можешь видѣть ея свойства; даже если ты не усматриваешь ея свойствъ, то можешь видѣть, какъ, дѣйствительно, далеко можетъ простираться ея сила. Итакъ какое-же заключеніе отсюда слѣдуетъ? Думать-ли намъ, что въ душѣ есть нѣкая способность къ вмѣщенію, по силѣ которой какъ-бы въ нѣкоторый сосудъ вливается то, что мы помнимъ? Всякій скажетъ, конечно, что недѣло было-бы такъ думать. Ибо можемъ-ли мы какимъ-либо образомъ мыслить ея существо? или какъ мы можемъ вообразить ея внѣшнее, столь разнообразное обнаруженіе, или ея замѣчательно обширную воспріемлемость? или — думать-ли намъ, что душа, какъ воскъ, носить въ себѣ отпечатки, и память есть, *такъ сказать, своего рода слѣды въ душѣ отпечатлѣнныхъ вещей?* Но — какіе въ ней могутъ быть отпечатки словъ, какіе могутъ быть отпечатки самыхъ вещей; и что это наконецъ за величина, столь неизмѣримая по пространству, что можетъ отобразить въ себѣ всѣ эти, столь многочисленныя вещи? А — это далѣе что за сила, которая изслѣдуетъ потаенное, по тому самому и носящая названіе: „способность отыскиванія и домысла?“ Убѣжденъ-ли ты, что она изъ этой земляной и смертной природы и тлѣнной — возникла, — или изъ природы того, который, какъ было въ мысляхъ у высокоумдраго Пиеатора, первый далъ имена всѣмъ вещамъ, или того, который разсѣянныхъ людей собралъ въ одно общество и къ общенію въ жизни призвалъ, или который звукамъ голоса, которые являлись не имѣющими точныхъ границъ, назначилъ опредѣленные предѣлы въ маломъ количествѣ письменныхъ знаковъ, или который предначерталъ путь для теченія звѣздъ, *обходящихъ земную атмосферу*, предѣлы ихъ движенія впередъ, и ихъ мѣсто во вселенной? Не малую услугу оказали намъ, хотя и упредившіе насъ лѣтами, тѣ, которые открыли полевые плоды, указали намъ средство для одѣянія и кровлю и ознакомили съ порядками внѣшней

жизни и средствами защиты противъ звѣрей: приведенные ими опять къ привычкамъ мирной жизни и наблюденью надъ собою, мы отъ искусствъ, непосредственно удовлетворяющихъ жизненнымъ потребностямъ, перенеслись къ болѣе возвышеннымъ. Ибо и для слуха не малое пріобрѣтено утѣшеніе, послѣ того какъ усмотрѣны естественныя свойства звуковъ и открытъ законъ, объединяющій ихъ многообразіе, — и къ находящимся на высотѣ планетамъ мы послѣ того устремляемъ удивленные взоры, — какъ къ тѣмъ, которые укрѣплены неподвижно на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ, такъ и къ тѣмъ, которые блуждаютъ, — во мнѣніи людей, не въ дѣйствительности ¹⁾. Душа, которая усматриваетъ согласное круговращеніе свѣтилъ и всякое движеніе, — тѣмъ самымъ показываетъ, что ея духовное существо, въ нѣкоемъ подобіи, принадлежитъ тому, который назначилъ свѣтиламъ бытіе въ небесной тверди. Ибо когда Архимедъ ²⁾ въ своихъ размышленіяхъ пришелъ къ заключенію, что движенія луны, солнца и пяти планетъ прикрѣплены къ небесной тверди, — онъ поставилъ на видъ то, что создалъ, — какъ говорится въ „Тимей“ Платона, сотворившій вселенную Богъ, — то именно, что движеніями свѣтилъ, различными по медлительности и скорости, совершается единое кругообращеніе. Если въ этомъ мірѣ движеніе не можетъ осуществиться безъ Бога, то и въ высшихъ пространствахъ неба Архимедъ не могъ-бы вообразить это движеніе безъ мысли о божественномъ умѣ, какъ *причинъ его*.

XXVI. Въ моемъ же убѣжденіи, и вотъ эти болѣе извѣстныя и болѣе славящіяся искусства не отчуждены отъ божественнаго вдохновенія, такъ что я думаю, что и поэтъ свою торжественную и полнозвучную пѣснь изливаетъ при пробужденіи души божественнымъ дуновеніемъ, и краснорѣчіе, изо-

¹⁾ Non re, sed vocabulo errantia. Намекъ на слово *πλανήται*. Ср. de nat. deor. I. II: maxime vero sunt admirabiles meatus earum quinque stellarum, quae falso vocantur errantes. Nihil enim errat quod in omni aeternitate conservat progressus et regresus reliquosque motus constantes et ratos.

²⁾ Архимедъ, родившійся 287, ум. 212 г. до Р. Хр., извѣстенъ между прочимъ, какъ устроитель перваго планетарія, или небснаго глобуса (Ср Цицер. de re publ. I, 14 и de nat. deor. II

билующее благозвучными словами и полносодержательными сужденіями, течетъ при содѣйствіи вѣковой высшей силы. Философія-же, питательница всѣхъ наукъ, не есть-ли, какъ говорить Платонъ ¹⁾, нѣкоторый даръ, или-же—какъ сказать представляется мнѣ болѣе справедливымъ—предъказаніе боговъ? Она, отучивъ отъ одичанія, первѣе всего привела насъ къ почитанію боговъ, затѣмъ къ установленію правомѣрной, основанной на законахъ жизни, начало чему уже уготовано было въ самомъ естественномъ союзѣ человѣческаго рода, а затѣмъ къ скромности, и возвышенности настроенія; тѣмъ самымъ она отъ души, какъ-бы отъ глазъ, отогнала мракъ, послѣ чего дѣлается доступнымъ для нашего зрѣнія и находящееся на верху, и поставленное внизу, и ближайшее, и дальнѣйшее, и среднее.

Въ виду этого обстоятельства, мнѣ представляется имѣющею божественное происхожденіе та сила, которая производитъ столь многія и столь великія вещи. Ибо эта память вещей и словъ—что оно такое? или далѣе—эта „способность изобрѣтенія“? не есть-ли это—сила, высшее которой что-либо мы можемъ мыслить развѣ только въ Богѣ? Ибо я не могу думать, что свѣтлое блаженство боговъ можетъ находиться въ зависимости отъ „пищи или питія боговъ“, или „чаши“, предносимой юностью; и я не преклоняю слухъ свой къ словамъ Гомера, который утверждаетъ, что Ганимедъ былъ взятъ съ земли богами ради *тѣлесной* красоты, дабы предносить питье Юпитеру; нѣтъ причины, почему-бы Лаомедонту ²⁾ нужно было терпѣть столь великую несправедливость. Гомеръ, виновникъ этихъ вымысловъ, человѣческое въ данеомъ случаѣ отнесъ къ божеству; а я, напротивъ, желалъ-бы, чтобы онъ божественное сдѣлалъ болѣе понятнымъ для насъ. Что-же есть это божественное? Это—возможность обнаруживать себя въ доброй дѣятельности, имѣть расположеніе къ мудрости, давать мѣсто въ жизни разуму, быть помнящимъ. Отсюда-то, какъ я говорю, и ясно, что душа человека—происхожденія божественнаго; или, какъ осмѣливается говорить Эврипидъ ³⁾, часть божества. И, конечно, если Богъ

1) „Тимей“ τῷ θυητῷ γένοι δωρηθεὶν ἐκ θεῶν.

2) У Гомера отецъ Ганимеда именуется „Тросъ“.

3) Nauck, Trag. graec. fragm: ὁ νοῦς γὰρ ἡμῶν ἐστὶν ἐν ἐκάστῳ θεός.

есть духъ или огонь, то не другое— и душа человѣка. Ибо какъ та небесная природа не причастна землянымъ и влажнымъ частицамъ, такъ и душа человѣка не имѣетъ чего-либо отъ сихъ веществъ. Если-же она есть нѣчто подобное пятой стихіи, впервые указанной Аристотелемъ, то она, по своимъ свойствамъ, и божественна, и духовна. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, я такъ изложилъ его въ своемъ „Утѣшеніи“ ¹⁾.

XXVII. „Начало душъ на землѣ отнюдь не можетъ быть отыскано; ибо въ душахъ нѣтъ ничего такого, что являлось-бы сложенымъ, возросшимъ или возрожденнымъ изъ земли и получившимъ изъ нея матеріаль; ничего въ ней нѣтъ такого, что было-бы напоминающимъ влагу, или дыханіе, или огонь. Ибо въ природахъ этого рода не находится чего-либо, что имѣло бы силу памятованія, ума и мыслительности; ничего такого, что содержало-бы и прошедшее, и предвидѣло будущее, и могло бы уразумѣвать значеніе настоящаго; все это такія свойства, которыя могутъ быть разсматриваемы только, какъ нѣчто божественное, и не возможно мыслию остановиться на какомъ-либо источникѣ, отъ котораго онѣ могли бы произойти, если не отъ Бога. Посему единственная въ нѣкоторомъ родѣ есть природа души,—эта сила, столь далеко стоящая отъ обыкновенно встрѣчаемыхъ и извѣстныхъ намъ природъ. А послѣ этого необходимо заключить, что, какова-бы ни была та сила, которая ощущаетъ, различаетъ, обладаетъ животворною способностью, не оскудѣваетъ,—она есть небеснаго происхожденія и божественныхъ свойствъ, и, въ силу этого, имѣетъ не прекращающееся бытіе. Да и самое божество, о которомъ мы имѣемъ возможность имѣть нѣкое представленіе, не можетъ быть въ иномъ образѣ представляемо *у людей*, какъ только умомъ, независимымъ и свободнымъ, отдаленнымъ отъ всякаго многоразличія тѣлесныхъ, смертныхъ частицъ,—умомъ, все видящимъ и движущимъ и прежде вѣковъ имѣющимъ самодвижущееся, вѣчное бытіе. Вотъ какое происхожденіе имѣетъ человѣческая душа, и вотъ какова ея природа. Гдѣ-же она находится, или ка-

¹⁾ Послѣ смерти своей дочерп Туллиі, Цицеронъ написалъ сочиненіе объ утѣшеніи, по подражанію Крантору, наиболѣе потому, чтобы для себя самого отыскать нѣчто утѣшающее.

кихъ она свойствъ?—Гдѣ твоя собственная душа, или какова она—можешь ты сказать? и если мнѣ не дано разумѣть все, что я желалъ-бы,—то неужели ты не согласишься, что я могу по крайней мѣрѣ дѣлать заключеніе о томъ, что я усматриваю?—Душа не имѣетъ такой силы, чтобы видѣть себя саму; но, какъ глазъ, душа, не видя себя, усматриваетъ другіе предметы. Не видитъ же она того, что наименѣе важно,—своего образа; можетъ быть, даже и это отчасти, но мы не беремъ на себя рѣшительно высказаться объ этомъ; по силу свою, пронизательность ума, памятованіе, движеніе *живаго начала* и несоизмѣримость ея жизни, въ отношеніи быстроты съ тѣлесною жизнію, она, безъ сомнѣнія, видитъ. Всѣ эти качества и суть то, что представляется великимъ, божественнымъ, не подверженнымъ уничтоженію. А какой она имѣетъ обликъ, или гдѣ обитаетъ,—объ этомъ и разысканіе дѣлать не слѣдуетъ“.

XXVIII. Когда мы напр. взираемъ на красоту и ясное сіяніе неба, и на столь великую скорость движенія находящихся въ небесной тверди свѣтилъ, какую представить не можемъ, поочередную смѣну дней и ночей и четырехкратную преемственность временъ года, приспособленную для созрѣванія плодовъ и для цѣлесообразнаго укрѣпленія живыхъ тѣлъ,—и на солнце, которое есть умѣритель и предводитель во всѣхъ этихъ перемѣнахъ,—и на луну, прибавленіемъ и умаленіемъ своего свѣта отмѣчающую и знаменующую дни какъ-бы для обозначенія ихъ въ календарѣ,—затѣмъ на движеніе въ одномъ и томъ же, распределенномъ на двѣнадцать частей, кругѣ пяти звѣздъ, которыя, при всемъ неравенствѣ ихъ хода, съ неуклонностію проходятъ назначенное имъ поприще; когда взираемъ на красоту неба ночью, украшеннаго повсюду созвѣздіями,—и на земной шаръ, возникающій изъ моря ¹⁾, утвержденный въ срединѣ вселенной, обитаемый и обработанный въ двухъ, противоположныхъ въ отношеніи другъ къ другу странахъ, изъ которыхъ одна, заселенная нами,

¹⁾ Такое ошибочное представленіе древнихъ находимъ у Фалеса, Анаксимандра, Пифагора и другихъ.

Тягнется отъ полюса, въ виду семи свѣтилъ, откуда знобящій
Сѣверный вѣтръ съ шумомъ несетъ снѣгъ и морозы ¹⁾;

другая—южная, невѣдомая намъ, которую греки называютъ *ἀντίχθονα* (земля на противоположной сторонѣ отъ насъ); когда мы обратимъ вниманіе на прочія страны, которыя не воздѣланы, или потому, что угнетаются холодомъ, или потому, что подвергаются дѣйствию сильныхъ жаровъ, и затѣмъ на то, что въ той странѣ, гдѣ мы живемъ, неукобнительно въ свое время мы начинаемъ замѣчать

На небѣ яркій блескъ, на древахъ листву пышную,
Лозы пурпурныя съ побѣгами сильными,
Вѣтви погнутыя плодами обильными,
Посѣвы съ жатвой щедрою, расцвѣтъ природы всей,
Ключи изъ почвы бьющіе, ткань луговъ цвѣтовую ²⁾;

когда мы видимъ затѣмъ цѣлыя толпы домашнихъ животныхъ, частію предназначенныхъ давать намъ питаніе, частію служить для обработки полей, частію для передвиженія, частію предназначенныхъ давать намъ средства для одежды,—и когда мы видимъ въ то же время самого человѣка, какъ-бы въ созерцаніи имѣющаго взоры обращенными къ небу, и вмѣстѣ несущаго трудъ воздѣлыванія земли, а также,—что для пользы человѣка служатъ всякія поляны и моря;—можемъ-ли мы послѣ этого сомнѣваться въ томъ, что этимъ вещамъ предшествуетъ бытіе, или какъ Творецъ ихъ если онѣ произошли,—какого мнѣнія держится Платонъ,—или какъ правитель столь громаднаго зданія въ отношеніи къ его службѣ, если допустимъ на минуту, что онѣ, вещи, всегда были, какъ думать склоняется Аристотель? Подобно,—хотя ты и не видишь души человѣка, какъ не видишь Бога, однако, по примѣру того, какъ ты познаешь Бога изъ твореній его, такъ точно божественный образъ въ душѣ ты долженъ узнавать изъ способности памятованія, силы соображенія, изъ быстропреимственности душевныхъ движеній, и многообразной красоты, обнаруживаемой ею при стремленіи къ нравственному идеалу.

¹⁾ Эти два стиха заимствованы изъ „Филоктета“ Акція.

²⁾ Ученые думаютъ, что эти стихи, въ такомъ-же видѣ приведенные Цицерономъ въ сочин. de orator. III, заимствованы Энциемъ изъ „Эвменидъ“ Эсхила.

XXIX. Гдѣ-же ея мѣстопребываніе въ человѣкѣ? Я, съ своей стороны, полагаю, что во главѣ, и могу предпослать основанія, почему такъ думаю. Но какъ-бы ни представлять мѣстопребываніе души въ тѣлѣ,—нѣтъ сомнѣнія, по крайней мѣрѣ, что она въ тебѣ есть.

Какова ея природа? нужно думать, особенная, и ей одной, какъ таковой, свойственная. Но допустимъ, что она—огненная, или по своимъ свойствамъ похожа на дыханіе: это ни мало не измѣняетъ дѣла, изъ-за котораго мы ведемъ рѣчь. Ты только то не упусти изъ вниманія, что если ты Бога познаешь, хотя ты не вѣдѣешь мѣста Его обитанія и образа, такъ нравственно обязанъ ты узнавать и свою душу, хотя-бы ты не зналъ ея мѣстопребыванія и вида. Пусть наши познанія о природѣ совсѣмъ ничтожны,—все-таки, при изученіи свойствъ души, мы ни на минуту не можемъ сомнѣваться относительно того, что въ душѣ нѣтъ ничего сложеннаго, возросшаго изъ тѣлесныхъ частицъ, сплоченнаго, наслоеннаго, двухсоставнаго. А если это такъ и есть, — то, очевидно, невозможное дѣло, чтобы душа отдалилась отъ сознанія самой себя, или изъ цѣлаго раздѣлилась на частицы, или разрушилась въ своемъ существѣ, или разсѣялась безъ остатка; такимъ образомъ исчезнуть она не можетъ. Ибо исчезновеніе есть тоже самое почти, что распаденіе, раздѣленіе, разрывъ тѣхъ частей, которыя раньше исчезновенія держались нѣкимъ связующимъ началомъ.

Этими и подобными соображеніями приведенный къ убѣжденію *въ истинѣ безсмертія души*, Сократъ и не думалъ искать покровителя для защиты на уголовномъ судѣ, и не обращался къ судьямъ съ слезною мольбою о пощадѣ, но обнаружилъ прямодушную твердость,—отъ нравственнаго величія изникающую, а не отъ самомнѣнія: и въ теченіи послѣдняго дня своей жизни *объ этомъ предметѣ* высказалъ много основательнаго, а за нѣсколько дней прежде, хотя и легко могъ быть выведенъ изъ мѣста заключенія, не захотѣлъ этого допустить; наконецъ, держа уже въ рукахъ смертоносную чашу, говорилъ столь краснорѣчиво, что можно было заключить о его убѣжденіи въ томъ, что не на смерть его влекутъ, а онъ восходитъ къ небу.

XXX. Онъ думалъ и высказывалъ именно ¹⁾, что „есть два пути и двойное поприще для душъ, выходящихъ изъ тѣла. Ибо для тѣхъ, которые лишили себя чистоты обыкновенными людскими пороками, и, отдавшись на волю ослѣпляющихъ страстей, запятнали себя проступками въ частной, домашней жизни, или по развращенію совершили невознаградимыя преступленія противъ государства, нарушающія его благосостояніе,— для тѣхъ *посль смерти* предстоить путь не прямой, лежащій въ сторонѣ отъ ^{*} того, который приближаетъ къ жилищу божества; тѣмъ-же, которые соблюли себя чистыми и простосердечными,—которые всего менѣе оказывали послабленія тѣлу, и постоянно старались возвыситься надъ нимъ, и въ оболочкѣ человѣческаго тѣла имѣли предъ взоромъ идеаль высшей жизни, божественной,— для тѣхъ открывається не затруднительный возвратъ къ богамъ, по волѣ которыхъ они пришли на землю. Священнымъ жребіемъ Аполлона—продолжаетъ онъ далѣе— считались лебеди, на томъ основаніи, что они являлись имѣющими отъ него даръ предвидѣнія. И какъ тѣ, по силѣ „божественнаго“ предвидѣнія о томъ, что есть въ смерти добраго, не безъ радостной пѣсни прощаются съ жизнью, — такъ, по его мнѣнію, должны поступать и всѣ добрые и вразумленные отъ другихъ наставленіями. И въ истинѣ безсмертія души никто не могъ-бы сомнѣваться, если-бы съ нами, при сосредоточенномъ размышленіи о душѣ, не случалось того-же, что обыкновенно часто происходитъ съ людьми, напряженно созерцающими солнце въ то время, какъ оно бываетъ скрыто: какъ тѣ съ теченіемъ времени при этомъ совсѣмъ теряютъ способность смотрѣть далѣе, такъ тонкое зрѣніе души, когда оно обращено на нее саму, иногда притупляется, и по этой причинѣ мы теряемъ охоту и ревность къ созерцанію. И вотъ такимъ образомъ, когда наша мысль обуреваются сомнѣніями, блуждаетъ, не зная, на чемъ остановиться и коснѣеть въ страхѣ предъ встрѣчающимися многими противорѣчіями, и наша рѣчь *объ этомъ предметѣ* движется нерѣшительно, какъ-бы на плоту среди безбрежнаго моря“.

¹⁾ Слѣдующія затѣмъ мысли приводятся Цицерономъ почти буквально изъ „Федона“.

Впрочемъ это ученіе—о безсмертіи души—съ давняго времени извѣстно и отъ грековъ заимствовано. У насъ-же Катонъ ¹⁾ такъ отошелъ изъ жизни, что *какъ будто-бы* радовался, что могъ усмотрѣть въ смерти пріобрѣтеніе. Ибо властвующее надъ нашими душами божество воспрещаетъ намъ отселѣ переселяться безъ его воли. Но когда напр. самъ Богъ указалъ-бы истину, какъ въ то время Сократу, въ это Катону, и многократно *другимъ* многимъ, — то не Катонъ, человѣкъ не твердыхъ убѣжденій, а развѣ мудрый могъ-бы пожелать выйти изъ этого мрака къ тому *высшему* свѣту; при этомъ онъ не сталъ-бы разрывать оковы, задерживающія его *въ этой земной* темницѣ, ибо это запрещаютъ законы; но все равно, какъ отъ правителей и законной власти, такъ онъ пошелъ-бы изъ темницы, позванный и изведенный изъ нея Богомъ. Ибо вся жизнь философовъ—говорить тотъ-же Сократъ — есть памятованіе о смерти ²⁾.

Θ. Садовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ М. Порцій Катонъ, т. н. Утическій, умершій въ Утикѣ, въ 46 г. до Р. Хр. Въ ночь, предшествующую смерти, онъ читалъ, какъ утверждаютъ, „Федонъ“ Платона.

²⁾ „Федонъ“ Платона: τὸ μελέτημα αὐτό τοῦτο ἐστὶ τῶν φιλοσόφων, λύσις καὶ χωρισμὸς ψυχῆς ἀπὸ σώματος.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Марта № 6. 1886 года.

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода. — Отъ Правленія Харьковской духовной семинаріи — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Некрологъ. — Объявленія.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

I. Отъ 29 января—25 февраля 1886 года, за № 224, о требованіяхъ для лицъ, возводимыхъ въ діаконскій санъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о замѣщеніи въ нѣкоторыхъ епархіяхъ штатныхъ діаконскихъ мѣстъ при приходскихъ церквахъ лицами, не соотвѣтствующими требованіямъ Высочайше утвержденнымъ въ 16-й день февраля 1885 года правилъ о составѣ приходовъ и причтовъ. Приказали: Высочайше утвержденными въ 16-й день февраля 1885 года правилами, опубликованными для надлежащаго исполненія въ циркулярномъ указѣ Святѣйшаго Синода, отъ 4 марта 1885 года за № 3, постановлено (пунктъ 8): въ діаконскій санъ могутъ быть посвящаемы воспитанники семинарій по окончаніи ими курса, а равно и такія лица, кои по своимъ нравственнымъ качествамъ и познаніямъ будутъ признаны епархіальнымъ преосвященнымъ достойными посвященія въ сей санъ. При этомъ пояснено, что прохожденіе діаконскаго служенія, будучи естественнымъ подготовленіемъ къ священству, соединится, по возможности, съ обязанностями законоучителя и учителя въ начальныхъ школахъ. Между тѣмъ изъ дошедшихъ до Святѣйшаго Синода въ послѣднее время свѣдѣній оказывается, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ на штатныя діаконскія мѣста при приходскихъ церквахъ назначаются лица, которыя по своему образованію и нравственнымъ качествамъ неспособны соединять съ діаконскимъ служеніемъ обя-

занностей законоучителя или учителя въ церковно-приходской школѣ. Принимая во вниманіе, что при возстановленіи въ составѣ причтовъ штатныхъ діаконѡвъ имѣлось въ виду возложить на нихъ, какъ на членѡвъ клира, наименѣе обремененныхъ ежедневными требами по приходу, преподаваніе въ церковно-приходскихъ школахъ Закона Божія и остальныхъ предметовъ, и что возведеніе въ діаконскій санъ лицъ, неподготовленныхъ къ многотрудному дѣлу учительства, создастъ немаловажное затрудненіе для правильной постановки учебной части въ повсемѣстно открываемыхъ церковно-приходскихъ школахъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: подтвердить печатными циркулярными указами всѣмъ епархіальнымъ пресвященнымъ, что по точному разуму Высочайше утвержденныхъ въ 16-й день февраля 1885 года правилъ о составѣ приходѡвъ и причтовъ, въ діаконскій санъ могутъ быть возводимы лица, по благочестной жизни и образованію достойныя служенія въ священномъ санѣ и надлежаще подготовленныя къ учительству въ церковно-приходскихъ школахъ.

II. Отъ 31 января—25 февраля 1886 года, за № 264, по вопросу о приѣмѣ въ семинарію воспитанниковъ духовныхъ училищъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 24 минувшаго января за № 73, журналъ учебнаго комитета, № 34, съ заключеніемъ комитета по возбужденному правленіемъ одной духовной семинаріи вопросу, имѣетъ-ли правленіе семинаріи право не принимать въ семинарію воспитанниковъ духовныхъ училищъ, удостоиваемыхъ правленіями сихъ училищъ перевода въ I классъ семинаріи, въ томъ случаѣ, когда таковыя воспитанники отмѣчаются въ училищныхъ свидѣтельствахъ по поведенію балломъ 3 и со стороны именно поведенія не имѣютъ благопріятной рекомендаціи отъ самаго училищнаго начальства? Приказали: Принимая во вниманіе, что, по силѣ § 116 уст. дух. семинарій, окончившіе курсъ воспитанники духовныхъ училищъ принимаются въ I классъ семинаріи по увольнительнымъ свидѣтельствамъ, въ коихъ обозначается право поступленія ихъ въ семинарію, а по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 19—29 октября 1883 года, семинарскія правленія могутъ дѣлать выборъ между училищными воспитанниками, представившими означенныя свидѣтельства, только въ томъ случаѣ, когда въ упомянутомъ классѣ не имѣется вакансій для принятія всѣхъ, удостоенныхъ перевода, Свя-

тѣйшій Синодъ опредѣляетъ: въ разрѣшеніе вышеизложеннаго вопроса, разъяснить, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“: 1) правленіямъ духовныхъ семинарій—а) что они не должны отказывать въ приѣмѣ въ I классъ семинаріи никому изъ тѣхъ окончившихъ курсъ училищныхъ воспитанниковъ, которые удостоены перевода въ семинарію училищными правленіями, и могутъ дѣлать выборъ между такими воспитанниками только въ случаѣ, указанномъ въ вышеприведенномъ синодальномъ опредѣленіи; б) въ тѣхъ же случаяхъ, когда окончившіе курсъ училищные воспитанники, не удостоены перевода въ семинарію и имѣющіе по поведенію баллъ 3, будутъ, наравнѣ съ лицами, получившими домашнее образованіе, просить о допущеніи ихъ къ приѣмнымъ испытаніямъ для поступленія въ семинарію, семинарскія правленія обязываются, примѣнительно къ опредѣленіямъ Святѣйшаго Синода, отъ 31 января—18 марта 1868 г. и 1 февраля—8 марта 1874 г. (Собран. пост. Св. Синода по учебн. части, изд. 1880 г. стр. 79), требовать отъ училищныхъ правленій обстоятельныхъ свѣдѣній о характерѣ, направленіи и степени благонадежности такихъ воспитанниковъ и на основаніи этихъ свѣдѣній дѣлать постановленія о допущеніи, или недопущеніи ихъ къ приѣмнымъ испытаніямъ; 2) предписать училищнымъ правленіямъ, чтобы они, пользуясь предоставленнымъ имъ правомъ удостоивать перевода въ семинарію окончившихъ курсъ училищныхъ воспитанниковъ, руководились строгою осмотрительностію и принимали во вниманіе не одни успѣхи ихъ въ наукахъ, но и благонравіе, различая проступки, происходящіе отъ дѣтской рѣзвости, отъ проступковъ, свидѣтельствующихъ о нравственной испорченности, и въ семъ послѣднемъ случаѣ вовсе не удостоивая перевода въ семинарію; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, сообщить въ „Церковный Вѣстникъ“ выписку изъ настоящаго опредѣленія.

Отъ Правленія Харьковской духовной семинаріи.

На благолѣпіе семинарской Іоанно-Богословской церкви поступили пожертвованія отъ нижеслѣдующихъ церквей, священниковъ, причтовъ и церковныхъ старостъ 2-го благочинническаго округа Ахтырскаго уѣзда: отъ причта и церковнаго старосты села Тростьянца Благовѣщенской церкви—5 р., отъ церкви въ селѣ Каменницкомъ 2 р., отъ Рождество-Богородичной церкви въ селѣ Каменкѣ 2 р., отъ Антоніевской церкви въ селѣ Криничномъ 1 р., отъ

Косьмо-Даміановской церкви въ селѣ Людждѣ 1 р.; отъ священниковъ: села Пожни Покровской церкви о. Николая Яковлева 3 р., села Дерновой о. Павла Щербины 1 р., села Солдатскаго Василіевской церкви о. Георгія Бородаева 1 р., села Ницахи Тихоновской церкви о. Василя Полтавцева 2 р., села Никитовки о. Іоанна Краснопольскаго 1 р., села Семеренекъ Николаевской церкви о. Николая Кремновскаго 1 р., отъ церковныхъ старостъ: слободы Бѣлки Николаевской церкви 2 р., села Печинъ Архангело-Михайловской церкви Ѳедора Конева 1 р. и села Никитовки Василя Пушкаря 1 р., всего 24 р. сер. Деньги эти поступили при отношеніи благочиннаго священника Василя Ѳедорова.

Изъявляя искреннюю благодарность названнымъ почтеннымъ жертвователямъ, Правленіе Харьковской духовной семинаріи считаетъ приятнымъ долгомъ благодарить и о. благочиннаго Василя Ѳедорова за содѣйствіе къ поступленію исчисленныхъ пожертвованій.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священникъ Троицкой церкви села Должика, Лебединскаго уѣзда, *Константинъ Труфановъ*, 11 февраля н. г., волею Божіею умеръ.

— Священники: Іоанно-Предтечевской церкви слоб. Рябушекъ Лебединскаго уѣзда, *Іоаннъ Ситенко* и Николаевской церкви села Стараго, Сумскаго уѣзда, *Поликарпъ Слосаревъ*, Его Преосвященствомъ, 28 февраля н. г., переимѣнены одинъ на мѣсто другаго.

— Определенный священникомъ къ Димитріевской церкви слоб. Стецковки, Сумскаго уѣзда, надзиратель-учитель Ахтырскаго духовнаго училища *Іванъ Виноградскій* Его Преосвященствомъ 1 марта н. г. рукоположенъ во священника къ сей церкви.

— На священническое мѣсто при Всѣхсвятской церкви слоб. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, 13 марта н. г. переимѣненъ священникъ Покровской церкви слоб. Бригадировки, Богодуховскаго уѣзда, *Георгій Гревизирскій*.

— Окончившій курсъ Харьковской духовной семинаріи *Іванъ Филевскій* рукоположенъ во священника къ Крестовоздвиженской церкви сл. Лимана Зміевскаго уѣзда.

— Священникъ Крестовоздвиженской церкви сл. Лимана Зміевскаго уѣзда *Николай Лукашевъ* уволенъ, согласно его прошенію, по слабости здоровья за штатъ.

— Духовниками къ церквамъ Изюмскаго уѣзда утверждены: во 2-й благочиннической округъ священникъ *Павель Полтавцевъ* и въ 3-й округъ священникъ *Димитрій Ковалевскій*.

— Псаломщикъ домовой Святодуховской церкви при Сумской Александровской гимназій *Алексій Переверзевъ* Его Преосвященствомъ рукоположенъ во діакона къ сей-же церкви.

— Псаломщикъ Николаевской церкви сл. Новой Водолаги, Валковскаго уѣзда, *Григорій Павловскій* рукоположенъ во діакона къ Покровской церкви села Малой Писаревки Богодуховскаго уѣзда.

— Діаконъ церкви слободы Малиновой, Зміевского уѣзда, *Александръ Школьницкій* утвержденъ штатнымъ діаконѣмъ, а сверхштатный причетникъ той-же церкви *Григорій Львовиковъ* — штатнымъ псаломщикомъ.

— Псаломщикомъ къ Рождество-Богородичной церкви слоб. Борозли, Ахтырскаго уѣзда, опредѣленъ окончившій курсъ въ Ахтырскомъ духовномъ училищѣ *Митрофанъ Македонскій*.

— Псаломщики церквей: Александро-Невской с. Битицы, Сумскаго уѣзда, *Димитрій Санухинъ* и Георгіевской с. Степановки, того-же уѣзда, *Іоаннъ Ястремскій*, Его Преосвященствомъ переимѣнены одинъ на мѣсто другого.

— Заштатный псаломщикъ Троицкой церкви села Поповки, Богодуховскаго уѣзда *Алексій Дзюбановъ* допущенъ къ исправленію должности псаломщика при Рождество-Богородичной церкви села Ставничнаго, Богодуховскаго уѣзда.

— Сынъ дьячка *Стефанъ Котляревскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Николаевской церкви слоб. Новой Водолаги Валковскаго уѣзда.

— Староста Николаевской церкви села Груян, Лебединск. уѣзда, крестьянинъ *Иларіонъ Лажтарина* Его Преосвященствомъ награжденъ похвальнымъ листомъ.

— Старостою къ Ахтырской Архангело-Михайловской церкви утвержденъ крестьянинъ *Савва Марковъ Остапенко*.

— Избранный прихожанами Покровской церкви села Козѣвки, Богодуховскаго уѣзда на должность церковнаго старосты къ сей церкви на первое трехлѣтіе крестьянинъ *Іванъ Темнохудъ* еперхіальнымъ начальствомъ утвержденъ въ сей должности.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а.

Троицкой церкви слоб. Ганнусовой Староб. уѣзда, псаломщикъ *Щелковскій* удаленъ отъ мѣста; мѣсто праздно.

— При Старобѣльскомъ соборѣ настоятеля и при Богоявленской церкви слоб. Молодоваго Волч. уѣзда — мѣсто священника.

— Псаломщикъ Николаевской церкви слоб. Николаевки, Изюмск. уѣзда, *Павелъ Павловскій* 9 марта умеръ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Содержаніе: Ходатайство о бесплатномъ обученіи дѣтей лицъ служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. — Предполагаемое учрежденіе самостоятельной кафедры исторіи и обличенія раскола въ духовныхъ семинаріяхъ. — Увеличеніе сроковъ дѣйствительной военной службы для лицъ высшаго и средняго образованія. — Пересмотръ положенія и программы учительскихъ семинарій. — Стѣнные публичныя читальни. — Потребность въ сельскихъ библіотекахъ. — По поводу злоупотребленій спиртными напитками. — Къ вопросамъ объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства и промышленности. — Объ открытіи Сибирскаго университета. — Примѣненіе закона; воспрещающаго употребленіе вѣнковъ въ погребальныхъ процессіяхъ. — Дѣятельность комиссіи оздоровленія Россіи. — Печать на международномъ рынкѣ и въ Россіи. — Некрологъ.

— „Соврем. Извѣст.“ сообщаютъ, что высокопреосвященнѣйшій митрополитъ С.-Петербургскій и Новгородскій Исидоръ обратился къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода съ ходатайствомъ о томъ, чтобы на дѣтей лицъ, служащихъ при среднихъ и низшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ (семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ) распространено было предоставленное § 13 устава гимназій и прогимназій право бесплатнаго обученія дѣтей лицъ, служащихъ или служившихъ при учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Г. Оберъ-Прокуроръ обратился по этому предмету къ г. министру народнаго просвѣщенія, который, въ свою очередь, предложилъ на дняхъ попечителямъ округовъ доставить въ министерство списки за 1884 и 1885 гг. всѣхъ учениковъ, обучающихся въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія изъ дѣтей лицъ, служащихъ или служившихъ въ учебныхъ заведеніяхъ православнаго духовнаго вѣдомства, при чемъ начальствующимъ лицамъ предлагается высказать свое заключеніе по поводу вышесказаннаго предположенія высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора.

— По уставу 1884 года во всѣхъ безъ исключенія духовныхъ семинаріяхъ было сдѣлано обязательнымъ преподаваніе исторіи и обличенія русскаго раскола и преподаваніе это было поручено учителямъ общей и русской церковной исторіи. Въ настоящее время, въ виду и безъ того многосложныхъ занятій ихъ, а съ другой стороны и въ виду лучшей постановки преподаванія этихъ предметовъ, въ Святѣйшемъ Синодѣ предположено учредить по всѣмъ семинаріямъ отдѣльныя, самостоятельныя кафедры исторіи и обличенія русскаго раскола съ тѣмъ, чтобы преподаватель этихъ предметовъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязательно велъ и собесѣдованія съ заблуждаю-

щимися. Вопросъ останавливается теперь только за тѣмъ, откуда изыскать средства на содержаніе вновь открываемыхъ кафедръ.

— Высочайше утверждено 10 февраля и объявлено 12 марта миѣніе государственнаго совѣта объ увеличеніи срока дѣйствительной военной службы для лицъ, получившихъ высшее и среднее образование, и о вызываемыхъ этою мѣрою измѣненіяхъ въ уставѣ о воинской повинности. По новому закону, „окончившіе полный курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ перваго или втораго разряда, поименованныхъ въ приложеніи къ статьѣ 53 устава о воинской повинности (по прод. 1879 г.) и въ дополнительныхъ къ нему узаконеніяхъ, равно какъ окончившіе курсъ шести классовъ гимназій или реальныхъ училищъ, или втораго класса духовныхъ семинарій, а также выдержавшіе соотвѣтствующее одному изъ сихъ курсовъ испытаніе, состоятъ на дѣйствительной службѣ два года и въ запасѣ арміи тринадцать лѣтъ. Этимъ лицамъ предоставляется поступать въ войска по окончаніи учебнаго курса или по выдержаніи испытанія, не ожидая времени, назначеннаго для производства призывовъ. Вольноопредѣляющіеся, выдержавшіе испытаніе изъ курса учебныхъ заведеній перваго разряда или изъ курса учебныхъ заведеній втораго разряда, въ указанномъ въ пунктѣ 3 статьи 171 устава о воинской повинности объемѣ, именуются вольноопредѣляющимися перваго разряда и обязаны прослужить на дѣйствительной службѣ въ войскахъ одинъ годъ. Вольноопредѣляющіеся, выдержавшіе испытаніе по особой программѣ, устанавливаемой по соглашенію министровъ военнаго и народнаго просвѣщенія (уст. воин. повин. ст. 173 п. 3), именуются вольноопредѣляющимися втораго разряда и обязаны прослужить на дѣйствительной службѣ въ войскахъ два года.

— Газеты сообщаютъ, что министерство народнаго просвѣщенія озабочено въ настоящее время пересмотромъ положенія программъ преподаванія и инструкціи для учительскихъ семинарій, въ виду лучшаго согласованія всего ихъ учебнаго и воспитательнаго строя съ будущимъ назначеніемъ ихъ питомцевъ. Съ этою цѣлію обращено особенное вниманіе на религіозную сторону обученія и воспитанія учениковъ семинарій, а также на то, чтобы они, слѣдуя болѣе упрощенной программѣ курса, пріобрѣтали твердыя знанія въ Законѣ Божіемъ, русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ и ариѳметикѣ и такимъ образомъ выносили въ жизнь самыя необходимыя для народнаго учителя основательныя свѣдѣнія. Комиссія, на которую возложенъ этотъ трудъ, нынѣ, какъ слышно, уже оканчиваетъ свои занятія, а выработанныя ею инструкція и программы

въ непродолжительномъ времени должны поступить на утвержде-
ніе высшаго начальства.

— Въ просвѣтительныхъ видахъ все больше входитъ въ прак-
тику устроене такъ называемыхъ стѣнныхъ публичныхъ читаленъ.
Кромѣ С.-Петербурга и Москвы такая читальня устроена и въ Кие-
вѣ, у главнаго входа въ св. Михайловскій Златоверхій монастырь.
„Въ особыхъ витринахъ (по словамъ мѣстной газеты) выставляют-
ся воскресныя или праздничныя евангельскія чтенія, съ краткимъ
изъясненіемъ каждаго стиха отдѣльно и текстомъ евангельскаго
чтенія будущей недѣли; житіе какого-нибудь особенно чтимаго на-
родомъ святаго, напр. св. великомученицы Варвары, и вмѣстѣ на-
зиданія, какъ подобаешь христіанину проводить дни масляницы,
великій постъ и т. п. церковныя установленія. Кромѣ того, между
папертью и смежной стѣнной монастырской оградой устроено нѣчто
въ родѣ читальной комнаты, гдѣ на длинной высокой досчатой пло-
щадкѣ (столѣ) размѣщены около ста религіозно-нравственныхъ ко-
роткихъ статей, которыя наклеены на твердую картонную бумагу
и прикрѣплены проволокой, такъ что свободно раздвигаются. Здѣсь
могутъ сразу свободно пользоваться чтеніемъ 10—15 челевѣкъ. На
концѣ читальнаго стола сдѣланы крытыя башенки, въ которыя
подвижная читальня въ непогодные дни и часы можетъ быть сдви-
гаема. Около витринъ и стола постоянно можно встрѣтить по нѣ-
сколько благоговѣнно читающихъ простолюдиновъ и старичковъ въ
военныхъ поношенныхъ шинеляхъ или богомольцевъ, пришедшихъ
изъ разныхъ мѣстъ „поклониться святынямъ“ кievскимъ. Въ празд-
ничные дни читающіе просто толпятся около новой читальни, по-
казывая, какъ велика потребность въ народѣ въ нравственномъ на-
зидательномъ чтеніи“.

— Съ распространеніемъ грамотности возрастаетъ въ народѣ по-
требность въ чтеніи, но удовлетворенію ея препятствуетъ почти
полное отсутствіе сельскихъ библиотекъ. Въ виду этого нельзя не
отмѣтить полезнаго усердія священника с. Талалаевки, Ромен. уѣзда,
Кievской губерніи, по инициативѣ котораго мѣстные крестьяне, въ
высокочтимый крестьянами день 19 февраля, постановили: въ па-
мять двадцатипятилѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной
зависимости, устроить при мѣстной народной школѣ сельскую ду-
ховно-нравственную библиотеку. Подъ умѣлымъ руководствомъ па-
стыря, эта библиотека можетъ служить важнымъ средствомъ духов-
но-нравственнаго просвѣщенія народа.

— На народномъ здоровіи крайне вредно отзывается, между про-

чимъ, злоупотребленіе спиртными напитками. Къ сожалѣнію, новая питейная реформа, отъ которой еще недавно ожидали добрыхъ послѣдствій и для народнаго здравія, врядъ-ли принесетъ значительную пользу въ этомъ отношеніи, а равно и въ отношеніи народной нравственности и матеріальнаго благосостоянія крестьянъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, заставляютъ думать корреспонденціи многихъ газетъ, на примѣръ „Моск. Вѣдомостей“, въ которыхъ на дняхъ въ указанномъ смыслѣ высказался одинъ предводитель дворянства, состоящій вмѣстѣ и предсѣдателемъ уѣзднаго по питейнымъ дѣламъ присутствія, — корреспонденціи „Русс. Вѣдомостей“, гдѣ сообщается объ увеличеніи во многихъ селеніяхъ числа кабаковъ (подъ разными названіями) и о придумываемыхъ кабатчиками-конкурентами всяческихъ махинаціяхъ для спаиванья крестьянъ, — наконецъ, корреспонденціи „Кіевлянина“, свидѣтельствующія о томъ, что цѣль новаго закона не достигается и на югѣ, по милости еврейской хитрости и русской безхарактерности. Приговоры трезвости — не болѣе какъ фикція. Такъ, въ одномъ изъ селъ Уманскаго уѣзда „торговля питіями воспрещена по приговору, между тѣмъ, въ дѣйствительности, тамъ осталось все по прежнему, и толпы пьяныхъ, и безобразія пьянаго разгула; только то и ново, что нѣтъ законнаго шинка, который восполняется еврейскимъ радушіемъ въ видѣ безпатентной торговли“.

— Водка въ конецъ раззоряетъ инья крестьянскія хозяйства, которыя и безъ нея находятся иногда въ весьма жалкомъ состояніи. Такъ изъ Карсанова пишутъ „Новостямъ“, что „платежныя силы Карсановскаго уѣзда находятся въ состояніи крайняго упадка“ и что податной инспекторъ призналъ, „что крестьянскому населенію Карсановскаго уѣзда необходима самая дѣйствительная льгота въ платежѣ податей и сборовъ“.

— На экономическомъ бытѣ крестьянъ неблагопріятно отражается и почти полное незнакомство ихъ съ болѣе рациональными способами земледѣлія. Газета „Новости“, основываясь отчасти на сообщеніяхъ „Волжскаго Вѣстника“, въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ доказываетъ, что самое первое условіе улучшенія крестьянскаго хозяйства заключается въ распространеніи среди сельскаго населенія усовершенствованныхъ приемовъ полеводства. Теперешнюю систему крестьянскаго хозяйства газета называетъ „хищническою культурою крестьянской земли“, при чемъ, между прочимъ, указываетъ на обезсиленіе почвы вслѣдствіе посадки однихъ и тѣхъ же злаковъ.

— Русскій крестьянинъ не всегда умѣетъ съ наибольшей пользой для себя примѣнить свой трудъ, отъ чего опять терпитъ его благосостояніе. Такъ, русскіе кустари, общее число которыхъ опредѣляется отъ 4 до 6 милліоновъ, до сихъ поръ, по словамъ „Недѣли“, „стоятъ на точкѣ самаго первобытнаго технического развитія“. Зависитъ это не отъ склонности кустарей къ рутинѣ, и не отъ неподатливости ихъ къ нововведеніямъ и улучшеніямъ, а отъ того, что они лишены возможности узнавать объ этихъ улучшеніяхъ. Указанія научной техники достигаютъ до кустарей лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Часто кустари пытаются достигать улучшеній въ производствѣ собственною изобрѣтательностью; но въ лучшемъ случаѣ изобрѣтаютъ то, что уже давно изобрѣтено и часто замѣнено лучшимъ, а чаще только напрасно тратятъ время и трудъ, не имѣя возможности подвинуться ни на шагъ впередъ. Кустари съ жадностью стремятся узнавать улучшенія и нововведенія, и разъ имъ это удастся, новый способъ находитъ быстрое распространеніе.

— Открытіе Сибирскаго (Томскаго) университета было назначено на 9-е число іюля текущаго года. Въ настоящее время планъ этотъ отмѣненъ по той причинѣ, что историко-филологическій факультетъ, составъ профессоровъ коего уже былъ подобранъ, не можетъ быть открытъ. Предполагалось, что семинаристамъ будетъ разрѣшено поступленіе въ Сибирскій университетъ, что, такимъ образомъ, недостатка въ студентахъ историко-филологическаго факультета не будетъ, семинаристы имѣлись въ виду и для юридическаго факультета. Но между министромъ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроромъ Св. Синода соглашенія по этому поводу не состоялось. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія поэтому теперь поднятъ вопросъ о разрѣшеніи воспитанникамъ реальныхъ училищъ поступать въ Сибирскій университетъ, которые могутъ пополнять факультеты юридическій и медицинскій или физико-математическій. Вопросомъ этимъ министерство народнаго просвѣщенія сильно озабочено, такъ какъ отстроенное зданіе Сибирскаго университета, на средства частныхъ жертвователей, по условію, должно получить свое первоначальное назначеніе. Назначенный было ректоромъ этого университета, профессоръ Московскаго университета А. С. Павловъ, отказался отъ этой должности. Поэтому министерствомъ былъ вызванъ профессоръ Казанскаго университета г. Осокинъ. Результатъ пока неизвѣстенъ: согласился-ли онъ или не согласился принять должность ректора Сибирскаго университета; ему еще до А. С. Павлова была предлагаема эта должность, но онъ отказался.

— Петербургскій градоначальникъ, въ видахъ наиболѣе точнаго исполненія Высочайше утвержденнаго постановленія Св. Синода о воспрещеніи употребленія вѣнковъ при погребальныхъ процессіяхъ, предписалъ чинамъ столичной полиціи принять къ руководству слѣдующія указанія: 1) ношеніе вѣнковъ при всякихъ погребальныхъ процессіяхъ воспрещается безусловно; 2) не воспрещается возложеніе вѣнковъ на гробы при томъ условіи, чтобы на вѣнкахъ, возлагаемыхъ на гробы, не было никакихъ надписей, ни эмблемы погребяемаго, и 3) при затруднительности возложить вѣнки на гробъ по случаю-ли большихъ размѣровъ вѣнковъ или по случаю обилія ихъ, вѣнки могутъ быть отправляемы прямо на кладбище совершенно отдѣльно отъ процессіи и тамъ возлагаемы на могилу усопшаго.

— Въ Петербургѣ учреждена комиссія объ оздоровленіи Россіи. По свѣдѣніямъ газеты „Врачъ“, она уже приступила къ своей дѣятельности и обратилась съ просьбой о содѣйствіи къ цѣлому ряду врачей спеціалистовъ. Такъ, приглашены акушеры по вопросу о мѣрахъ для ограниченія послѣродовыхъ заболѣваній и гнойнаго воспаленія глазъ у новорожденныхъ; окулистамъ сдѣланы запросы о мѣрахъ, могущихъ сократить число лицъ, теряющихъ зрѣніе и преждевременно слѣбнущихъ. Запросы комиссіи посланы не однимъ только представителямъ спеціальныхъ кафедръ, но и многимъ врачамъ, заявившимъ свою компетентность по какой бы то ни было отрасли врачебной науки. Отъ многихъ лицъ уже полученъ откликъ на приглашеніе. Вмѣстѣ съ симъ заявляется, что комиссія съ благодарностью приметъ всякаго рода указанія и отъ лицъ не приглашенныхъ прямо къ участию въ занятіяхъ. Заявленія эти должны быть адресованы: либо на имя редактора „Врача“, либо на имя предсѣдателя комиссіи профессора С. П. Боткина (С.-Петербургъ, Галерная ул., собственный домъ).

— Въ газетѣ „Новости“ помѣщена статья, принадлежащая г. А. М—скому, озаглавленная „Печать на международномъ рынкѣ и у себя дома“. Въ наше время литературныя произведенія имѣютъ свою рыночную цѣну. По справедливому замѣчанію автора статьи, „богатый литературою народъ пользуется своимъ духовнымъ богатствомъ не для однихъ высшихъ цѣлей, но и для пріобрѣтенія матеріальныхъ благъ. Онъ выступаетъ съ своимъ литературнымъ товаромъ на международный рынокъ и производитъ милліонные обороты этимъ товаромъ, то наклоняя торговый балансъ въ свою пользу, то уступая силѣ давленія достигшаго большаго совершен-

ства соперника“. Далѣе авторъ приводитъ статистическія данныя вывоза и привоза „литературнаго товара“ за 1884 годъ.

	По вывозу.	По привозу.	Разность.
	въ тысячахъ метал.		рублей.
Великобританіи	7,377	1,298	+6,079
Германіи	7,500	2,561	+4,939
Франціи	6,400	6,675	— 257
Австро-Венгріи	2,838	6,293	—3,415
Сѣв.-Ам. Соедин. Штатовъ . .	1,834	4,716	—2,882
Россіи (по зап. границѣ) . . .	130	2,716	—2,586

Отсюда видно, что большія государства западной Европы ежегодно производятъ оборотовъ на международномъ литературномъ рынкѣ отъ 8½ (Великобританія) до 9 (Австро-Венгрія), 10 (Германія) и свыше 13 (Франція) милліоновъ рублей золотомъ. По одному вывозу обороты Великобританіи и Германіи, каждой въ отдѣльности, превышаютъ 7 мил., склоняя торговый балансъ въ пользу англійскихъ и германскихъ производителей на 6 и на 5 милліоновъ. Вывозъ Франціи нѣсколько слабѣе и немного перевѣшивается привозомъ. Австро-Венгрія и Соединенные Штаты являются главными потребителями иностраннаго литературнаго товара, первая—германскаго, послѣдніе—англійскаго, по преимуществу.

Что касается Россіи, то хотя вывозъ ея представляется ничтожнымъ, за то привозъ достигаетъ почтенной цифры 2, 7 мил.; при чемъ, по словамъ автора, „на однѣ книги, печатанныя на иностранныхъ языкахъ, издерживается почти 2,2 мил. руб. золотомъ. Не надо забывать, что приведенныя величины минимальны и представляютъ далеко не полную картину международныхъ оборотовъ печати, такъ какъ въ таможенныя вѣдомости не заносятся книги, провозимыя путешественниками въ багажѣ, и отправленія бандерольныя, между которыми видную роль играютъ періодическія изданія. Чтобы дать понятіе объ *относительныхъ* размѣрахъ ввоза къ намъ литературнаго товара, достаточно, кажется, сдѣлать слѣдующее сопоставленіе: стоимость ежегодно получаемыхъ въ Россіи произведеній иностранной печати превышаетъ стоимость привоза льняныхъ и пеньковыхъ, равно какъ и хлопчато-бумажныхъ издѣлій; она больше стоимости привоза часоваго товара и экипажей, вмѣстѣ взятыхъ, и больше суммы, издерживаемой нами ежегодно на покупку иностранныхъ судовъ морскихъ и рѣчныхъ, паровыхъ и парусныхъ, желѣзныхъ и деревянныхъ; ближе всего она подходитъ къ общему итогу ввоза издѣлій изъ золота, серебра, платины, бронзы мѣди и ла-

туни, мѣдныхъ сплавовъ и чугуна, вмѣстѣ съ пошлинами, но превышаетъ и этотъ итогъ на сотню тысячъ рублей. Изъ всѣхъ категорій привозныхъ фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ издѣлій, за исключеніемъ издѣлій изъ шерсти, стали и желѣза, машинъ и аппаратовъ, самою расходною для насъ является категорія иностранной печати. Можно удивляться, что наши ультра-протекціонисты еще не подняли вопроса объ огражденіи отечественнаго слова отъ иноземнаго соперничества и ограничились наложеніемъ пошлины на издаваемые за границею русскія книги, т. е. занялись таможенною охраною барышей издательскихъ фирмъ и типографій въ ущербъ авторскому труду и изиществу изданій.“

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

1886 года 26 января, послѣ напутствованія Св. Тайнствами Церкви, тихо и мирно скончался на 74 году отъ рожденія, достопочтеннѣйшій духовникъ 2 благочинническаго округа г. Славянска Троицкой церкви протоіерей Дмитрій Іоанновичъ Щенинскій.

Покойный о. протоіерей окончилъ курсъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ въ 1833 г., рукоположенъ во священника къ Славянской Введенской церкви въ 1834 году. По назначенію епархіальнаго начальства 17 лѣтъ проходилъ должность увѣщателя при Славянской конно-эталной стражѣ пересылочныхъ въ Сибирь. 1840 г. послѣ упраздненія старой Введенской церкви, переведенъ въ Троицкую церковь. За отлѣчное исполненіе пастырскихъ обязанностей награжденъ набедренникомъ въ 1843 г., проходилъ должность паставника Славянскаго сельскаго училища съ 1843 по 1854 годъ; въ 1858 году Всемилостивѣйше награжденъ скуфьею, въ 1867 гъ камялавкою, въ 1869 году опредѣленъ духовникомъ по 2 округу Изюмскаго уѣзда, въ 1875 году возведенъ въ санъ протоіеря, въ 1881 году Всемилостивѣйше награжденъ наперснымъ крестомъ, въ 1884 г. за пятидесятилѣтнюю службу въ санѣ іеря Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Владимира 4-й степени. Имѣлъ бронзовый наперсный крестъ въ память войны 1853—1856 гг. Въ 1884 г. февраля 3 дня исполнилось 50-лѣтіе его пастырской службы. По сему случаю духовенство и многіе изъ свѣтскихъ почитателей юбиляра почтили его торжественнымъ выраженіемъ своего глубокаго уваженія къ пастырскимъ его трудамъ и заслугамъ.

Покойный о. протоіерей былъ кротокъ и незлобивъ сердцемъ, съ замѣчательнымъ тактомъ держалъ себя въ приходѣ и влиялъ на него съ авторитетомъ. Мы видѣли въ немъ ревностнаго исполнителя своихъ обязанностей по службѣ и примѣрнаго отца семейства, состоящаго изъ 8 дѣтей,

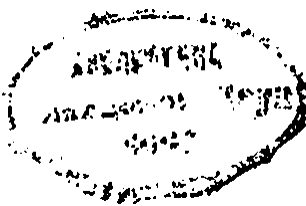
которыхъ онъ воспиталъ на собственные средства. Одинъ сынъ его священникомъ въ Ставропольской губерніи, другой учителемъ въ С.-Петербургской гимназіи, третій тоже на гражданской службѣ, двѣ дочери за священниками, изъ коихъ одна вдова все время жила при отцѣ, третья дочь въ замужествѣ, четвертая—дѣвица осталась непристроенною.

Все свои средства покойный о. протоіерей употреблялъ на воспитаніе своего многочисленнаго семейства и послѣ него остался только домъ съ надворными постройками.

Погребеніе надъ умершимъ, послѣ Божественной литургіи, совершено было мѣстнымъ благочиннымъ при участіи 4 священниковъ и 3 діаконѣвъ. По литургіи произнесено было прочувствованное слово священникомъ о. Іоанномъ Дмитріевымъ.

Надгробная рѣчь, какъ послѣдняя дань уваженія къ усопшему, сказана была мѣстнымъ благочиннымъ. Церковь не вмѣщала всѣхъ, пришедшихъ воздать послѣдній долгъ уважаемому пастырю; многіе тихо плакали и всѣ молились о упокоеніи души новопреставленнаго. Царство небесное и вѣчный покой тебѣ, достоуважаемый усопшій собратъ нашъ.

Благочинный протоіерей *Теодоръ Любарскій*.

ВЪ МОСКОВСКОЙ СУНОДАЛЬНОЙ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ

(на Никольской улицѣ)

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ. МЕЖДУ ПРОЧИМИ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Церковной печати:

Акаеисты. Великомуч. Варварѣ, въ 32 д. съ кнн. въ печ. об. цѣна 10 к. вѣсь 1 ф. Св. Николаю, въ 32 д. съ кнн. въ печ. об. цѣна 10 к., вѣсь 1 ф. Преподобному Сергію, въ 32 д. съ кнн. въ печ. об. цѣна 10 к., вѣсь 1 ф. Успенію Пресв. Богородицы, въ 32 д. съ кнн. въ печ. об. цѣна 10 к., вѣсь 1 ф. Алфавитъ духовный, въ 8 д. въ кож. цѣна 45 к., вѣсь 2 ф., въ кор. цѣна 35 к., вѣсь 2 ф., въ бум. цѣна 30 к., вѣсь 1 ф. Апостоль, въ 8 д. съ кнн., въ кож. цѣна 2 р. 25 к., вѣсь 5 ф., въ кор. цѣна 2 р. 15 к., вѣсь 4 ф., въ бум. цѣна 2 руб. вѣсь 3 ф. Тоже въ 8 д. Слав. Русскій въ кол. цѣна 90 к., вѣсь 2 ф., въ печ. об. цѣна 50 к., вѣсь 2 ф. Библия, въ 4 д., съ паралл. мѣст. на бѣл. бум., въ кож. цѣна 2 р. 55 к., вѣсь 8 ф., въ печ. об. цѣна 2 р., вѣсь 7 ф. Библия, въ 8 д., на бѣл. бум. въ кож. цѣна 2 р. 45 к., вѣсь 5 ф. въ бум. цѣна 1 р. 90 к., вѣсь 4 ф. Тоже, въ 16 д. (изданіе компактное): а) на велен. бум., въ кож. цѣна 2 р. 10 к., вѣсь 5 ф., въ кор. цѣна 1 р. 90 к., вѣсь 5 ф., въ бум. цѣна 1 р. 50 к., вѣсь 4 ф.; б) на бѣл. бум., въ кож. цѣна 1 р. 75 к., вѣсь 4 ф., въ кор. цѣна 1 р. 50 к., вѣсь 4 ф., въ бум. цѣна 1 р. 10 к., вѣсь 3 ф. Добротолубіе, въ 8 д. въ 2 книгахъ, въ кож. цѣна 3 р. 65 к., вѣсь 7 ф., въ кор. цѣна 3 р. 15 к., вѣсь 7 ф., въ бум. цѣна 2 р. 35 к., вѣсь 6 ф. Евангеліе, въ 8 д., съ хромолит. взобр., на велен. бум., въ бархатѣ цѣна 8 р. 50 к., вѣсь 4 ф., въ бум. цѣна 4 р. 65 к., вѣсь 3 ф. Тоже въ 8 д. съ кнн. на бѣл. бум. въ доскахъ цѣна 1 р. 40 к., вѣсь 4 ф., въ бум. цѣна 1 р. 5 к., вѣсь 3 ф. Тоже въ 8 д., безъ кнн., въ кол. цѣна 50 к., вѣсь 1 ф., въ кор. цѣна 40 коп., вѣсь 1 ф., въ печ. об. цѣна 20 к., вѣсь 1 ф. Тоже, въ 8 д., Слав. Русск. въ кол. цѣна 75 к., вѣсь 3 ф., въ кор. цѣна 55 к., вѣсь 3 ф. Евангелія, чтенія во св. великій Четвертокъ на литургіи, на умовеніи и по умовеніи погъ, и во св. великій Пяттокъ, на трени и вечерни: а) въ листъ, съ кнн., въ бум. цѣна 45 к., вѣсь 2 ф.; б) въ 16 д., на велен. бум. въ кол. цѣна 75 к., вѣсь 1 ф., печ. об. цѣна 30 к., вѣсь 1 ф.; в) въ 16 д., на бѣл. бум. въ кор. цѣна 45 к., вѣсь 1 ф., печ. об. цѣна 8 к., вѣсь 1 ф. Ефрема Св. Цвѣты изъ сада, въ 8 д., въ печ. об. цѣна 6 к., вѣсь 1 ф. Инноцентія, Митрополита Московскаго, Указаніе пути въ царствіе небесное, въ 12 д. въ печ. об. цѣна 12 к., вѣсь 1 ф. Ирмологъ простой, въ 4 д., съ кнн. въ кож. цѣна 1 р. 55 к., вѣсь 2 ф., въ бум. цѣна 1 р. 15 к., вѣсь 1 ф. Тоже, 8 д., безъ кнн. въ кож. цѣна 60 к., вѣсь 2 ф., въ бум. цѣна 45 к., вѣсь 1 ф. Іоанна Св. Дамаскина, точное изложеніе православной вѣры, или Богословіе, въ 4 д., на прост. бум. въ кож. цѣна 1 р., вѣсь 3 ф., въ кор. цѣна 80 к., вѣсь 3 ф., въ бум. цѣна 65 к., вѣсь 2 ф. Іоанна Св. Златоустаго, Бесѣды о покаяніи, въ 4 д. въ кож. цѣна 2 р., вѣсь 4 ф., въ кор. цѣна 1 р. 55 к., вѣсь 3 ф., въ бум. цѣна 1 р. 35 к., вѣсь 3 ф. Іоанна Св. Ксифилина, Пять поученій, въ 8 д., въ печ. об. цѣна 9 к., вѣсь 1 ф. Іоанна Св. Лѣствичника. лѣствица: а) 8 д., съ кнн. въ кож. цѣна 1 р. 20 к., вѣсь 4 ф., въ кор. цѣна 1 р., вѣсь 3 ф., въ бум. цѣна 80 к., вѣсь 3 ф.; б) 8 д., безъ кнн. въ кож. цѣна 90 к., вѣсь 4 ф., въ кор. цѣна 70 к., вѣсь 3 ф., въ бум. цѣна 50 к., вѣсь 3 ф. Каноникъ, въ 8 д., съ кнн., въ кож. цѣна 80 к., вѣсь 1 ф., въ бум. цѣна 65 к., вѣсь 1 ф., Тоже, въ 32 д. съ кнн., въ шагрев. цѣна 1 р. 40 к., вѣсь 1 ф., въ кол. цѣна 50 к., вѣсь 1 ф., въ бум. цѣна 25 к., вѣсь 1 ф. Каноны Богослужебные, профессора Ловягина: а) въ 4 д., на греко-славяно-русскомъ языкѣ. Въ печ. об. цѣна 1 р. 65 к., вѣсь 3 ф.; б) въ 8 д., на славяно-русскомъ языкѣ въ печ. об. цѣна 1 р., вѣсь 2 ф. Канонъ великій св. Андрея Критскаго, расположенный въ порядкѣ чтенія: а) на 1-й недѣлѣ Великаго поста, въ 16 д. въ кож. цѣна 45 к., вѣсь 1 ф., въ кор. цѣна 35 к., вѣсь 1 ф., въ бум. 20 к., вѣсь 1 ф.; б) на 5-й недѣлѣ Великаго поста, въ 16 д., въ кож. цѣна 45 к., вѣсь 1 ф., въ кор. цѣна 35 к.

вѣсь 1 ф., въ бум. цѣна 20 к., вѣсь 1 ф. Послѣдованіе въ первый день Св. Пасхи въ 32 д. на бѣл. бум. въ печ. об. цѣна 8 к., вѣсь 1 ф. Натихизисъ, въ 8 д., на бѣл. бум. въ кор. цѣна 28 к., вѣсь 1 ф., въ бум. цѣна 20 к., вѣсь 1 ф. Минея Мѣсячная, въ листь, въ 12 кн., въ кож. цѣна 33 р., вѣсь 62 ф. Минея праздничная въ 8 д., съ кнн., въ кож. цѣна 2 р. 10 к., вѣсь 4 ф., въ бум. цѣна 1 р. 80 к., вѣсь 4 ф. Минеи-Четыи, въ листь, въ 4 книгахъ, въ кож. цѣна 25 р. 65 к., вѣсь 43 ф., въ бум. цѣна 21 р. 10 к. вѣсь 40 ф. Минеи-Четыи, въ 8 д., въ 12 книгахъ, въ кож. цѣна 18 р., вѣсь 27 ф., въ кор. цѣна 15 р., вѣсь 27 ф., въ бум. цѣна 12 р. 65 к., вѣсь 23 ф. Молитвословъ полный съ хром. изоб. а) въ 16 д., на вел. бум. съ зол. обр. цѣна 10 р., вѣсь 5 ф., въ бум. цѣна 6 р. 65 к., вѣсь 4 ф.; б) въ 16 д., на бѣл. бум. съ лит. изоб. въ кож. цѣна 2 р., вѣсь 3 ф. въ бум. цѣна 1 р. 40 к., вѣсь 2 р. Молитвословъ для мірянцъ, въ 16 д., на бѣл. бум. въ кол. цѣна 45 к., вѣсь 1 ф., въ печ. об. цѣна 20 к., вѣсь 1 ф. Молитвословъ сокращен. въ 24 д., на бѣл. бум. въ кол. цѣна 22 к., вѣсь 1 ф., въ кор. цѣна 17 к., вѣсь 1 ф., въ печ. об. цѣна 12 к., вѣсь 1 ф. Молитвы, чтонья въ день Св. Пятидесятницы, въ 16 д., въ печ. об. цѣна 7 к., вѣсь 1 ф. Молитвы при божественной литургіи, въ 32 д., въ печ. об. цѣна 10 к., вѣсь 1 ф. Молитвы на сонъ грядущимъ и утреннія, въ 8 д., круп. печ., съ кнн. на лучш. бум. въ печ. об. цѣна 20 к., вѣсь, на бѣл. бум. въ печ. об. цѣна 15 к. вѣсь 1 ф. Мѣсяцесловъ (Святцы), въ 8 д. съ кнн. въ кож. цѣна 55 к., вѣсь 2 ф., въ бум. цѣна 40 к., вѣсь 1 ф. Новый завѣтъ, 8 д., на бѣл. бум., въ кож. цѣна 75 к., вѣсь 3 ф., въ кор. цѣна 60 коп., вѣсь 3 ф., въ бум. цѣна 40 к., вѣсь 2 ф. Новый завѣтъ, въ 32 д. на бѣл. бум., въ кол. и футлярѣ цѣна 50 к., вѣсь 2 ф., въ печ. об. цѣна 18 к., вѣсь 1 ф. Тоже, съ псалтирью, въ 32 д., на бѣл. бум. въ кол. цѣна 45 к., вѣсь 1 ф., въ печ. об. цѣна 25 к., вѣсь 1 ф. Тоже, въ 16 д. на слав.-русск. яз., въ кож. цѣна 85 к., вѣсь 3 ф., въ кол. цѣна 80 к., вѣсь 3 ф., въ печ. об. цѣна 45 к., вѣсь 2 ф. Октоихъ, въ 8 д. съ кнн. въ кож. цѣна 3 р. 45 к., вѣсь 6 ф., въ кор. цѣна 3 р. 5 к., вѣсь 6 ф., въ бум. цѣна 2 р. 85 к., вѣсь 5 ф. Октоихъ потнаго пѣнія, въ 4 д., съ кнн. въ кож. цѣна 1 р. 40 к., вѣсь 3 ф., съ бум. цѣна 1 р. 5 к., вѣсь 2 ф., Октоихъ Учебный, 8 д., въ кор. цѣна 35 к., вѣсь 1 ф., въ печ. об. цѣна 25 к., вѣсь 1 ф. Пентикостаріонъ (Триодъ цвѣтная) а) въ листь, съ кнн., въ кож. цѣна 3 р. 40 к., вѣсь 8 ф.; б) въ 4 д., безъ кнн., въ кож. цѣна 1 р. 75 к., вѣсь 5 ф., въ кор. цѣна 1 р. 55 к., вѣсь 5 ф.; въ бум. цѣна 1 р. 40 к.; вѣсь 4 ф.; в) въ 8 д., съ кнн., въ кож. цѣна 1 р. 60 к., вѣсь 4 ф., въ кор. цѣна 1 р. 40 к., вѣсь 4 ф., въ бум. цѣна 1 р. 30 к., вѣсь 3 ф. Послѣдованіе ко св. Причащенію, въ 8 д., въ печ. об. цѣна 5 к., вѣсь 1 ф. Послѣдованіе (краткое) во Святую и великую пѣдѣлю Пасхи и во всю свѣтлую седмицу, въ 12 д., съ кнн. въ кож. цѣна 40 к., вѣсь 1 ф., въ кор. цѣна 30 к., вѣсь 1 ф. Послѣдованіе въ недѣлю православія, въ 3 д. въ печ. об. цѣна 20 к., вѣсь 1 ф. Послѣдованіе парастаса, сирѣчь, великія панихиды и всенощнаго бдѣнія, пѣваемыхъ по усопшихъ, въ 8 д., на бѣл. бум. въ печ. об. цѣна 20 к., вѣсь 1 ф. Правила св. Апостоловъ, св. Соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. Отцовъ, въ 12 д. на бѣл. бум. въ кож. цѣна 80 к., вѣсь 5 ф., въ кор. цѣна 70 к., вѣсь 5 ф., въ бум. цѣна 60 к., вѣсь 4 ф. Прологъ (собраніе житій, страданій и чудотвореній Святыхъ), въ листь, въ двухъ книгахъ, въ кож. цѣна 7 р. 70 к., вѣсь 17 ф. въ бум. цѣна 6 р. 25 к., вѣсь 15 ф. Псалтирь (учебная): а) въ 4 д. съ кнн. (круп. печ.) въ кож. цѣна 2 р. 50 к. вѣс. 6 ф., въ бум. цѣна 2 р. 10 к., вѣсь 5 ф.; б) въ 4 д., съ кнн., обыкн. печ. въ кож. цѣна 1 р., вѣсь 4 ф., въ кор. цѣна 75 к., вѣсь 4 ф. въ бум. цѣна 65 к. вѣсь 3 ф.; в) въ 4 д. безъ кнн., въ кож. цѣна 80 к., вѣсь 4 ф., въ кор. цѣна 60 к., вѣсь 4 ф. въ бум. цѣна 45 к., вѣсь 3 ф.; г) въ 8 д. безъ кнн., въ кож. цѣна 55 к., вѣсь 3 ф. въ кор. цѣна 45 к., вѣсь 3 ф. въ бум. цѣна 30 к., вѣсь 2 ф. Псалтирь учебная, въ 36 д. безъ кнн., въ кор. цѣна 25 к. вѣсь 1 ф. въ печ. об. цѣна 15 к., вѣсь 1 ф. Псалтирь (слѣдованная): а) въ листь, съ кнн. въ кож. цѣна 5 р. 30 к., вѣсь 8 ф.; б) въ 8 д. съ кнн., въ кож. цѣна 2 р. 85 к., вѣсь 6 ф. въ бум. цѣна 2 р. 65 к., вѣсь 5 ф. Служба на каждый день первыя седмицы Великаго поста, въ 4 д. въ 2-книгахъ, въ кож. цѣна 4 р. 20 к., вѣса 5 ф. въ бум. цѣна 3 р. 50 к., вѣсь 4 ф. Служба на каждый день Страстныя седмицы Великаго поста, въ 4 д. въ 2 книгахъ, въ кож. цѣна 3 р. 60 к., вѣсь 5 ф. въ бум. цѣна 2 р. 90 к. вѣсь 4 ф. Служба, житіе и чудеса Николая Архі-

епископа Мирлиійскаго Чудотворца, въ 4 д. въ кож. цѣна 1 р. 30 к. вѣсъ 4 ф., въ кор. цѣна 1 р. 10 к. вѣсъ 4 ф., въ печ. об. цѣна 95 к. вѣсъ 3 ф. Служба преподобному Нилу Столобенскому Чудотворцу, въ 16 д. печ. об. цѣна 15 к. вѣсъ 1 ф. Тихона св., Епископа Воронежскаго: наставленіе о собственныхъ каждаго христіанина должностяхъ въ 8 д. въ кож. цѣна 40 к. вѣсъ 2 ф., въ кор. цѣна 35 к. вѣсъ 2 ф., въ печ. об. цѣна 25 к. вѣсъ 1 ф. Типиконъ (Уставъ Церковъ) въ 8 д. съ кнн. въ кож. цѣна 3 р. 40 к. вѣсъ 7 ф., въ кор. цѣна 3 р. 20 к. вѣсъ 7 ф. въ бум. цѣна 3 р. 10 к. вѣсъ 5 ф. Требникъ, въ 16 д. безъ кнн. въ кож. цѣна 1 р. вѣсъ 3 ф. Трїодіонъ или Трїодъ Постная: а) въ листъ съ кнн. въ кож. цѣна 5 р. 50 к. вѣсъ 10 ф.; б) въ 4 д., безъ кнн. въ кож. цѣна 1 р. 70 к. вѣсъ 7 ф., въ кор. цѣна 2 р. 50 к. вѣсъ 7 ф., въ бум. цѣна 2 р. 35 к. вѣсъ 5 ф.; в) въ 8 д. съ кнн. въ кож. цѣна 3 р. вѣсъ 6 ф., въ кор. цѣна 2 р. 85 к. вѣсъ 6 р., въ бум. цѣна 2 р. 75 к. вѣсъ 5 ф. Часословъ: а) въ 8 д. съ кнн., въ кож. цѣна 55 к. вѣсъ 2 ф., въ бум. цѣна 40 к. вѣсъ 2 ф.; б) въ 32 д. съ кнн. въ шагр. цѣна 1 р. 40 к. вѣсъ 2 ф.; в) въ 32 д. съ кнн. въ шагр. цѣна 1 р. 40 к. вѣсъ 1 ф., въ кож. цѣна 40 к. вѣсъ 1 ф., въ бум. цѣна 25 к. вѣсъ 1 ф. Чинъ освященія храма отъ Архіерея творимаго, въ 4 д. въ кож. цѣна 75 к. вѣсъ 2 ф. въ кор. цѣна 55 к. цѣна 2 ф., въ бум. цѣна 40 к. вѣсъ 1 ф. Чинъ о исповѣданіи, въ 8 д. на бѣл. бум. въ бум. цѣна 25 к. вѣсъ 1 ф. Полный курсъ богослужбныхъ книгъ, большаго формата въ перепл. кож. цѣна 100 р. 53 к. Малый кругъ богослужбныхъ книгъ, малаго формата, въ перепл. кож. цѣна 32 р. 15 к.

Гражданской печати.

Анаѣксты: Великомуч. Варварѣ, въ 16 д. въ печ. об. цѣна 10 к. вѣсъ 1 ф. Св. Николаю, въ 16 д. въ печ. об. цѣна 10 к. вѣсъ 1 ф. Преп. Сергію, въ 16 д. въ печ. об. цѣна 10 к. вѣсъ 1 ф. Успенію Пресвят. Богородицы, въ 16 д. въ печ. об. цѣна 10 к., вѣсъ 1 ф. Алфавитъ духовный, въ 8 д. въ кож. цѣна 45 к. вѣсъ 2 ф., въ кор. цѣна 35 к., вѣсъ 1 ф., въ бум. цѣна 30 к. вѣсъ 1 ф. Амвросія Еписк. Медиоланскаго, двѣ книги о покаяніи, въ 16 д. въ кож. цѣна 80 к. вѣсъ 2 ф., въ корет. цѣна 70 к. вѣсъ 2 ф., въ печ. об. цѣна 55 к., вѣсъ 2 ф. Апостоль, въ 8 д., на бѣл. бум., въ кож. цѣна 60 к., вѣсъ 3 ф. Библия, въ 16 д., въ 1 кн., въ шагр. съ зол. обр. цѣна 5 р. 25 к., вѣсъ 8 ф., въ саф. цѣна 3 р. 70 к., вѣсъ 7 ф., въ кож. цѣна 3 р. 30 к., вѣсъ 7 ф., въ печ. об. цѣна 2 р. 50 к., вѣсъ 5 ф. Тоже, въ 2 кн. въ саф. цѣна 4 р. 30 к., вѣсъ 7 ф., въ кож. цѣна 3 р. 70 к., вѣсъ 7 ф., въ печ. об. цѣна 2 р. 50 к., вѣсъ 5 ф. Тоже въ 3 кн., въ саф. цѣна 4 р. 90 к., вѣсъ 8 ф., въ кож. цѣна 4 р. 10 к., вѣсъ 8 ф., въ печ. об. цѣна 2 р. 50 к., вѣсъ 5 ф. Тоже въ 8 д., въ 2 кн. въ шагр. съ зол. обр. цѣна 5 р., вѣсъ 7 ф., въ саф. цѣна 3 р. 50 к., вѣсъ 6 ф., въ бѣл. тисп. кож. цѣна 3 р. 25 к. вѣсъ 6 ф., въ кож. цѣна 3 р., вѣсъ 6 ф., въ печ. об. цѣна 2 р., вѣсъ 4 ф. Братское слово православному христіанину о святости церковнаго обряда, въ 16 д., свщ. І. Наумовича, въ бум. цѣна 3 к., вѣсъ 1 ф. Благоговѣнное увѣщаніе ко св. Причащенію, въ 16 д. въ печ. об. цѣна 20 к., вѣсъ 1 ф. Бунварь, въ 16 д. въ печ. об. цѣна 4 к., вѣсъ 1 ф. Геннадія, Архіеп. Константинопольскаго, о вѣрѣ и жизни христіанской въ бум. цѣна 4 к., вѣсъ 1 ф. Діонисія Ареопагита, о небесной іерархіи, въ 8 д. въ кож. цѣна 40 к., вѣсъ 1 ф. въ кор. цѣна 30 к., вѣсъ 1 ф., въ печ. об. цѣна 15 к., вѣсъ 1 ф. Евангеліе, въ 8 д. на бѣл. бум. въ кож. цѣна 50 к., вѣсъ 2 ф., въ печ. об. цѣна 15 к. вѣсъ 2 ф. Тоже въ 32 д. на бум. бѣл. въ кож. цѣна 15 к., вѣсъ 1 ф., въ печ. об. цѣна 7 к., вѣсъ 1 ф. Тоже въ 32 д. отдѣльными Евангелистами, отъ Матѳея, въ печ. об. цѣна 2 к. вѣсъ 1 ф., отъ Марка, въ печ. об. цѣна 2 к. вѣсъ 1 ф., отъ Луки печ. об. цѣна 2 к. вѣсъ 1 ф., отъ Іоанна, печ. об. цѣна 2 р. вѣсъ 1 ф. Евангелія, чтомыя во св. великій Четвертокъ на литургіи. на умовеніи и по умовеніи ногъ и во св. великій Пятокъ на утрени и вечерни, въ 16 д. въ кож. цѣна 35 к. вѣсъ 1 ф., въ печ. об. цѣна 15 к. вѣсъ 1 ф. Тоже чтомыя въ св. великій Пятокъ въ 8 д. въ кож. цѣна 45 к. вѣсъ 1 ф. Св. Ефрема Сирина, Цвѣты изъ сада въ бум. цѣна 6 к. вѣсъ 1 ф. Изложеніе краткое божественной литургіи, въ 32 д. въ печ. об. цѣна 4 к. вѣсъ 1 ф. Избранныя мѣста изъ твореній св. Отцевъ (духовно-нравственное чтеніе), въ 16 д. въ бум.: Св. Евангелистонъ, вып. 1, цѣна 7 к. вѣсъ 1 ф. Св. Кирилла Іерус. II, цѣна 4 к. вѣсъ 1 ф. О таинствахъ вып.

III, цѣна 11 к. вѣсъ 1 ф. Св. Василия великаго выпускъ IV, цѣна 4 р. вѣсъ 1 ф. Св. Іоанна Златоуста выпускъ V цѣна 12 к. вѣсъ 1 ф. Св. Ефрема Сиріина вып. VI цѣна 12 к. вѣсъ 1 ф. Св. Димитрія Рост. вып. VII цѣна 10 к. вѣсъ 1 ф. Его-же вып. VIII цѣна 6 к. вѣсъ 1 ф. Св. Тихона Воронеж. вып. IX цѣна 10 к. вѣсъ 1 ф. Его-же вып. X цѣна 5 к. вѣсъ 1 ф. Св. Дѣлій и Пославій вып. XI цѣна 6 к. вѣсъ 1 ф. Состояніе первенствующихъ христіанъ вып. XII цѣна 10 к. вѣсъ 1 ф. Св. Іоанна Златоуст. вып. XIII цѣна 13 к. вѣсъ 1 ф. Инноентія, Митрополита Московскаго, Указаніе пути въ царствіе небесное, въ 12 д. въ печ. об. цѣна 7 к. вѣсъ 1 ф. Иринаея Арх. Псковскаго, Толкованіе на Псалтирь въ 8 д. въ 2 кн. въ кож. цѣна 2 р. 70 к. вѣсъ 7 ф., въ кор. цѣна 2 р. 35 к. вѣсъ 7 ф., въ печ. об. цѣна 2 р. вѣсъ 5 ф. Исторія краткая Русской Церкви, Филарета Архіеп. Черниговскаго, въ 8 д. въ печ. об. цѣна 50 к. вѣсъ 2 ф. Іоанна св. Златоустаго, бесѣды на Евангеліе Матѳея, въ 16 д. въ 3 кн. въ кож. цѣна 2 р. 50 к. вѣсъ 5 ф., въ кор. цѣна 2 р. 25 к. вѣсъ 5 ф. въ печ. об. цѣна 1 р. 90 к. вѣсъ 4 ф. Каноны богослужебные, проф. Ловягина въ 16 д. въ печ. об. цѣна 45 к. вѣсъ 2 ф. Канонъ Св. Андрея Критскаго, расположенный въ порядкѣ чтенія на 1 недѣлю великаго поста въ 16 д. въ кол. цѣна 40 к. вѣсъ 1 ф. въ печ. об. цѣна 20 к. вѣсъ 1 ф. Макарія Архіеп. Литовскаго, руководство къ изученію догматическаго богословія, въ 8 д. въ кор. цѣна 60 к. вѣсъ 3 ф. въ печ. об. цѣна 40 к. вѣсъ 2 ф. Молитвословъ съ акафистами, въ 16 д. на вел. бум., въ кол. цѣна 1 р. 25 к. вѣсъ 2 ф. на бѣл. бум., въ кол. цѣна 45 к. вѣсъ 1 ф., въ кор. цѣна 40 к. вѣсъ 1 ф., въ печ. об. цѣна 20 к. вѣсъ 1 ф. Тоже сокращенный, въ 36 д. на бѣл. бум. въ кол. цѣна 15 к. вѣсъ 1 ф., въ печ. об. цѣна 8 к. вѣсъ 1 ф. Тоже краткій, съ полигипажами въ 24 д. въ печ. об. цѣна 4 к. вѣсъ 1 ф. Молитвы при литургіи, въ 32 д. въ печ. об. цѣна 10 к. вѣсъ 1 ф. Молитвы на сонъ грядущимъ и утреннія въ 16 д. въ печ. об. цѣна 4 к. вѣсъ 1 ф. Мѣсяцесловъ (Святцы) въ 36 д. въ кож. цѣна 50 к. вѣсъ 2 ф. въ кол. цѣна 40 к. вѣсъ 2 ф. въ печ. об. цѣна 20 к. вѣсъ 2 ф. Тоже христіанскій, въ 12 д. въ кож. цѣна 75 к. вѣсъ 3 ф., въ кор. цѣна 70 к. вѣсъ 3 ф., въ бум. цѣна 58 к. вѣсъ 3 ф. Начатки христіанскаго ученія, въ 12 д. въ кор. цѣна 17 к. вѣсъ 1 ф. въ печ. об. цѣна 9 к. вѣсъ 1 ф. Новый завѣтъ, въ 16 д. на бѣл. бум. въ кол. съ саф. кор. цѣна 55 к. цѣна 2 ф., въ кол. цѣна 45 к. вѣсъ 2 р. Тоже въ 22 д., на бѣл. бум. въ кол. цѣна 35 к. вѣсъ 1 ф., въ кор. цѣна 30 к. вѣсъ 1 ф. въ печ. об. цѣна 18 к. вѣсъ 1 ф. Новый Завѣтъ, съ Псалтирю: а) въ 8 д. круп. печ. въ кол. цѣна 1 р. 30 к. вѣсъ 5 ф. въ печ. об. цѣна 75 к. вѣсъ 4 ф. б) въ 8 д. обыкн. печ. въ кол. цѣна 95 к. вѣсъ 2 ф. въ кор. цѣна 80 к. вѣсъ 2 ф. въ печ. об. цѣна 60 к. вѣсъ 2 ф.; в) въ 32 д. въ кож. цѣна 45 к. вѣсъ 1 ф. въ кор. цѣна 40 к. вѣсъ 1 ф. въ печ. об. цѣна 25 к. вѣсъ 1 ф. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода, въ 8 д. на бѣл. бум. Т. I, въ бум. цѣна 4 р. вѣсъ 7 ф. Т. II, ч. 1, въ бум. цѣна 5 к. вѣсъ 7 ф. Тоже ч. 2, въ бум. цѣна 2 р. 80 к. вѣсъ 6 ф. Т. III, въ бум. цѣна 4 р. вѣсъ 6 ф. Т. IV, въ бум. цѣна 2 р. 80 к. вѣсъ 6 ф. Т. VI, въ бум. цѣна 3 р. 50 к. вѣсъ 6 ф. Т. VII, въ бум. цѣна 2 р. 30 к. вѣсъ 6 ф. Послѣдованіе ко св. Причащенію, въ 16 д. въ печ. об. цѣна 10 к. вѣсъ 1 ф. Православное исповѣданіе вѣры въ 8 д. на бѣл. бум. въ кор. цѣна 25 к. вѣсъ 1 ф., въ бум. цѣна 20 к. вѣсъ 1 ф. Псалтирь въ 36 д. въ кор. цѣна 25 к. вѣсъ 1 ф., въ печ. об. цѣна 15 к. вѣсъ 1 ф. Тоже въ 32 д. въ печ. об. цѣна 4 к. вѣсъ 1 ф. Служба, житіе и чудеса Николая, Архіепископа, Мирликійскаго Чудотворца, въ 4 д. въ кож. цѣна 1 р. 10 к. въ кореш. цѣна 90 к. вѣсъ 4 ф. въ печ. об. цѣна 70 к. вѣсъ 3 к. Служба преп. Нилу Столобенскому чудотворцу, въ 16 д. въ печ. об. цѣна 15 к. вѣсъ 1 ф. Собраніе (полное) постановленій и распоряженій по духовному вѣдомству, въ 8 д. на бѣл. бум. Т. I, въ бум. цѣна 1 р. вѣсъ 3 ф. Т. II, въ бум. цѣна 2 р. вѣсъ 3 ф. Т. III, въ бум. цѣна 75 к. вѣсъ 2 ф. Т. IV, въ бум. цѣна 1 р. 20 к. вѣсъ 3 к. Т. V, въ бум. цѣна 1 р. 50 к. вѣсъ 4 ф. Собраніе мнѣній и отзывовъ Митрополита Филарета по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ, въ 8 д. Т. I, въ бум. цѣна 2 р. вѣсъ 3 ф. Т. II, въ бум. цѣна 2 р. вѣсъ 3 ф. Т. III, въ бум. цѣна 2 р. вѣсъ 3 ф. Св. Тихона, Епископа Воронежскаго: а) Наставленіе о собственныхъ каждаго христіанина должностяхъ, въ 8 д. въ кож. цѣна 55 к. вѣсъ 3 ф. въ кор. цѣна 40 к. вѣсъ 3 ф., въ печ. об. цѣна 30 к. вѣсъ 2 ф.; б) Сокровище духовное, отъ міра собираемое въ 12 д. часть 1 и 2

въ печ. об. цѣна 60 к. вѣсъ 2 ф; часть 3 и 4 въ печ. об. цѣна 30 к. вѣсъ 2 ф.
 в) Полное собраніе сочиненій въ 8 д. въ 5 ч. въ кож. цѣна 7 р., вѣсъ 7 ф., въ
 кор. цѣна 6 р. вѣсъ 7 ф., въ печ. об. цѣна 5 р. 50 к. вѣсъ 7 ф. Томы Кемпій-
 снаго, о подражаніи Христу, въ 16 д. въ бум. цѣна 60 к. вѣсъ 1 ф. Поступили
 въ продажу сочиненія Епископа Порфирія (Успенскаго): Исторія Авона, въ 3 отд.
 книгахъ, въ бум. цѣна 3 р. вѣсъ 3 ф. Первое и Второе путешествіе въ Авоискій
 монастырь и скиты, въ 6 кн. въ бум. цѣна 6 р. вѣсъ 10 ф. Четыре бесѣды Архі-
 епископа Константинопольскаго Фотія, въ бум. цѣна 1 р. вѣсъ 1 ф.

Печатаются новыми изданіями:

Псалтирь учебная, въ 8 д. безъ кн. церк. печ. Часословъ учебный, въ 8 д.
 безъ кн., церк. печ. Евангеліе на слав. русск. яз. въ 8 д.

О ПОДПИСКѢ

на

„БОЛГАРО-РУССКІЙ ЖУРНАЛЪ“

Подписка на новый ежемѣсячный научно-философскій, литературный и поли-
 тическій „Болгаро-русскій журналъ“—одною изъ цѣлей котораго будетъ всесто-
 роннее взаимное ознакомленіе русскихъ съ болгарами и другими славянами,—
 принимается въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Въ Болгаріи (Vulgarie, България), градъ *Софія*, редакція „Болгаро-русскаго
 журнала“, у редактора-издателя Владиміра Викторовича Шаркова; въ Россіи:
Петербургъ, контора редакціи газеты „Свѣтъ“, Фонтанка, № 74. *Петербургъ*,
 книжный магазинъ „Новаго Времени“, Невскій, № 36. *Москва*, книжный мага-
 зинъ „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова. *Одесса*, книжный
 магазинъ В. И. Вѣлаго, Дерибасовская улица. *Варшава*, книжный магазинъ Кар-
 басникова, Новый Свѣтъ, № 65. Въ Австро-Венгріи, городъ *Львовъ* (Lemberg),
 редакція и экспедиція газеты „Слово“, въ домъ № 4, улица Вексларская 1
 поверхъ.

Подписная цѣна на первое полугодіе 1886 года (пять книжекъ, каждая отъ
 ста до двухсотъ страницъ и словари болгаро-русскій и русско-болгарскій) съ
 пересылкой и доставкой: въ Болгарію—8 лева (франковъ); въ Россію—4 рубля
 (кредитныхъ, бумажныхъ); въ другія земли Балканскаго полуострова и Австро-
 Венгріи (въ томъ числѣ и въ Галліцію)—10 франковъ или равное имъ по курсу
 количество мѣстныхъ денегъ; въ неславянскія земли всѣхъ частей сѣвта—15
 франковъ.

Книжные магазины, бібліотеки, а также слушатели и слушательницы высшихъ
 учебныхъ заведеній высылаютъ только три четверти ($\frac{3}{4}$) подписной цѣны.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о „Болгаро-русскомъ журналѣ“,—первая (Инвар-
 ская) книжка котораго выйдетъ въ концѣ будущаго декабря,—редакція высылаетъ
 безплатно всѣмъ желающимъ.

Редакторъ-Издатель „Болгаро-Русскаго журнала“

В. В. Шарковъ,

Бывшій сотрудникъ одного изъ Петербургскихъ періодическихъ изданій.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

„ВЕТЕРИНАРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНОЙ И КЛИНИЧЕСКОЙ ЗООЯТРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

подъ отвѣтственной редакціей ординарнаго профессора Харьковскаго Ветеринарнаго Института П. А. ГОРДѢВА.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Первый отдѣлъ: анатомія, гистологія и фізіологія нормальная и патологическая

Второй отдѣлъ: научныя изслѣдованія по экспериментальной фізіологіи, общей и частной патологіи и эпизоотологіи.

Третій отдѣлъ: статьи и работы по зоотехникѣ, гигиенѣ, діететикѣ, сельскому хозяйству, ветеринарной статистикѣ и экстерьеру.

Четвертый отдѣлъ: статьи и работы по хирургической, терапевтической, дерматологической, эпизоотологической клинической ветеринаріи и судебно-ветеринарной полиціи.

Пятый отдѣлъ: критика и библіографія.

Шестой отдѣлъ: литературное обозрѣніе и смѣсь. Рефераты по отечественной и иностранной журналистикѣ.

УСЛОВІЯ ИЗДАНИЯ: „Ветеринарный Вѣстникъ“ будетъ выходить въ 1886 году въ количествѣ 60-ти печатныхъ листовъ въ годъ, безсрочными выпусками, съ приложеніями спеціальныхъ руководствъ въ формѣ кафедральныхъ лекцій переводныхъ или оригинальныхъ сочиненій.

Въ 1886 году будутъ выходить слѣдующія приложенія: „Частная Патологія и Терапія“ профессора Гордѣва (Т. II. Волѣзни гортани, трахеи и бронховъ); „Зоофармакологія“, профессора Гордѣва; „Анатомія домашнихъ животныхъ“ В. Новопольскаго (о зубахъ, мышцахъ и связкахъ); „Ветеринарная полиція“, профессора Баранскаго изъ Лемберга; „Руководство по теоріи кожи и копытнымъ болѣзнямъ“, магистра Ив. Садовскаго съ рисунками (вторая часть) и „Дозировка врачебныхъ средствъ“, профессора Залѣскаго.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: за годъ безъ приложенія шесть рублей, съ приложеніемъ семь рублей, съ пересылкой восемь рублей.

Гг. Студенты Ветеринарныхъ Институтровъ платятъ однимъ рублемъ меньше и пользуются въ случаѣ нѣобходимости наравнѣ съ прочими подписчиками разсрочкою, которая по соглашенію съ редакціей можетъ быть распредѣлена на нѣсколько сроковъ.

Оставшіеся экземпляры журнала за 1882, 1883, 1884 и 1885 гг. со всеми приложеніями можно получать за пятнадцать рублей съ пересылкой и съ разсрочкой платежа по соглашенію съ редакціей.

АДРЕСЪ: Въ редакцію журнала „Ветеринарный Вѣстникъ“, профессору Петру Андреевичу Гордѣву.

Редакторъ-Издатель П. Гордѣвъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы - въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.